THE

HEAVENLY FATHER.

Lectures on Modern Atheism.

BY

ERNEST NAVILLE,

CORRESPONDING MEMBER OF THE INSTITUTE OF FRANCE (ACADEMY OF THE MORAL AND POLITICAL SCIENCES), LATE PROFESSOR OF PHILOSOPHY IN THE UNIVERSITY OF GENEVA.

TRANSLATED FROM THE FRENCH

BY HENRY DOWNTON, M.A.,

ENGLISH CHAPLAIN AT GENEVA.

—"To this deplorable error I desire to oppose faith in GOD as it has been given to the world by the Gospel—faith in the HEAVENLY FATHER."

Author's Letter to Professor Faraday (v. p. 193).

BOSTON:

WILLIAM V. SPENCER.

1867.

НЕБЕСНЫЙ ОТЕЦ

Лекции о современном атеизме

ЭРНЕСТ НАВИЛЬ

Член-корреспондент Института Франции (Академии моральных и политических наук), бывший профессор философии в Женевском университете.

Переведено с французского

ГЕНРИ ДАУНТОНОМ, магистром искусств,

Англиканским капелланом в Женеве.

«Этой прискорбной ошибке я желаю противопоставить веру в Бога, как она была дана миру Евангелием — веру в НЕБЕСНОГО ОТЦА».

(Письмо автора профессору Фарадею, см. стр. 63.)

1867

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА
- ЛЕКЦИЯ I - НАШЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БОГЕ – 4
  - Краткий обзор первой лекции - 16
- ЛЕКЦИЯ II - ЖИЗНЬ БЕЗ БОГА - 17
  - ЧАСТЬ I. ЛИЧНОСТЬ - 18
  - ЧАСТЬ II. ОБЩЕСТВО - 26
  - Краткий обзор второй лекции - 38
- ЛЕКЦИЯ III - ВОЗРОЖДЕНИЕ АТЕИЗМА - 40
  - Краткий обзор третьей лекции - 55
- ЛЕКЦИЯ IV – ПРИРОДА - 56
  - Краткий обзор четвертой лекции - 75
- ЛЕКЦИЯ V – ЧЕЛОВЕЧЕСТВО - 76
  - Краткий обзор пятой лекции - 90
- ЛЕКЦИЯ VI – ТВОРЕЦ - 91
  - Краткий обзор шестой лекции - 104
- ЛЕКЦИЯ VII – ОТЕЦ - 105
  - Краткий обзор седьмой лекции - 114

Краткие обзоры каждой лекции были созданы по примеру книги «Жизнь Вечная», добавленных самим автором

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эти лекции в своем первоначальном виде были прочитаны в Женеве, а затем в Лозанне перед двумя аудиториями, численность которых вместе составляла около двух с половиной тысяч человек. Один швейцарский журнал опубликовал значительные фрагменты этих лекций, записанных стенографически. Прочитав эти отрывки, несколько человек из разных стран пришли к мысли перевести работу, когда она будет завершена Автором и подготовлена к печати. Корректурные листы по мере их выхода из печати направлялись переводчикам, и таким образом этот том выйдет почти одновременно на нескольких языках Европы.

Искренняя доброжелательность, с которой мои соотечественники восприняли мои слова, была для меня и радостью, и ободрением. Выражения сочувствия, которые пришли ко мне из-за границы, позволяют мне надеяться, что эти страницы, несмотря на недостатки и несовершенства, о которых я вполне осведомлён, отражают хотя бы несколько лучей той истины, которую Бог даровал земле, чтобы соединить в одной вере и надежде людей всех языков и всех народов.

ЖЕНЕВА, май 1865 г. Эрнест Навиль

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Появление этого перевода так долго спустя после выхода оригинального издания противоречит приведённому выше утверждению автора о том, что перевод должен был появиться почти одновременно с оригиналом. Задержка произошла по причинам, от меня не зависящим, — отчасти из-за трудностей корректуры на таком большом расстоянии от места издания, так как переводчик проживает в Женеве. Эта последняя особенность составляет исключение ещё и в другом отношении: предложение о переводе лекций было сделано автору и любезно принято им ещё во время чтения лекций в Женеве.

Простое указание автора на число слушателей, каким бы большим оно ни было, не может дать полного представления об энтузиазме, с которым лекции были восприняты многочисленной аудиторией, спешившей их услышать. Эта аудитория состояла из представителей всех классов общества — от самых выдающихся учёных до образованных ремесленников.

Конечно, не приходится ожидать, что эти лекции, даже при чтении в оригинале, не говоря уже о переводе, произведут такое же сильное впечатление, какое они оказывали на тех, кто, вместе с переводчиком, имел привилегию слушать их лично. У автора мало соперников — как на континенте, так и за его пределами — по изяществу и выразительности речи. Однако следует опасаться, что темы, затронутые в этих лекциях, становятся всё более актуальными не только за границей, но и в самой Англии. На самом деле одна из лекций — четвёртая — в значительной мере посвящена формам атеизма, источником которых в основном являются английские авторы. В этой лекции автор доказывает, что духовное происхождение человека нельзя «скрыть за подробностями физиологии и исследованиями естественной истории», и что эти исследования не только «не могут решить», но даже «не могут коснуться этого вопроса».

Та же лекция частично посвящена практическому опровержению предубеждения против религии, основанного на антирелигиозном характере некоторых учёных. Тема лекций привела автора к тому, что он ограничил свои замечания в этой связи вопросами естественной религии. Но переводчик признается, что одной из главных причин, побудивших его взяться за труд перевода, было желание показать на примере выдающегося автора, что

люди, обладающие бесспорным авторитетом, как метафизические мыслители, могут открыто исповедовать свою веру в те истины, которые многие современные наставники религиозной мысли у молодых людей склонны представлять как достояние узких умов и как несовместимые с высшим интеллектуальным развитием. К таким истинам относятся: падение и гибель человека по природе, необходимость Божественного действия для его спасения, его нужда в умилостивлении посредством жертвы Богочеловека. Эти истины прямо изложены автором в его предыдущем курсе лекций «Вечная жизнь», в котором, говоря красноречиво о той вечной жизни, что уготована праведным, он не уклонился от провозглашения своей веры и в её страшное противостояние — вечное осуждение нечестивых.

«Соблазн Креста» ещё не «прекратился», и многие, узнав, что таковы взгляды этого автора, возможно, отложат книгу, сочтя её недостойной внимания. И всё же редактор, биограф и толкователь великого французского мыслителя Мэна де Бирана не нуждается в представлении интеллектуальной элите ни нашей страны, ни других. Переводчик будет считать свою работу не напрасной, если некоторые, особенно молодёжь его родной страны, ослеплённые блеском ложной науки, найдут в этом труде помощь в укреплении своей веры и увидят новый пример того, что есть люди, способные решать самые глубокие умственные задачи, которые могут занимать наши мысли, и при этом пришедшие к убеждению — как они сами верят, вполне совместимому с принципами ясного разума — в истинности именно тех положений, которые составляют суть евангельского христианства. При этом переводчик далёк от того, чтобы утверждать, что автор принадлежит к одной с ним школе богословия: различия между ними касаются и важных вопросов. Тем не менее, он верит, что этот том может принести большую пользу в нынешнем состоянии религиозной мысли в Англии. С этой надеждой и молитвой он вверяет его благословению Того, Чьё бытие и свойства как нашего Бога и Отца во Христе Иисусе утверждаются и защищаются в этих страницах.

ЖЕНЕВА, ноябрь 1865 г.

ЛЕКЦИЯ I — НАШЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БОГЕ

вернуться к содержанию >>>

(Женева, 17 ноября 1863 г. — Лозанна, 11 января 1864 г.)

Господа!

Лет двадцать пять или тридцать назад один немецкий писатель опубликовал стихотворение, начинавшееся такими словами: «Наши сердца сжаты благочестивой грустью при мысли о древнем Иегове, который готовится умереть». Эти стихи были плачем по поводу смерти живого Бога, и автор, как подобает образованному сыну девятнадцатого века, пролил несколько поэтических слёз на похоронах Вечного.

Я был молод, когда эти странные слова впервые попались мне на глаза, и они произвели на меня своего рода болезненное замешательство, которое, как мне кажется, навсегда запечатлело их в моей памяти. С тех пор мне не раз доводилось убеждаться множеством признаков, что этот случай отнюдь не был исключительным. Люди, пользующиеся влиянием, известные школы, важнейшие направления современной мысли едины в провозглашении того, что время религии прошло, что религия во всех её формах, религия в самом широком смысле этого слова, принадлежит прошлому.

Под социальными волнениями нашего времени, под научными спорами, под тревогой одних и унынием других, под иронической и более или менее оскорбительной радостью некоторых, можно прочесть, как фундамент многих умственных проявлений нашего века, эти мрачные слова: «Отныне больше нет Бога для человечества!» То, что действительно может

привести общество в трепет — больше, чем угроза войны, больше, чем возможная революция, больше, чем заговоры, которые могут зреть во тьме против безопасности личности или собственности, — это количество, важность и масштаб усилий, предпринимаемых в наши дни, чтобы угасить в душах людей их веру в живого Бога.

Этого страха, господа, я хотел бы пожелать вам, но в то же время хотел бы удержать его в пределах разумного. Религия (я беру это слово в самом общем смысле) не мертва и не умирает, как утверждают многие. Мне не нужно другого доказательства этого, кроме как тех усилий, которые столь многие прилагают, чтобы её убить. Часто именно те, кто заявляет, что она мертва или быстро разлагается, и занимаются этим делом. Они, несомненно, слишком великодушны, чтобы нападать с ожесточением на «мертвеца», — и нетрудно понять, по интенсивности их стараний, что, по их собственному мнению, у них есть дело поважнее, чем наносить последний удар умирающему.

Нынешние обстоятельства серьёзны не для самой религии, которая не может быть приведена в опасность, а для умов, которые рискуют потерять равновесие и опору. Однако необходимо отметить, что когда говорят, будто мы живём в необыкновенное время, что мы переживаем невиданную доселе кризисную эпоху, что никогда прежде не было ничего подобного, и так далее, — ко всем такого рода выводам следует относиться с осторожностью. Наш личный интерес к событиям, которые нас непосредственно окружают, придаёт этим событиям в наших глазах увеличивающий эффект микроскопа. И главная причина, по которой мы считаем свою эпоху более необычной, чем другие, заключается в том, что мы живём в собственной эпохе и не жили в других. Ум, учитывающий это обстоятельство и потому настороженный против всякого рода преувеличений, легко поймёт, что религиозная мысль в прежние времена переживала потрясения столь же глубокие и опасные, как те, свидетелями которых являемся мы. И всё же кризис реален. Если принять во внимание его масштаб в наши дни, можно сказать, что для нашего поколения он действительно нов и заслуживает внимательного рассмотрения.

Сегодня, в качестве введения в этот серьёзный предмет, я хотел бы, прежде всего, как можно точнее определить, каково наше представление о Боге; затем выяснить, откуда мы его черпаем; и, наконец, насколько смогу, указать границы и характер обсуждения, к которому приглашаю вас.

Спрашивая, какое значение мы должны придавать слову «Бог», я не собираюсь предлагать вам метафизического определения или какой-либо собственной системы. Я хочу исследовать, что на самом деле представляет собой идея Бога в недрах современного общества, в душах, которые живут этой идеей, в сердцах, для которых она — радость, в совестях, для которых она — опора.

Когда наши мысли поднимаются выше природы и человечества к Тому невидимому Существу, Которого мы называем Богом, что именно происходит в наших душах?

Они боятся, они надеются, они молятся, они возносят благодарения. Если человек оказывается в одном из тех отчаянных положений, когда все человеческие средства помощи бессильны, он обращается к Небу и говорит: «Боже мой!» Если мы становимся свидетелями одного из тех вопиющих случаев несправедливости, которые потрясают совесть до самых её глубин и которые на земле не могут быть наказаны должным образом, мы говорим себе: «Есть Судия на небесах!» Если нас обличает собственная совесть, её голос, тревожащий и иногда терзающий нас, напоминает нам, что, как бы мы ни скрывались от людских глаз, всё равно есть Око, которое видит нас, и есть справедливое воздаяние, ожидающее нас.

Вот так (я стараюсь излагать лишь факты) действует мысль о Боге в душах тех, кто в Него верит. Если попытаться определить общий смысл всех этих проявлений человеческого сердца, что мы найдём? Страх, надежду, благодарение, молитву. К кому всё это обращено?

К Силе разумной и свободной, которая знает нас и способна действовать на нашу судьбу. Именно эта идея лежит в основании всех религий — не только религии Единого Бога, но и самых униженных форм идолопоклонства. Всякая религия зиждется на ощущении существования одной или нескольких невидимых Сил, превосходящих природу и человечество.

Когда пробуждается философское любопытство, оно выделяет из общего чувства могущества определённое представление о причине, которая объясняет явления. Разум человека по самой своей природе чувствует необходимость постигать абсолютную причину, которая своим вечным бытием ускользает от власти времени и своим бесконечным характером превосходит пределы ограниченного существования; первопричину, бытие которой не зависит ни от чего другого, — одним словом, уникальную причину, устанавливающую своим единством всеобщую гармонию. Поэтому, когда разум встречает идею Единого Всемогущего Творца, он привязывается к ней, как к единственной мысли, которая объясняет ему и мир, и самого себя.

Творец — это прежде всего Тот, о Чьей славе возвещают небеса, а земля свидетельствует о делах Его рук. Он — Всемогущий и Премудрый, Чья воля дала бытие природе, и Кто управляет одновременно и хороводом звёзд в бездне небес, и каплей живительной влаги в травинке, по которой мы ступаем ногой. Если, оглядевшись вокруг, мы обратим взор внутрь себя, то откроем иные небеса — духовные небеса, в которых сияют, словно звёзды первой величины, те предметы, что заставляют биться человеческое сердце, пока человек не унизит сам себя: истина, добро, красота. И вот мы чувствуем, что сотворены для этого высшего мира.

Материальные удовольствия могут поработить нашу волю; мы можем в потакании низким страстям стремиться к тому, что по своей сути есть лишь зло, ложь и безобразие. Но если хотя бы слабое сияние нашей истинной природы ещё не угасло, голос из глубины нашей души восстаёт против нашего унижения. Наши стремления к этим духовным совершенствам безграничны. Мы начинаем мыслить: решили одну задачу — немедленно возникают новые вопросы, требующие ответа не менее настоятельно, чем прежние. Совесть говорит нам: достигли мы, может быть, в чём-то правильного и доброго — совесть тотчас требует от нас ещё большего. Пробудилось чувство красоты? Что ж, господа, разве вы не знаете, что можно сразу сказать о художнике, который доволен делом своих рук? Вы знаете, что такой человек никогда не создаст ничего великого, кто не видит вдалеке идеала, перед блеском которого меркнет всё, что он до сих пор мог осуществить.

Голос, который гонит нас вперёд от колыбели до могилы, и который, не позволяя нам ни мгновения покоя, непрестанно взывает: «Вперёд! Вперёд!» — этот голос не властнее того благородного инстинкта, который, в созерцании красоты, истины, добра, тоже говорит нам: «Вперёд! Вперёд!» — и вместе с американским поэтом: Excelsior! — Выше, всё выше! Многие из вас знают этот инстинкт, знакомый так называемым альпинистам, которые, достигнув одной вершины, не находят покоя, пока перед глазами их остаётся высшая высота. Таков наш удел; но последняя вершина скрыта сверкающими облаками, заслоняющими её от нашего взора. Совершенство — вот цель, к которой стремится наша природа; но это лестница Иакова: мы видим основание, стоящее на земле, а вершина теряется от наших слабых очей в блеске бесконечности.

Эти предметы наших высочайших стремлений — красота в её высочайшем проявлении, абсолютная святость, бесконечная истина — соединяются в одной и той же мысли: Бог! Атрибуты духовного начала никогда не пребывают в нас иначе как заимствованные качества; они естественно принадлежат Тому, Кто является их источником.

Бог — есть истина, не только потому, что Он знает всё, но потому, что Он Сам — предмет нашего познания; потому что, когда мы изучаем вселенную, мы лишь разбираем по буквам

некоторые из тех законов, которые Он вложил в бытие вещей; потому что познание истины никогда не бывает чем-то иным, как познанием творения или Творца, мира или его вечной Причины. Бог и есть Тот, Кто должен быть Сам удовлетворением той жажды святости, которая побуждает совесть стремиться к ней. Если бы мы достигли наивысшей степени добродетели, что бы мы сделали? Мы бы осуществили тот план, который Он предназначил для духовных существ, обладающих свободой, в то время как звёзды совершают свой путь, ведомые тем другим Словом, которое они исполняют, не слыша его.

Бог — вечный источник красоты. Именно Он излил благодать на наши долины и величие на наши горы; и это Он же (цитирую святого Августина) действует в душах художников, великих художников, которые, непрестанно стремясь к сферам идеального, чувствуют, что их влечёт к Божественному миру.

Бог, следовательно, прежде всего — Тот, Кто есть, Абсолютный, Бесконечный, Вечный, в неизменно таинственной глубине Своего собственного бытия. В отношении к миру Он — причина; в отношении к возвышенным стремлениям души Он — идеал. Он — идеал, потому что, будучи абсолютной причиной, Он является единственным источником и одновременно предметом наших устремлений; Он — абсолютная причина, потому что, будучи Тем, Кто есть, в Своём высшем единстве, ничто не могло бы существовать иначе как по акту Его силы.

Здесь мы уже можем, мимоходом, распознать источник самых серьёзных заблуждений религиозной мысли. Рассматривают ли истину, святость, красоту отдельно от реального и бесконечного Духа, в Котором заключается их основание? Тогда появляются философии, благородные в своём начале, но вскоре скатывающиеся по роковому наклонному пути. О «Божественном» ещё говорят, но это «божественное» становится абстракцией, и вне Бога оно не имеет никакого реального существования. Если истина, красота, святость — не свойства вечного разума, но лишь выражение стремлений нашей души, человек сперва, возможно, воздаст своего рода поклонение этим высоким проявлениям собственной природы, но логика, неумолимая логика, вскоре заставит его удалить «божественное» в область мечтаний. Эти лучи гаснут вместе с их светящимся центром; душа теряет тайну своего предназначения и, в безмерной скорби, которая овладевает ею, в конце концов провозглашает, что всё — тщета. Нам ещё предстоит вместе стать свидетелями этого печального зрелища.

Таково основание нашего представления о Боге. Теперь нам нужно достичь вершины этой идеи. Перед мыслью о Сущем, по воле Которого всё существует и Который Сам без причины и без начала, душа наша подавлена. Мы столь слабы, что мысль об абсолютной власти сокрушает нас. Существа одного дня, как нам постичь Вечного? Хрупкие, как мы есть, и исполненные зла, мы трепещем при мысли о святости. Но более кроткие голоса, как вам известно, прозвучали на земле: этот Владыка-Бог — Он любит нас. По мере того как эта идея овладевает нашим разумом, душа начинает различать пути мира. Он любит нас, и мы ободряемся. Он слышит нас, и молитва возносится к Нему с надеждой быть услышанной. Он управляет всем, и мы уповаем на Его Промысл.

Не случалось ли вам, когда вы устремляли взор в глубины неба, оставаться как бы в оцепенении от ужаса, созерцая эти миры, которые бесконечно добавляются к другим мирам? Когда вы сосредотачиваете мысли на неизмеримых безднах небосвода, когда говорите себе, что как бы далеко вы ни отодвигали границы небес, если бы вселенная окончилась там, тогда сама вселенная, со своими солнцами и скоплениями звёзд, была бы лишь одиноким светильником, светящимся как точка посреди беспредельной тьмы, — не испытывали ли вы тогда чего-то вроде таинственного страха и головокружения?

В такие минуты обратите глаза на ближние предметы. Тот, Кто сотворил небеса с их необъятностью, — это Тот, Кто производит рост хлеба для вашей пищи, Кто одевает поля

цветами, радующими ваш взор, Кто даёт вам свежесть утреннего дыхания и тишину прекрасного вечера; это Он, без чьего позволения ничто не происходит, Кто бодрствует над вами и над теми, кого вы любите. Пропитайтесь этой мыслью о любви — и снова поднимите глаза к небу, и тогда с каждой звезды, с каждого мира, затерявшегося в глубинах пространства, упадёт на ваш лоб, больше не омрачённый, луч любви и мира. И тогда с чувством сладкого доверия вы примете как свои слова древнего пророка: «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в ад — и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря — и там рука Твоя поведёт меня, и удержит меня десница Твоя». (Псалом 138:7–10)

И тогда вы поймёте эти великие и нежные слова святого Августина, одни из самых прекрасных, которые когда-либо исходили из уст человека: «Боишься Бога? Беги в Его объятия!»

Так завершается наше представление о Боге — представление о Том, Кого мы с чувством сыновнего доверия называем Отцом, Кого мы зовём Отцом Небесным, в то время как поклоняемся той абсолютной святости, чистое сияние которой небосвод являет нам как видимый и величественный символ. Благость — вот тайна вселенной; благость — это то, что направляло всемогущество и поставило мудрость ему на службу.

Моя цель — не преподать вам эту идею, а защитить её. Не преподать, говорю я, ибо все мы обладаем ею. Нет здесь ни одного, кто бы не получил своей доли этого святого наследия. Эта священная идея могла быть затенена нашими скорбями, искажена нашими заблуждениями, омрачена нашими грехами; но как бы густ ни был слой пепла, нагромождённый в глубинах наших душ, — присмотритесь внимательнее: святая искра не погасла, и благоприятное дуновение ещё способно возжечь пламя.

Мы рассмотрели существенные элементы, из которых состоит наше представление о Боге. А откуда происходит эта идея? Каково её историческое происхождение? Я не спрашиваю о происхождении религии вообще, ибо религия не берёт своего начала в истории; её встречаем везде и всегда у человечества. Те, кто отрицает это, вынуждены «искать во тьме какой-нибудь тёмный пример, известный только им одним, словно все природные склонности могут быть уничтожены развращением народа, и как будто, стоит появиться чудовищам, — уже не существует вида» (Ж.-Ж. Руссо). Сознание о существовании мира, превосходящего область чувственного опыта, — одна из характерных черт нашей природы. «Если бы когда-либо существовал или если бы где-либо сейчас существовал народ, абсолютно лишённый религии, это было бы следствием исключительного падения, равносильного превращению в животных». (Les Origines Indo-Européennes, Адольф Пикте, т. II, стр. 651.)

Я, следовательно, не спрашиваю о происхождении идеи и чувства Божества вообще, но о происхождении идеи единственного и всемогущего Творца, каковой обладаем мы. Действительно, если религия универсальна, то ясное знание о Творце — таковым не является.

Наше собственное прошлое уходит корнями в ту историческую почву, которая в вопросах вероисповеданий известна под именем язычества или идолопоклонства. На первый взгляд, что мы находим в воззрениях этого древнего мира? Ни малейшего следа идеи Божественного единства. Поклонение рассыпано среди тысяч различных существ. Поклоняются не только небесным светилам и силам природы, но и людям, животным, неодушевлённым предметам. Чувство святости Бога, по-видимому, отсутствует не менее, чем идея Его единства. Религия служит предлогом для разгула человеческих страстей. Это, к сожалению, свойственно религии вообще, и истинная религия не является исключением из этого правила; но особенность язычества заключается в том, что в нём религия по своей собственной природе способствует развитию безнравственности.

Знаменитые святилища превращались в логовища разврата, который составлял часть культа, воздаваемого богам; религиозные обряды древней Азии и те из греческих, которые оказались под их влиянием, печально известны своей распущенностью. Храмы ложных божеств, слишком часто осквернявшиеся развратом, столь же часто обагрялись кровью ужасных жертвоприношений. Древняя цивилизация Мексики была утончённой, даже изысканной в некоторых отношениях; но алтари её ежегодно покрывались кровью тысяч человеческих существ, и поклонники этого кровавого культа в торжественных пирах пожирали ещё трепещущие части тел своих жертв.

Не станем, однако, искать примеров слишком далёких от цивилизации, породившей нашу собственную. В греко-римском мире рассказы о богах, как известно каждому, не были особенно назидательными: культ Вакха никоим образом не поощрял умеренность, а празднества Венеры не служили школой целомудрия. Было бы легко, собрав такого рода факты, составить картину в мрачных тонах и прийти к выводу, что наше представление о Боге — идея Единого и Святого Бога — не могло произойти от нечистых источников идолопоклонства. Такой путь был бы коротким и удобным, но подобная оценка фактов была бы ложной именно потому, что она неполна, и это уничтожило бы ценность сделанного вывода. На самом деле, в языческом древнем мире рядом с этим потоком тьмы и нечистоты мы встречаем поток чистых идей и светлых озарений истины.

Почти все язычники, кажется, смутно различали единство Божества сквозь множество своих идолов и лучи Божественной святости сквозь вакханалии своего Олимпа. Это грек написал такие слова: «Ничто не совершается на земле без Тебя, о Боже, кроме безумств, которые совершают безумцы». И это было в Афинском театре, где хор трагедии пел, более двух тысяч лет назад: «О, да поможет мне судьба сохранить в чистоте мои слова и дела, сообразно тем возвышенным законам, что рождены в небесных высях, и только Небо является их отцом. Их не породил род человеческий, и забвение никогда их не поглотит. В них пребывает высший Бог, и Тот, Кто не стареет».

Можно было бы без труда привести ещё множество подобных цитат и показать вам в документах греческой и римской цивилизации многочисленные следы знания о Едином и Святом Боге. Послушайте теперь голос, дошедший до нас из самой глубины древних гробниц — из Древнего Египта. Как вам известно, в Египте разложение религиозного чувства в народной практике было полным. Но сквозь смутные голоса суеверия наука наших дней начинает различать издалека отзвуки возвышенного откровения. В гробницах множества мумий были найдены свитки папируса, содержащие священный текст, известный под именем Книги мёртвых. Вот перевод некоторых фрагментов, которые, по-видимому, восходят к весьма отдалённой эпохе. Это Бог говорит: «Я — Пресвятой, Творец всего, что наполняет землю, и самой земли, жилища смертных. Я — Владыка бесконечных веков. Я — великий и могущественный Бог, Всевышний, сияющий среди мчащихся звёзд и воинств, что воспевают Меня над твоей головой… Я — Тот, кто карает и судит злодеев и притеснителей праведных. Я изобличаю и посрамляю лжецов… Я — всевидящий Судья и Мститель… хранитель Моих законов в земле праведности». (Handbuch der gesammten ägyptischen Alterthumskunde, Max Uhlemann, Лейпциг, 1857.)

Эти слова, извлечённые из текста, где я их нашёл, перемешаны с упоминаниями о низших божествах, и нужно признать, что перевод древних египетских документов по-прежнему остаётся весьма неопределённым. Тем не менее, эта неопределённость, по-видимому, не затрагивает общего смысла и направления последних открытий наших учёных. Будучи сам лишь учеником у настоящих мастеров науки, я могу только указать вам результат их исследований. И вот что говорят нам эти мастера о современном состоянии мифологических исследований: почти везде, среди суеверий идолопоклонства, обнаруживаются следы сравнительно чистой религии, нередко отмеченной высокой

нравственностью. Язычество не является простым фактом; оно являет собой двойное течение: одно — чистое, другое — нечистое.

Каково же отношение между этими двумя потоками? Один отрывок у латинского христианского писателя проливает яркий свет на их реальное соотношение в практической жизни. Вот как выражается Лактанций: «Когда человек (язычник) оказывается в бедствии, тогда он обращается к Богу (к единственному Богу). Если грозят ужасы войны, если появляется заразная болезнь, засуха, буря, — тогда он прибегает к Богу. Если его застигла буря в море, и он в опасности погибнуть, немедленно он взывает к Богу; если на него обрушивается любая угроза, он обращается к Богу. Так люди вспоминают о Боге, когда они в беде; но как только опасность минует и страх исчезает, мы видим, как они с радостью возвращаются в храмы ложных богов, возливают им вино и приносят им жертвы».

Это поразительная картина устройства человеческого сердца во все времена; ибо, как замечает наш автор, «Бог никогда не бывает столь забыт людьми, как тогда, когда они спокойно наслаждаются благами, которые Он им посылает».

Что касается нашего особого предмета, эта страница весьма поучительно раскрывает религиозное состояние языческой древности. Мысль о Верховном Боге была заглушена, но не уничтожена; она пробуждалась под гнётом страдания, но обыденная жизнь принадлежала лёгкому служению идолам.

Теперь возникает вопрос: каково историческое отношение между этими двумя потоками язычества, реальное соотношение которых мы только что установили в жизни? Начинало ли человечество с грубого фетишизма, чтобы затем медленно подняться до более высоких понятий? Проявляются ли следы сравнительно чистого монотеизма лишь в самых поздних периодах идолопоклонства? Современная наука всё более склоняется ответить отрицательно. Именно на самых древних исторических пластах (позвольте мне воспользоваться геологическим выражением) трудолюбивые исследователи прошлого находят наиболее возвышенные идеи о религии.

Срубите молодое и крепкое буковое дерево, и вернитесь через несколько лет — на месте срубленного дерева вы найдёте заросли побегов; сок, питавший один ствол, разделился между множеством побегов. Эта аналогия достаточно хорошо передаёт ту точку зрения, которая становится преобладающей среди наших учёных относительно исторического развития религий: идея Единого Бога — в корне, она первоначальна; многобожие — производное. Забытый, как бы уснувший монотеизм скрывается под покровом идолопоклонства; это скрытый ствол, поддерживающий всю массу; но идолы впитали весь сок. Древний Бог (ещё одно сравнение) подобен владыке, заточённому внутри своего дворца: о нём вспоминают лишь изредка и только по большим поводам; действуют министры, они принимают прошения, им воздают настоящий культ.

Предположение о первичности монотеизма имеет огромное значение и отнюдь не является всеобщепризнанным. Поэтому необходимо привести вам хотя бы несколько цитат, чтобы вы увидели, что я говорю это не без основания.

Один из самых авторитетных мифологов нашего времени, профессор Гримм из Берлина, пишет следующее: «Монотеистическая форма представляется более древней, и именно из неё, в младенческом состоянии, древность сформировала политеизм… Все мифологии приводят нас к такому выводу».

Среди французских учёных, занимавшихся изучением Древнего Египта, выдающееся место занимает виконт де Ронже. Вот что он говорит: «В Египте Верховного Бога называли Единым Богом, действительно живым, Тем, Кто создал всё существующее, Кто сотворил других существ. Он — Тот, Кто один существует, и Кто сотворил небо и создал землю».

Автор сообщает, что эти идеи часто встречаются «в текстах, датируемых временем до Моисея, и многие из них входили в состав самых древних священных гимнов». Затем он приходит к следующему выводу: «Египет, обладая удивительным богатством учений о сущности Бога и о бессмертии души, тем не менее, нисколько меньше осквернял себя самыми унизительными суевериями; мы имеем в нём в сжатом виде всю религиозную историю древности».

Что касается цивилизации, процветавшей в Индии, то А. Пикте в своих учёных исследованиях по истории древних ариев приходит к следующему заключению относительно религиозной идеи: «Если обобщить: первоначальный монотеизм более или менее смутного характера, постепенно переходящий в ещё относительно простой политеизм, — таковой, по-видимому, была религия древних ариев».

Один из наших соотечественников, который с равной скромностью и настойчивостью занимается изучением древней истории религий, собрал большую часть недавних трудов, изданных по этим вопросам во Франции, Германии и Англии. Он прочёл их, держа перо в руке, и, по моей настоятельной просьбе, любезно позволил мне ознакомиться с его многолетними записями. В рукописях, которые он показал мне, я нашёл следующую фразу: «Общее впечатление всех наиболее выдающихся современных мифологов состоит в том, что монотеизм лежит в основании всей языческой мифологии».

Учёные, повторяю, не единодушны в этих выводах; учёные, как и все люди, редко бывают единодушны. Мне достаточно было показать, что здесь речь идёт не только о великом предании, засвидетельствованном христианской верой, но также и о наиболее чётко выраженном направлении современной науки, утверждающем, что Бог сиял над колыбелью рода человеческого. Величественный Образ был сокрыт, и идолопоклонство со всеми своими позорными обрядами является в истории скорее результатом падения, требующего восстановления, нежели исходной точкой постепенного восхождения.

Величественный Образ был сокрыт. Кто снял покров? Не жрецы идолов. Мы встречаем в истории язычества движения реформы или, по крайней мере, религиозного преобразования; буддизм является памятным примером этого. Но не возврат к чистым традициям Индии или Египта дал нам познание о Боге, Которого мы теперь поклоняемся.

Снял ли покров разум, то есть усилия философов? Философия оказала миру великие услуги. Она боролась против мерзостей идолопоклонства; она признала в природе следы разумного замысла; она уловила в разуме глубокую потребность в единстве; она указала в совести на чувство добра и раскрыла его признаки; она созерцала сияющий образ высшей красоты. — Но не философия возвратила человечеству идею Бога. Её свет смешивался с тьмой, он был рассеянным, и у неё не было центра, способного дать ему достаточно силы, чтобы озарить мир. Искать Бога — а значит, в какой-то мере уже знать Его — но всегда оставаться перед алтарём Бога, доступного лишь взору избранных мудрецов, и оставлять для толпы — «неведомого Бога»: такова была судьба древней философии. Она готовила почву, но не вложила в неё семени, из которого должна была прорасти живая и могучая идея Творца, чтобы раскинуть свои ветви над всеми народами земли.

И когда эта идея появилась во всём своём блеске и начала завоёвывать вселенную, древняя философия, которая порвала с формами языческого культа и покрыла их своим презрением, заключила союз со своими прежними врагами. Она приняла самые нелепые толкования народных суеверий, чтобы иметь возможность объединиться с толпой в общей борьбе против новой силы, которая только что появилась в мире. И в этих нескольких словах заключается вся история философии в первые века нашей эры.

Монотеизм современного мира не происходит исторически от язычества; он был подготовлен древней философией, но не рожден ею. Откуда же он происходит? Здесь нет

серьёзных разногласий. Наше знание о Боге есть результат традиционной идеи, передававшейся из поколения в поколение в чётко определённом русле истории.

История самых ранних религиозных верований человека до сих пор окутана мраком, но истина, на которую я указываю, твёрдо и ясно установлена. Окиньте мысленным взором земной шар: все суеверия, о которых хранит память история, существуют и сегодня — либо в Азии, либо в Африке, либо на островах Океании. Самые нелепые и кровожадные обряды совершаются и поныне под светом того же солнца, что золотит при закате шпили и купола наших храмов. Даже в этот самый день есть народы на земле, которые преклоняются перед животными или поклоняются священным деревьям. Даже в этот самый час, возможно, человеческие жертвы связываются руками жрецов идолов; ещё до того, как вы выйдете из этого зала, их кровь запятнает алтари ложных божеств.

И до сего дня многочисленные народы, не лишённые ни времени для развития, ни богатств цивилизации, ни искусных поэтов, ни глубоких философов, остаются во власти религии брахманов или обучаются легендам, которые служат покровом пагубным учениям Будды. Где же мы встречаем ясное представление о Творце? В единственной традиции, исходящей от евреев, распространённой христианами и искажённой Магометом. Бог известен — с той ясностью и полнотой знания, которые составляют основу учения и формы богопочитания — исключительно под влиянием этой традиции и нигде более. Мы утверждаем это как простой факт современной истории, и в истории едва ли найдётся другой факт, засвидетельствованный столь же прочно.

Свет пришёл к нам из Евангелия. Этот свет не был вспышкой внезапного и совершенно нового откровения. Он уже бросал свои слабые отблески в души язычников, ищущих неведомого Бога; он озарял особым сиянием тот странный и славный народ, который носит имя Израиль. Израиль хранил первозданный свет, окружённый временными оградами. Это было пламя лампады, слишком слабое, чтобы жить под открытым небом, и потому скрытое в сосуде до того момента, когда оно станет достаточно сильным, чтобы вырваться наружу и озарить своим светом весь мир.

Поклонение Иегове было местным культом, но этот культ, временно ограниченный пространством, был обращён к единственному и верховному Богу. Всякому народу, который мог бы сказать Израилю, как Гофолия сказала Иоасу:

> «У меня свой бог, которому я служу, а ты служи своему»,

Израиль отвечал бы словами Иоаса:

> «Нет, госпожа, мой Бог — Единственный Бог; перед Ним ты должна трепетать; твой бог — ничто, лишь сон и обман».

Израиль утверждает не только, что Бог Израиля — единственный истинный Бог, но и предвещает, что придёт время, когда вся земля признает Его единым и всеобщим Господом. Великая мысль, великая надежда живёт в душе этого народа, и она уверяет его, что все народы однажды обратят взоры к Иерусалиму. Пророки Израиля угрожают, предупреждают, возвещают кары, предсказывают ужасные катастрофы; но среди всех их суровых речей снова и снова звучит гимн будущего торжества:

> «Поднимись, Иерусалим, гордо вознеси главу свою!
> Народы поспешно идут к твоему свету!»

Так среди древнего мира сохраняется знание о Боге у исключительного народа, среди мрака идолопоклонства и смутных проблесков несовершенной мудрости. Причём оно не просто сохраняется, но с каждым веком сияет всё ярче и чище. Представление о владычестве, составляющее его основание, венчается по мере развития представлением о любви. И наконец появляется Тот, Кем должен был быть открыт для всех людей Отец Вселенной.

Вы заметили, сколь поразительно просто Иисус говорит о Своём деле? Он говорит о вселенной и о будущем так, как законный хозяин говорит о своём имуществе. Поле, в которое будет посеяно Слово, — мир. Он вводит то поклонение в духе и истине, перед которым рухнут все преграды. Он знает, что человечество принадлежит Ему, и когда Он предсказывает Своё мирное завоевание, невозможно сказать, что в Его словах сильнее — простота или величие.

И вот это предсказанное дело совершается, совершается и будет совершаться. В этом никто всерьёз не сомневается. Идея о Боге, как она существует у христианских народов, несёт на своём челе явный знак победы.

Во многих отношениях мы живём в эпоху, которая не отличается особыми событиями и окружена обстоятельствами, мало достойными вечной памяти. Но всё же пред нашими глазами совершаются великие дела. Древний Восток содрогается в своих основах. Миссионерское дело возрождается с новой силой. Корабли, отплывающие от европейских берегов, увозят с собой — вместе с путешественниками, отправляющимися ради торговли, любопытства или военной службы — новых крестоносцев, которые восклицают:

«Такова воля Божья!» —

и готовы идти на смерть, чтобы возвестить Бога жизни народам, погружённым во тьму. Развитие промышленности, расширение торговли, расчёты честолюбия — всё содействует распространению духовного света по всему земному шару. Это — великолепное зрелище, яснее всего обнаруживающее следы высшего замысла, который могущественные мира сего исполняют, не осознавая этого, — они лишь орудия в руках Воли, о которой часто даже не подозревают.

Познание Бога распространяется, и по мере распространения оно обогащает само себя своими победами. Подобно тому как оно впитало живительный сок учений греков, оно укрепляется также доктринами древнего Востока и Древнего Египта, которые неутомимая наука вновь извлекает из тьмы забвения. Христианская мысль растёт, но не за счёт внешних импульсов, а подобно могучему дереву, корни которого проникают всё глубже в новые слои плодородной почвы. Всякая истина естественно стремится к центру Истины, как к точке сбора; и все чистые акценты молитвы, рассеянные в суеверных заклинаниях, возносимых на берегах Ганга или под палящими небесами Африки, должны слиться в единую вселенскую молитву.

Настанет день, когда наша планета, вращаясь вокруг солнца, не будет на своём пути отражать солнечного света от ни единой точки своей поверхности, чтобы не отозваться песнью благодарения Богу Авраама, Исаака и Иакова, ставшему через Иисуса Христа Богом всех народов.

Теперь мы знаем, откуда происходит наше представление о Боге: оно христианского происхождения. Оно проистекает из этого источника не только для тех, кто называет себя христианами, но и для всех тех, кто в лоне современного общества искренне и серьёзно верит в Бога. Достаточно небольшого усилия мысли и изучения, чтобы признать, что учения наших деистов являются продуктом разума, который был евангелизирован без их ведома. Они не изобрели эту мысль, но получили её, и она стала опорой их жизни.

Обыкновенно развитый ум больше не рискует впасть в ту наивную ошибку, в которую впал Жан-Жак Руссо, когда утверждал, что если бы он родился на необитаемом острове и никогда не встретил бы ни одного человека, он всё равно смог бы составить «Исповедание веры Савойского викария». Привычка к историческим исследованиям рассеяла эти иллюзии.

Один французский писатель, отличающийся основательной учёностью, писал недавно: «Цивилизованный мир получил из Иудеи основы своей веры. От неё он узнал две истины, которых языческая древность никогда не знала — святость и милосердие; ибо всякая

святость проистекает из веры в личного, духовного Бога, Творца вселенной, а всякое милосердие — из учения о братстве всех людей».

Религия в самом общем смысле встречается везде, где есть люди; но ясное знание о Небесном Отце — это плод того Слова, которое доносится до нас с берегов Иордана, — слова, в котором все истинные элементы древней мудрости нашли единство и взаимное подкрепление. В самом сердце нашей цивилизации те люди мысли, которым действительно удаётся освободиться от влияния этого слова, чаще всего приходят к полному отвержению веры в истинного Бога, если только у них достаточно ума, чтобы быть последовательными в своих размышлениях.

Почему же идея о Творце — идея, которую истинные философы искали во все эпохи истории, и о которой они имели лишь проблески и предчувствия, — становится живой лишь под влиянием той традиции, что берёт начало у Авраама и Моисея и продолжается в Иисусе Христе? Можно указать духовные причины этого великого исторического феномена. Вера в Бога, чтобы сохраняться перед лицом трудностей, которые возникают в нашем уме, — а если говорить прямо к сути дела — идея о любви Божьей, чтобы сохраняться перед лицом зла и силы зла на земле, нуждается в таких ресурсах, которые имеет только христианская вера.

Знание о Небесном Отце неразрывно связано с Евангелием — это исторический факт. А объясняется этот факт существованием органической связи между всеми великими христианскими доктринами — в этом моя глубокая убеждённость. Я откровенно здесь заявляю о своих взглядах: для меня это вопрос чести и добросовестности; но я заявляю о них, не желая навязывать их вам в рамках этих лекций. Моя задача сейчас — рассмотреть идею Бога сама по себе. Я искусственно отделяю её ради целей этих занятий от всей совокупности христианской истины, хотя мысленно никогда не разрываю их. Тезис, который я защищаю, ясен — он принадлежит всем христианам. Но более того: в самом общем и отвлечённом смысле его разделяют и мусульмане, и Жан-Жак Руссо, и духовные философы, повторяющие его мысли. Ведь так же, как Иисус Христос является краеугольным камнем всей христианской доктрины, так Бог — основание, общее для всех религий.

И прежде чем закончить эту лекцию, я хотел бы ответить на вопрос, который, возможно, возник у некоторых из вас: чем мы занимаемся, когда берём христианскую идею и защищаем её разумом? Занимаемся ли мы религией или философией? Стоим ли мы на почве веры или на почве разума? В области ли традиции мы находимся или на пути свободного исследования?

Признаюсь, я не люблю искусственных границ и ограждений. Я хорошо понимаю — возможно, даже лучше многих из вас, ибо размышляю об этом дольше — чем различаются собственно религиозные занятия и философские исследования. Но когда речь идёт о Боге, о всеобщей причине, мы стоим у общего корня религии и философии, и различия, существующие в других областях, здесь исчезают.

Кроме того, эти различия никогда не бывают столь абсолютными, как о них принято думать. Вы поймёте это, если внимательно вдумайтесь в два соображения: не существует такой вещи, как «чистая мысль», совершенно свободная от всякого традиционного элемента; и не существует такой традиции, которая бы воспринималась исключительно пассивно, без всякого участия мыслительных способностей.

Вы думаете, что занимаетесь философией, когда замыкаетесь в пределах собственных мыслей? — Ошибка! Даже величайший ум Нового времени потерпел неудачу в этой попытке. Декарт задумал забыть всё, что он знал, и создать систему знаний, которая вышла бы из его головы, как Минерва, полностью вооружённая, вышла из головы Юпитера. Но

сегодня даже хорошо обученный школьник может доказать, что Декарт ошибался, потому что поток традиции вошёл в его разум уже через слова языка. Не так просто, как мы полагаем, разорвать те связи, которыми Бог связал нас всех в узах взаимной зависимости.

Человек говорит, и он мыслит только посредством речи, а речь — это река, которая берёт начало в самой глубине истории и приносит нынешнему поколению дары всех вод прошлого. Никто не может изолировать себя от этого потока и поставить себя вне интеллектуального общества своих собратьев. Сегодня мы знаем об этом больше, и попытка Декарта, которая когда-то была счастливой смелостью гения, в наши дни могла бы быть лишь невежественной дерзостью.

Что же касается чисто пассивного восприятия традиции, это возможно, когда речь идёт о малозначительных легендах или о доктринах, которые занимают ум лишь из любопытства. Но когда на кону стоит сама жизнь и интересы всего нашего существования, разум работает над теми идеями, которые он получает. Религия становится живой в душе человека только тогда, когда в ней задействованы все силы личности, и вера по своей природе стремится к пониманию. Разделение между традицией и чистой философией гораздо менее реально и значительно, чем это обычно представляют. Если бы у нас было больше времени, я попытался бы более подробно доказать вам, что усилие личной мысли над общей традицией является абсолютным и неизменным законом развития человеческого ума.

Мы должны держаться середины между двумя крайностями. Что мы скажем тем богословам, которые отрицают всякую силу человеческого разума и считают ум лишь сосудом, пассивно воспринимающим то, что в него вливают? Тем богословам, которые, не довольствуясь презрением к Аристотелю и Платону, считают себя обязанными чернить Сократа и клеветать на Регула? Мы скажем им, что они отступают от великой христианской традиции, представителями которой они себя мнят. И добавим, что они оскорбляют своего Учителя, полагая, будто нужно унижать человечество, чтобы воздать Ему должное.

А что мы скажем тем философам, которые не желают признавать истину, если только не извлекли её сами из себя? Тем философам, которые начерчивают вокруг своего собственного разума круг и говорят: «Если истина откроется вне этого круга, нас она не интересует», и которые гордятся тем, что они свободны, потому что отказались от общих убеждений? Мы скажем им, что они обманываются, принимая за свою личную мысль — обломки традиции человеческого рода. И добавим, что их мнимая независимость — это настоящая рабская зависимость. Странная это свобода — не позволять себе принять ту веру, которая кажется истинной, только потому, что они сами её не придумали!

Послушайте мудрое замечание одного современного писателя: «Философии позволено примкнуть к платонизму; почему бы ей не позволить примкнуть и к христианской вере, если именно в ней мы находим мудрость и неизменную истину? Выбор должен казаться столь же свободным и достойным уважения в одном случае, как и в другом; а философия, требующая свободы для себя, менее всего имеет право отказывать в ней другим».

Быть свободным — значит искать истину везде, где бы она ни находилась, и повиноваться истине, где бы мы её ни встретили. Когда же речь идёт о Боге, о душе и её вечных судьбах, и человек спрашивает меня: «Вы занимаетесь религией или философией?» — у меня есть лишь один ответ: Я человек, и я ищу истину.

И последнее замечание, которое, быть может, ещё более ясно раскроет смысл этих мыслей. Если вы считаете, что самое важное обсуждение нашего времени — это спор между естественной и откровенной религией, между деизмом и Евангелием, значит, вы ещё не до конца поняли знамения времени. Фундаментальный спор сегодня — это спор между людьми, которые верят в Бога, в душу и в истину, и людьми, которые, отрицая истину, вместе с ней отрицают и душу, и Бога.

Когда речь идёт о таких высоких вопросах, журналы и другие издания, которые имеют широкое распространение и входят почти в каждый дом, слишком часто приносят нам работы писателей без убеждений, стремящихся посеять среди других ту же самую растерянность, которая уничтожила их собственные верования. Они унаследовали в целости и сохранности традицию греческих софистов. Они фактически отвергают и Сократа, и Иисуса Христа, и Павла Тарсянина, и Платона Афинского. У них нет большего уважения к мнению Декарта и Лейбница, чем к мнению Паскаля и Боссюэ.

Главный вопрос современности — узнать, является ли наше стремление к истине лишь химерами, а наше усилие достичь Божественного мира — прыжком в пустоту. Когда речь идёт о Боге, как о фундаменте разума не менее, чем как о предмете веры, — все границы, существующие в других вопросах, исчезают. Защищать веру — значит защищать разум; защищать разум — значит защищать веру. Безудержная дерзость тех, кто отрицает фундаментальные истины, приводит к тому, что прежние противники, хотя бы на мгновение, встают под одним знаменем.

То, что хотят у нас отнять, — это не только тот или иной пункт определённого символа веры, но всякую веру в Божественное Провидение, всякую надежду, выходящую за пределы гроба, всякое устремление души к миру, превосходящему наши нынешние судьбы.

Но возьмите себя в руки! Это пламя, зажжённое на земле и неустанно устремляющееся к небу, уже проходило через бури куда более жестокие, чем те, которые сейчас ему угрожают, и оно светило во мраке куда более густом, чем тот, который сегодня люди так усердно стараются навлечь на него. Оно не угаснет — будьте в этом уверены — ни перед притворным равнодушием нескольких остроумных людей нашего времени, ни перед надменным презрением некоторых современных журналистов.

Итак, господа, взять идею Бога такой, какой она дошла до нас, и изучить её отношение к разуму, сердцу и совести человека — вот мой метод исследования. Доказать вам, что эта идея — истина, потому что она удовлетворяет совести, сердцу и разуму, — вот моя цель. Важность этой цели вам, несомненно, ясна, но чтобы мы ещё глубже её осознали, я предлагаю вам вместе со мной заглянуть в те бездны скорби и тьмы, которые заключены в этих страшных словах: «без Бога в мире».

† † †

Краткий обзор первой лекции вернуться к содержанию >>>

Автор рассматривает естественное (философское) и религиозное (христианское) представление о Боге. Он пытается показать, каким образом в человеке формируется идея Бога, какова её природа и как она развивается от туманных инстинктов до христианской веры в Отца Небесного.

- Начальное определение идеи Бога
  - Идея Бога — это не просто логическое заключение или научная гипотеза, а живая внутренняя интуиция, возникающая в совести и разуме.
  - Бог — не абстракция, а центр духовного тяготения человека.
- Происхождение идеи Бога в человеке
  - Навиль отвергает сугубо рационалистическое происхождение этой идеи.
  - Истоки — в совести, в опыте долга, истины, красоты, справедливости.
  - Даже ребенок инстинктивно чувствует над собой нечто более высокое — вот откуда возникает ощущение присутствия Бога.

- Двойственность человеческой природы
    - Человек — существо ограниченное, но с сознанием бесконечного.
    - Он способен постигать нечто, превосходящее его: моральный закон, истину, добро. Именно это и порождает в нем чувство Бога.
- Недостаточность философских определений Бога
    - Определения вроде «первая причина», «абсолютное существо», «универсальный разум» — слишком холодны и абстрактны.
    - Бог как личность, как любовь, как отец — более близок и истинно соответствует внутреннему опыту человека.
- Жажда общения с Богом
    - Бог нужен человеку не только как объяснение мира, но как личность, с которой он может говорить, любить, быть услышанным.
    - Это внутреннее стремление указывает на религиозную истину, а не на иллюзию.
- Роль страдания и испытаний в раскрытии идеи Бога
    - В моменты страдания, одиночества, смерти идея Бога становится особенно реальной.
    - Тогда человек осознаёт, что нуждается не просто в системе взглядов, а в любящем существе, которое выше мира и времени.
- Христианское откровение
    - Навиль подводит к христианской вере: Бог — это Отец, бесконечно превосходящий нас, но в то же время бесконечно близкий.
    - Только в Христе — Бог открывается как «Отец Небесный», а не только как Вечный Разум.

Первая лекция — это мост между философией и верой. Эрнест Навиль показывает, что идея Бога не мертва: она жива в каждом человеке, и лишь в христианстве она получает своё окончательное выражение — в образе Отца, Который нас любит, понимает и ведет.

† † †

ЛЕКЦИЯ II — ЖИЗНЬ БЕЗ БОГА

вернуться к содержанию >>>

(Женева, 20 ноября 1863 г. — Лозанна, 13 января 1864 г.)

Господа, Сегодня я предлагаю рассмотреть, каковы последствия для человеческой жизни полного устранения идеи Бога. Такое устранение является результатом атеизма в собственном смысле слова, а также скептицизма, возведённого в систему. Душа, которая сомневается, но при этом ищет, скорбит, надеется, ещё не совсем отделена от Бога. Она оставляет Ему значительную часть своей жизни, поскольку желание встретить Его и печаль от того, что не может созерцать Его во всей полноте, становятся главными фактами её существования. Но сомнение, принятое как доктрина, приводит, в своём роде, к тому же самому, что и прямой атеизм: жизнь без Бога, — печальная тема нашего сегодняшнего исследования.

Имея Бога, духовная жизнь имеет твёрдое основание и непобедимую надежду. Мгла земных забот может на время заволочь небосвод, — то туман стелется над землёй, то тучи извергают молнии, — но выше области мрака и бурь взор веры созерцает вечное лазурное небо, в его неизменном спокойствии. У жизни есть печали для всех, но она не только переносима — она блаженна, когда перед лицом непостоянства всего сущего, перед злом, несправедливостью и страданием, из самой глубины души может вознестись к Вечному, Святому, Утешителю та молитва терпения в жизни и радости в смерти: «Боже мой!»

Отними Бога — и жизнь обезглавлена. И даже это сравнение недостаточно; жизнь скорее подобна человеку, который одновременно потерял бы и голову, и сердце.

Огромная тема, которая открывается перед нами, разделяется естественным образом на две части: мы сосредоточим наше внимание, во-первых, на личности, а затем на обществе.

ЧАСТЬ I - ЛИЧНОСТЬ

вернуться к содержанию >>>

Человек мыслит, чувствует и желает — вот три великих функции духовной жизни. Давайте рассмотрим, что стало бы без Бога, во-первых, с мыслью, которая является орудием всякого знания; далее — с совестью, которая является законом воли; и наконец — с сердцем, органом чувств. Начнём с мысли.

Обратимся к истокам новой философии. Труды Декарта познакомят нас, в наиболее понятной для нас форме, с потоком возвышенных размышлений, который возвышает древнюю цивилизацию и достиг нас через труды Платона и святого Августина. Мы уже видели, что Декарт ошибался, когда полагал, будто может полностью отделиться от традиции, забывая, насколько тесно человеческие умы связаны общим обладанием истиной. Он ошибался, потому что смешивал идею бесконечного разума, присущую человеческому духу, с полной идеей Творца, и приписывал усилиям своей философии тот дар истины, который он на самом деле получил из христианской традиции. Но, признав эту ошибку, послушайте теперь этого великого человека и судите, ошибался ли он в следующих своих мыслях, которые я собираюсь вам передать.

Декарт напрягает все силы, чтобы сомневаться во всём, будучи убеждён, что истина устоит перед этим испытанием и выйдет из него победоносной. Он сомневается в том, чему его учили в школах: возможно, его наставники вводили его в заблуждение. Он сомневается в свидетельствах чувств: чувства обманывают во сне; а что, если он всегда спит и бодрствование — это лишь иной сон с другими грёзами? Он даже будет сомневаться в надёжности разума: а вдруг разум — повреждённый и искривлённый инструмент? Разум ценен лишь настолько, насколько надёжен его источник. Если человек — дитя случая, то, возможно, его мысли — всего лишь пустое наваждение. А если человек — создание злого и коварного существа, то свет разума может быть всего лишь блуждающим огнём, зажжённым лукавым и насмешливым духом.

Вот душа, погружённая в глубочайшие бездны сомнения; но это — мужественная душа, которая ищет в сомнении испытание для истины, а не удобную подушку, чтобы лениво на ней покоиться.

Как же Декарт поднимается из этой бездны? С помощью одной мысли, известной каждому, и которая уже встречалась у святого Августина:

> Cogito, ergo sum — Я мыслю, следовательно, я существую.
> Пусть меня обманывают — если я обманут, значит, я существую.

Вот уверенность, защищённая от всех нападений: я существую. Но какая это бедная уверенность! Что мне пользы в том, что я вырвал своё существование из бездны всеобщего сомнения, если над этими глубинами всех утраченных верований плавает лишь эта обнажённая и унизительная истина:

> Я есть, но, быть может, существую лишь для того, чтобы вечно быть игрушкой обмана.

Первый шаг философа был бы напрасным, если бы за ним не последовал второй. Один глаз открыт и говорит: я вижу; но ему нужно подтверждение, что свет, который он видит, не есть иллюзорное свечение.

Нет, — отвечает Декарт, — разум видит настоящий свет, и вот как он это доказывает:

Я существую, я знаю себя — это несомненно.

Я знаю себя как ограниченное и несовершенное существо — и это тоже несомненно.

Следовательно, я постигаю бесконечность и совершенство — и это не менее достоверно, потому что я бы не имел понятия об ограничении, если бы не знал понятия безграничности, и слово "несовершенный" не имело бы смысла, если бы я не мог постичь "совершенное", которого оно лишь отрицание.

Исходя из этого, философ через ряд рассуждений доказывает, что понятие совершенства, существующее в нашем разуме, указывает на реальное бытие этого совершенства:

Бог есть.

Он добавляет, что существование Бога достовернее, чем самая достоверная теорема геометрии. Обратите внимание, господа: человек, который говорит это — один из величайших геометров всех времён.

Он нашёл Бога — он нашёл свет.

Разум не обманывает, если он верен своим собственным законам; чувства не обманывают, если они применяются в соответствии с правилами рассудка.

Заблуждение — это болезнь, но не коренное состояние нашей природы; оно не беспредельно и не неисцелимо, потому что цель нашего бытия есть Бог, а значит — истина и добро.

«От века Бог был истинен, И вовеки будет благ и праведен», — говорится в одном из наших старинных псалмов.

Вера в достоверность Бога — вот основание уверенности верующих; и вот то же основание, на котором была воздвигнута величайшая из новых философий.

Без познания Бога и веры в Его благость, человек остаётся погружённым в неустранимое сомнение, владея лишь одной-единственной, бедной и ужасной уверенностью:

Я существую, — но, быть может, существую лишь для того, чтобы быть вечно обманутым.

Но, скажут, и для этого не нужно большого ума — как странен такой способ рассуждения! Вот человек, который сначала доказывает существование Бога с помощью своего разума, а потом доказывает, что его разум хорош, потому что Бог существует. Его разум доказывает ему Бога, а Бог доказывает ему разум: это аргумент, в котором любой школьник сразу увидит ошибку; это явно порочный круг. Такое неоднократно повторяли те, кто упускал из виду достаточно простое соображение. Ошибка кажется грубой; неужели не вероятно, что аргумент был неправильно понят? Не стоит ли тщательно его изучить, прежде чем утверждать, что один из самых ясных умов, когда-либо появлявшихся в мире, оставил в основе своего учения логический дефект, который может обнаружить любой школьник? Легкомысленное отношение к мысли — не лучший способ проникнуть в суть великих умов; и часто мы не понимаем их, потому что не проявляем должного уважения.

Давайте внимательно рассмотрим не дословно высказывания Декарта, как историк, а ход мысли, которую Декарт ярко представляет. Признать в разуме следы Бога и показать, что вера в Бога есть единственное основание разума — это не порочный круг, потому что в таком рассуждении мы занимаемся не логическим доказательством, а анализом; мы устанавливаем факт, чтобы выяснить, что этот факт влечёт за собой и предполагает. Этот факт — естественная вера человека в свой собственный разум, когда разум открывает ему свет очевидности или свет убеждённости. Когда человек доверяет своему разуму, он не

доверяет лишь индивидуальному разуму, потому что он уверен, что то, что ему очевидно, очевидно и для других.

Если бы он оказался на острове дикарей после кораблекрушения, он бы не думал, что эти дикари, размышляя, смогут опровергнуть аксиомы нашей геометрии или логики. Мы верим в общий разум, повсюду и всегда одинаковый, в котором участвует разум каждого отдельного человека. Мы верим, следовательно, в принцип истины, существующий сам по себе, в разум, который вечен и вездесущ; другими словами, мы верим в Бога как источник всеобщего разума. Верить в свой разум — значит верить в Бога в этом смысле: факт доверия, которое мы возлагаем на нашу способность думать, подразумевает скрытую веру в вечную истину. Вот анализ, о котором я говорил. Можно назвать это кругом, если хотите, но это круг света, вне которого, как мы увидим позднее, есть только тьма и тяжёлые противоречия.

Вы отрицаете существование Бога. На каком основании вы основываете это отрицание? На своём разуме. Значит, вы верите, что ваш разум хорош, вы очень в него верите, раз не сомневаетесь доверять ему, когда пытаетесь опровергнуть фундаментальные инстинкты человеческой природы. Но вы не осмелились бы утверждать, что этот разум, в который вы верите с такой твёрдой верой, — лишь ваш собственный, индивидуальный и исключительный разум. Вы верите в универсальный разум; вы верите в Бога, по крайней мере как в источник понимания. Таким образом, человек, отрицающий Бога, в определённом смысле утверждает Его одновременно с отрицанием. Он отрицает Его словами, внешней формой мысли; но утверждает Его в реальности как Верховный Разум через само доверие к своему мышлению. Наш разум — лишь отражённый луч Божественной истины.

Поэтому Декарт, как только заложил первые основы своей системы, прерывает цепь рассуждений, чтобы написать: «Здесь я считаю весьма уместным на мгновение остановиться, чтобы созерцать этого всесовершенного Бога, обдумывать его удивительные качества, рассматривать, восхищаться и поклоняться несравненной красоте того огромного света, насколько позволит сила моего ума, который словно ослеплён им». Так, погружаясь в глубины разума, философ, которого считают погружённым в чистую абстракцию, вдруг открывает себе возвышенное сияние и восклицает, как древний патриарх: «Господь здесь, а я не знал!»

Помните знаменитые слова лорда-канцлера Бэкона: «Малое знание склоняет ум к атеизму, но большее знакомство с ним возвращает к религии».

Бог не доказывается в обычном смысле, который мы вкладываем в слово «доказывать»; Бог вездесущ; Он в высотах небес, Он указывается как источник всего света. Попытка доказать Бога каким-либо иным образом — через нисхождение, то есть, начиная с высших принципов и спускаясь до рассматриваемого объекта — содержит в себе противоречие. Бог на самом деле является первым принципом, основанием всех принципов, тем принципом, за которым ничего нет. Мы можем описать процесс, с помощью которого человеческий разум поднимается к этой высшей идее; но желать доказать Бога, поднимаясь выше Его самого, чтобы найти точку отправления — значит буквально желать зажечь солнце. Если солнце разума погаснет, разум начинает свой путь, еще смутно озарённый остатками отражённого света; но недолго — и он спотыкается в темноте. Именно тогда — не обманывайтесь! — сомнения, которые Декарт вызвал по собственному желанию, всерьёз вторгаются в душу.

У нас есть естественная уверенность, которая не требует ясного представления о Боге; мы рассуждаем, не задумываясь отчётливо над теми принципами, на которых строим рассуждение, как когда спешим и выбираем кратчайший путь, не думая об аксиоме геометрии, предписывающей прямую линию. Но если перейти от естественного порядка мыслей к научной области, если спросить, что гарантирует мне ценность моего разума, — тогда встаёт вопрос, и многие погибают на переходе от естественной веры к научной

области, на опасном переходе, где сомнение расправляет свои коварные туманы и обманчивые топи. В момент, когда ставится вопрос о ценности разума — а все школы скептицизма его ставят — наш ответ должен быть: Бог; и мы должны найти в этом ответе свет, или увидеть, как мысль целиком захватывается непреодолимым сомнением.

Тогда люди начинают спрашивать себя, не ложь ли всё; и говорят о всеобщем тщеславии, не делая оговорки Экклезиаста. Страдающих от этой болезни душ гораздо больше, чем предполагают. Многие начинают гордо ставить против Бога то, что называют правами разума, а вскоре мы видим, как этот разум, восставший против своего Принципа, колеблется, сомневается в себе и, в конце концов, потерявшись в горькой иронии, окутывает себя вместе со всем остальным саваном всеобщего презрения.

Без Бога разум гаснет. Что же тогда случится с совестью? Совесть — реальность. Я с охотой скажу в пророческом стиле: «Да прилипнет язык мой к нёбу моему, если я отрекусь совести и поруганию святого имени долга!» Да, совесть — реальность; но Бог в ней: именно Он даёт ей необходимую основу и неизменную опору. Совесть — это величественный голос Владыки вселенной. Бог дал нам свет разума, чтобы мы могли видеть и понимать некоторые части Его творений, существующих вне нас; творение, в котором Он хочет видеть нас соработниками. Небо со звёздами — зрелище для глаз тела; ещё величественнее — для созерцания ума, который постиг их чудесный механизм. Мы восхищаемся ими; но если бы звёзды перестали вызывать наше восхищение, ни одна из них от этого не перестала бы совершать свой путь.

Есть другое небо — небо любящих и свободных звёзд, зрелище которого однажды наполнит нас восторгом, а осуществление которого — дело нашей любви и нашей воли. Прежде чем созерцать его, мы должны его сотворить; это наше великое и страшное привилегия. План духовных небес заложен в душе, и откровения совести открывают его воле. Это закон справедливости и любви. Этот закон постоянно нарушается, потому что он предлагается свободе, а свобода восстаёт: он существует всегда, потому что он дело Всемогущего. Человечество в своей странной судьбе никогда не переставало оскорблять признанный им закон и выносить своим поступкам непрекращающийся приговор. Законы, исследуемые физическими науками, — это план Творца, реализованный в природе; закон, предлагаемый свободе, — это план Творца, который должна реализовать общность разумов. Вот объяснение совести: Бог — её твёрдое основание.

Долг и Бог, мораль и религия — неразрывные принципы; все усилия ложной философии никогда не смогли и не смогут их разъединить. Люди никогда не перестанут верить, что Бог свят, и что Его воля обязательна для них; они никогда не перестанут верить, что святость божественна, и что воля Божия проявляется в наставлениях совести. Поэтому прогресс религии и прогресс морали тесно связаны; мораль народа зависит прежде всего от того образа Бога, который он себе представляет.

Совесть, будучи в то же время реальной и имеющей постоянные основы, меняется в степени своего просвещения. Она освещена или омрачена в зависимости от чистоты или искажения религиозных представлений человека; с другой стороны, когда религиозное поклонение деградирует чрезмерно под влиянием ошибок и страстей, совесть протестует и очищает религиозные представления через свой протест.

Часто говорят, что в ходе развития человечества мораль отделилась от веры и в конце концов опирается только на собственные основания. Это взгляд XVIII века, который, хоть и иссох у корня, до сих пор дает побеги в наши дни. С этой теорией пытались связать имя великого Сократа, утверждая, что мудрец Афин, разорвав связь между землей и небом, отделил долг от его первоисточника. Послушайте: оказавшись перед выбором — отказаться от своей миссии или умереть, Сократ обращается к своим судьям так:

"Афиняне, я чту вас и люблю, но я послушаю Бога больше, чем вас. Вся моя деятельность — убеждать вас, молодых и старых, что забота о душе и ее совершенствовании важнее, чем забота о теле и богатстве. Знайте, что это повелел мне Бог, и я убежден, что нет ничего более полезного для республики, чем мой пыл в исполнении Божьей воли".

Кажется ли вам, что этот человек хотел разорвать связь морали с религией? Он отделился от устоявшейся религии, язвительно высмеивал порочные объекты поклонения, его совесть протестовала. Но, протестуя, она сразу же крепко привязывалась к высшей и святой идее Бога, чьи совершенства мудрец Афин сумел разглядеть.

Бог — вот объяснение совести; Он также ее опора. Эта внутренняя речь нуждается в поддержке, ибо ей постоянно противоречат и отрицают ее. Мир не всегда подает образец благочестия; происходящее на земле не всегда укрепляет моральное чувство.

Представим яркий пример, который легко можно найти и в повседневной жизни. Мирное население, угрожаемое в своих священных правах, взяло оружие в самозащите. Я не хочу думать о солдатах, идущих подавлять его — они лишь орудия в руках своих начальников — а о самих руководителях. Один из них, без всякой необходимости, с хладнокровным расчетом, пожертвовав всеми человеческими чувствами, или под влиянием жестокого инстинкта, отдаёт город или деревню на разграбление, убийства и поджоги. Кровь жертв едва остыла, последний огонек пожара еще не погашен, как этот человек уже принимает похвалы от своих начальников. Его хвалят за храбрость и дерзость; монарх вешает на его грудь блестящий крест — знак искупления мира; он возвращается на родину под ликование толпы и наслаждается овациями.

Должна ли такая безнаказанность ограничиваться лишь горькими воспоминаниями и тихими протестами, скоро заглушаемыми громким голосом успеха? Поистине, под солнцем совершаются дела, которые вопиют о возмездии. Вы когда-нибудь чувствовали в себе этот могучий крик при виде какого-либо отвратительного преступления или при чтении определённой страницы истории? И так должно быть; этот крик возмездия будет звучать, пока душа не научится превращать проклятие в молитву и желание справедливости — в прошение о прощении виновных. Но если перед лицом зла мы будем вынуждены верить, что не будет ни возмездия, ни прощения, тогда главный двигатель моральной жизни сломается, и человечество воскликнет, подобно Бруту на Филиппах: "Добродетель! Ты лишь пустое слово!"

Совесть реальна; но её голос нередко неприятен, а ловкие аргументы, стремящиеся отнять у неё значение, подпитываются злыми наклонностями нашей природы. Если нет веры в вечную справедливость, совесть рискует притупиться от соприкосновения с миром. Тогда возникает ещё более глубокое и мучительное сомнение, чем то, что касается процесса познания. Вопросы такие: "Откуда этот голос долга? Что он хочет? Не может ли совесть быть предрассудком, результатом воспитания и привычки? Она, кажется, слаба, ведь её можно безнаказанно игнорировать. Многие говорят, что это искусственная сила, от которой, в конце концов, освобождаешься, сопротивляясь ей. Неужели я жертва иллюзии? Я теряю радости, которыми пользуются другие. Меня окружают запреты, запретные действия, нездоровая красота, виноватые чувства. Другие свободны и полноценно пользуются жизнью. А что если и я попробую эту свободу?"

Вот искушение. Когда душа стремится стать выше совести и мягче долга, она близка к падению. Честная женщина будет завидовать свободе куртизанки, а человек, связанный словом, начнет завидовать свободе лжеца. Тогда наступают страшные уроки, которые учат, что распущенность — это самое тяжкое рабство, и что в борьбе между наклонностью и долгом именно свобода угнетает, а закон освобождает.

Счастлив тот, кто, чувствуя, что тонет в мрачных водах, воззовет к Богу, Который может спасти его из бездны, и укрепит его поколебавшуюся совесть, поставив ее на прочный фундамент. "Бог говорит и царствует. Всякое восстание по своей природе временно; справедливость, в конце концов, восторжествует. Справедливость может казаться медленной глазами земного человека, ведь Тот, кто ее осуществит, имеет в распоряжении вечность".

Но если Бог не будет нашим прибежищем от людей и мира, если, видя все происходящее вокруг, мы не сможем взглянуть выше и дальше земли, люди могут потерять веру в долг. И эта вера действительно теряется. Если нет мертвых совестей, есть совести, погружённые в глубокий сон. Есть люди, для которых доброта, истина, справедливость и честь — лишь условные монеты, которыми они пользуются, потому что так принято, но не придают им внутренней ценности. Эти "монеты" лишены для них видимого оттиска, потому что представление о всемогущем и справедливом Боге — это отпечаток, который определяет долг и гарантирует его ценность.

Когда отрицается необходимый союз морального порядка с религиозной мыслью, реальность совести противопоставляется так называемым теологическим гипотезам, всегда подлежащим обсуждению. Хорошо видно, что люди могут сомневаться в существовании Бога, но предполагается невозможным сомневаться в совести. Это иллюзия благородных умов. Те, кто хотят сохранить эту иллюзию, не должны открывать страницы истории философии, где отрицание долга занимает не меньше места, чем отрицание Бога; не должны слишком оглядываться вокруг; а также им следует избегать самых распространённых книг и самых популярных журналов. Иначе, как мы увидим, они быстро поймут, что та мораль, которую они хотели бы считать неприкосновенной, ныне подвергается, пожалуй, самым серьёзным нападкам, и та совесть, в существование которой невозможно усомниться, на деле подвергается самым дерзким отрицаниям со стороны некоторых из современных фаворитов славы.

Голос долга, без сомнения, слышен даже тогда, когда Бог не приходит на ум ясно; но когда вопросы поставлены чётко, если Бог отрицается, совесть меркнет и в конце концов гаснет. Это помрачение не происходит сразу: колесо гончара некоторое время продолжает вращаться, говорит древняя индийская поэма, после того как мастер убирает ногу с него. Но это потемнение наступает постепенно со временем — такова общая закономерность.

Есть исключительные люди, которые, кажется, избегают этого закона и носят в душе Бога, сокрытого от собственного сознания. Таких людей можно найти, даже немало, в наше время, когда сомнение во многих случаях — это лишь поверхностное предубеждение, наложенное общественным мнением и не проникающее глубоко в души. Есть люди, чьи убеждения разрушились, а совесть продолжает стоять, словно одинокая колонна — единственное свидетельство разрушенного здания. Встреча с такими героями добродетели вызывает смесь удивления и уважения. Они действительно — чудо той божественной доброты, имя которой они не могут произнести.

Если есть человек на земле, кто должен упасть на колени и пролить горящие слёзы благодарности, так это человек, считающий себя атеистом, и которому Провидение дало такой острый вкус к благородному и чистому, такую сильную неприязнь ко злу, что его чувство долга остаётся твёрдым, даже когда оно потеряло все опоры. Но исключение не составляет правило; и то, что реализовано в единичных случаях, не существует долго и для всех.

Вы знаете те корки снега, которые образуются над трещинами наших ледников. Эти тонкие мостики могут выдержать одного человека, подвешенного над пропастью, но если несколько человек попытаются перейти одновременно — хрупкая опора ломается, и отважные прохожие падают вместе в бездну. Такова судьба тех философских школ, в которых

исчезает понятие Бога, и тех цивилизаций, в которых угасает чувство Бога: они падают в тёмные области, где уже не светит свет доброты.

После ума и совести нам остаётся поговорить о сердце. Человек — разумное и свободное существо — имеет в своём уме инструмент познания и в совести правило для своей воли. Но человек не самодостаточен и не может жить своими собственными силами. Если спросить, что выражает слово «сердце» в самом общем смысле, то окажется, что оно всегда обозначает стремление души устремиться вне себя, в вещи или в других людей, чтобы найти опору и питание для своей индивидуальной жизни.

Если речь идёт о взаимоотношениях человека с ближними, то сердце — это орган общения одной души с другой: для принятия, для отдачи или для того и другого одновременно, в радости взаимной привязанности. Сердце в каждом из нас — это как метки на рассыпчатых камнях строящегося здания, указывающие, что эти камни должны быть соединены друг с другом.

Философ достаточно сам для себя, говорили стоики; сердце же — это отрицание этого гордого максимума. Из сердца исходит любовь, этот сын изобилия и бедности, чтобы выразиться словами Платона, — нуждающийся, постоянно ищущий утраченного наследия. Любовь имеет крылья, — опять слова греческой мудрости, — крылья, которые пытаются поднять её всё выше и выше.

Давайте проясним мысль, скрытую за этими изящными образами: наши желания безграничны, и удовлетворить бесконечные желания можно только в встрече с бесконечным существом, которое может стать неиссякаемым источником счастья, вечным предметом любви.

«Наше сердце создано для любви, — говорил святой Августин, великий христианский ученик Платона, — поэтому оно неспокойно, пока не найдёт покоя в Боге». Из этого неспокойства происходят все наши несчастья. Люди не всегда довольствуются мелким прозаическим счастьем, тусклым и ничтожным благополучием, притупляя в то же время великие инстинкты нашей природы. Если же сердце живо, но не находит своего истинного объекта, если оно не встречает высшую цель своего покоя, его безмерные устремления прикрепляются к тем вещам, которые не могут их удовлетворить, и отсюда возникают ужасающие заблуждения.

У одних — это погоня за плотскими наслаждениями; они бросаются с какой-то яростью в страсти своей низшей природы. У других — жгучее стремление к богатству, власти, славе — чувства, которые всегда требуют «больше!» и никогда — «достаточно!». И послевкусие от тщетного поиска счастья в пути амбиций и тщеславия, возможно, не менее горькое, чем послевкусие от плотских наслаждений.

Послушайте признание человека, чьи произведения, полные красоты, изобилуют столь многими непристойными намёками, что автор кажется больше других потворствовавшим головокружительным глупостям и грешным удовольствиям жизни:

> Если, устав от насмешливых грёз, моё беспокойное сердце
> Возвращается, чтобы насытиться бодрой радостью,
> Скоро я ненавижу удовольствия, что приносят
> Лишь мнимое наслаждение, а душат меня.

Вот искреннее признание. Это — правда повседневного опыта. Я видел — и кто из вас не сможет сказать то же самое? — я видел больного, лишённого всех обычных занятий и развлечений, с болью постоянной спутницей, и видел, как он находил радость в мысли о своём Боге и питался без насыщения этим хлебом довольства. Я видел лицо слепого, озарённое живой верой и сияющее светом мира, который для него сладок и ярче солнечных лучей. Но там, где нет Бога и вся связь с источником радости прервана, вы увидите самых

богатых из богатых, самых преуспевающих среди честолюбцев, знаменитых людей с самой широкой известностью — всех этих людей, несущих тяжкое бремя неудовлетворённости.

Их лбы, не освещённые небесным лучом, изрезаны линиями печали. Если вы встретите их в момент откровенности, эти богатые, амбициозные и знаменитые люди скажут вам со вздохом: «Всё это не удовлетворяет; мы лишь гонимся за призраками».

Тем не менее, они продолжают гоняться за этими призраками. Они кричат: «Суета! суета!» — и не перестают преследовать суету. Они бегут от самих себя; если бы они обратились внутрь себя, они бы нашли там тоску, неумолимую тоску — ощущение пустоты, которую должен был бы заполнить Бог, но которая осталась пустой в глубине души. Для обманутого сердца жизнь становится горькой комедией. Те, кто не сумел ослепить себя пылью легкомысленных забав, часто заканчивают, закутавшись в презрение, словно в плащ; они ищут грустного и одинокого утешения в величии своей ненависти к жизни. Но и это не приносит удовлетворения — презрение не напиток, и ненависть не пища.

Такова судьба сердца, в котором нет Бога. Но, господа, надеюсь, у вас найдутся возражения. Я только что говорил о чувственных удовольствиях, о гордости, о тщеславии, и не упомянул те привязанности, в которых сердце проявляет свои высшие качества. Не забудем ли мы радости чистой любви? Семейное тепло? Дружбу? Родину? Не бойтесь, что, увлекшись приступом мизантропии, я пришёл сюда, чтобы клеветать на истинные счастья жизни.

Но дают ли земные привязанности нам достаточные гарантии? Нам нужно бесконечное, чтобы ответить бескрайности наших желаний; в присутствии тех, кого мы любим, не нуждаемся ли мы в Вечном, чтобы опереть на Него своё сердце? Не превратится ли вся человеческая любовь в источник мучений, если у нас нет веры в любовь Того, Кто запечатлеет святые привязанности печатью собственной вечности?

Одна только мысль достаточно осветит этот вопрос. Знаете ли вы чувство тревоги? Все мы его знаем, пусть в разной степени. Могут появиться эпидемии. Холера уже пошла своим путём; она покинула глубины Азии и приближается. Говорят, что в соседних городах уже начали ощущать её разрушения. Где будут завтра, через неделю, те, кого мы любим? Объявлена война. Слышны приготовления к смерти; правители Европы делают расчёты, сулящие потоки крови. Если война вспыхнет, тот брат, тот сын, который должен будет взяться за оружие, та дочь, что однажды, может быть, окажется на милости безудержного солдата...

Но не будем искать далеко примеры. Нет ли у вас дорогих в далёкой стране, о которых вы ждёте вестей? А те, кто рядом с вами? Завтра, сегодня, сейчас, пока вы меня слушаете, смертельная болезнь может проявлять первые симптомы. Принимали ли вы тяжёлые уроки смерти? Если видите играющих детей, полных здоровья и радости, не случается ли, что вы думаете о другом ребёнке, бывшей радости вашего очага, ныне лежащем под землёй? Не бывает ли у вас дурного предчувствия, когда любимые черты лица кажутся искаженными мукой или бледнеют в смерти?

Однако вы должны или видеть смерть ваших близких, или они должны положить вас в землю, ибо всякая жизнь заканчивается могилой, и мы всего лишь ходим по кладбищам. Когда душа ранена тревогой, есть одна, и только одна, панацея от этой ядовитой раны: «Бог царствует!» Ничто не происходит без позволения Его доброты. И о всех дорогих нам мы можем сказать: «Отец, в Твои руки предаю их.» Если у нас нет этого упования, мы сможем избежать мучений только легкомыслием.

Без Бога наш разум болен; болеют и совесть, и сердце — причём ещё тяжелее.

Мы только что рассмотрели, какой была бы жизнь индивида без Бога. Теперь обратим внимание на те объединения людей, которые составляют общества. Здесь мы не будем говорить о взаимоотношениях гражданской и церковной власти — вопрос сложный, и решение его зависит от времени, места и обстоятельств. Заметим лишь, что разграничение светского и духовного порядков — один из краеугольных камней современной цивилизации. Это разграничение основано на тех великих словах, которые восемнадцать веков назад отделили сферу Бога от сферы Цезаря.

Религия, рассматриваемая как функция гражданской жизни; догма, поддерживаемая словом монарха или голосом политического тела; формула догмы, принуждаемая правительством к признанию подданных — всё это пережитки язычества, которые веками сопротивлялись христианской мысли. Религиозные убеждения личности не принадлежат государству; религиозные чувства не подвластны человеческим судам; и трудно сказать, страдает ли больше от смешения этих разных сфер духовная или светская власть. Религия должна иметь собственную жизнь и своих представителей; гражданская жизнь должна быть освобождена от всякого тиранического вмешательства во имя догмы; но от этого религия, благодаря своему влиянию на совести людей, остаётся необходимой связью и опорой человеческого общества.

Христианские государства придали юридическую силу институтам, таким, например, как моногамия, происхождение которых восходит к Евангелию. Здесь мы видим нормальное развитие цивилизации: религиозная вера просвещает общую совесть и открывает ей истинные условия социального прогресса. В этом порядке вещей речь идёт не о вероучениях, а об актах, навязанных во имя общественных интересов. Государство может учитывать религиозные убеждения своих подданных и поддерживать такие отношения с церковными властями, которые сочтёт удобными; это основа системы конкордатов, не противоречащей основным принципам при условии сохранения свободы. Но учреждение национальных религий, декретируемое светской властью и разнящееся в разных государствах, явно предполагает основание на скептицизме. Вместо идеи истины, единой и универсальной по своей природе, вводится идея решений, обязательных только для тех, кто подчинён конкретному политическому организму.

Если государство, не претендуя на провозглашение догмы, получает её из рук Церкви и навязывает подданным, то сначала кажется, что светская власть служит Церкви и сохраняет идею истины. Но при более тщательном рассмотрении видно, что это не так, и государство фактически узурпирует атрибуты духовной власти. Ведь прежде чем защищать истинную религию, необходимо выяснить, какая она; а для этого политическая власть должна стать судьёй религиозной истины. Так мы возвращаемся к концепции национальных религий. Император России и император Австрии будут соответственно решать, какая религия истинна и какую они должны защищать. Они дадут разные ответы, и каждая нация получит свою форму культа, как и своего правителя.

Плутарх сказал: «Легче построить город в воздухе, чем сохранить государство без религии». В современности это мнение древней мудрости оспаривалось. Философия прошлого века, как мы уже говорили, пыталась отделить долг от идеи Бога. Она претендовала дать в качестве единственного основания общества гражданскую мораль, правила и санкции которой следует искать на земле. Кровавые люди, которые ненадолго правили Францией, однажды объявили девизом — Террор и все добродетели: такова была страшная реализация этой теории. Добродетель основывалась на политическом декрете, а без суда Божьего гильотина была санкцией её постановлений.

В наши дни философские школы начинают признавать более здоровые взгляды. Один из членов Французского института, господин Франк, недавно опубликовал труд по истории

древней цивилизации с целью показать, что представление народа о Боге — истинный корень его социальной организации. Ранее, двадцать лет назад, известный публичный лектор господин Эдгар Кине в своем курсе в Лионе говорил, что религиозная идея — суть цивилизации и основной принцип политических конституций. Он объявил о «истории цивилизации через памятники человеческой мысли» и добавил: «Религия прежде всего — столп огня, ведущий народы через века; она будет нашим путеводителем».

Бенжамен Констант показывает в изменении своих взглядов переход от позиции прошлого века к настоящему. Изначально он задумывал своё исследование религии как памятник атеизму, но в итоге стал искать в религиозных чувствах условие существования цивилизованных обществ. Это — настоящий прогресс, возвращающий нас к мысли Плутарха. Действительно, если убрать идею Бога, то первым следствием станет жертва всех завоеваний современной цивилизации, а затем — невозможность существования какого-либо общества вообще.

Я попрошу вашего пристального внимания к этим двум пунктам по очереди.

История не представляет собой ни непрерывного прогресса, как утверждают некоторые оптимисты, ни постоянного упадка, как думают мизантропы; и не правда также, как иногда говорят, будто все эпохи одинаковы, что одна хороша, как и другая. Бывают времена лучшие, чем последующие за ними, и бывают эпохи менее испорченные, чем предшествующие им. Человеческие общества падают и снова восстают; их движение — это зигзаги и шаги назад, ибо оно совершается под влиянием сотворённой свободы; но если взглянуть на их судьбы в целом, становится ясно, что они движутся к определённой цели, потому что, пока человек беспокойно мечется, Бог ведёт его вперёд. Завоевания современной цивилизации — это великие и священные реалии. В чём состоят эти завоевания?

Не будем останавливаться на поверхности явлений, но спустимся к основанию. Общества, погружённые в состояние варварства, жили под девизом знаменитого изречения галльского вождя: «Горе побеждённым!» В институтах, как и в нравах, торжество силы характеризует варварские времена. Право сильного — двойное отрицание справедливости и любви; а что характеризует цивилизацию, выходящую из состояния варварства, обломки которого она ещё долго будет за собой тащить, — так это установление справедливости, которая создаёт государства, и на основе справедливости — развитие доброжелательности, делающей общества счастливыми. Вот две основные предпосылки общественного прогресса. Эти условия необходимы даже для прогресса промышленности и материального благополучия.

Современная цивилизация — та самая, которую мы так называем, отодвигая, так сказать, в прошлое современные общества великого Востока, — обладает силой, неизвестной древности. Справедливость имеет основание в совести, доброжелательность имеет естественные корни в сердце; но был момент, когда справедливость и любовь явились миру с новым сиянием, словно лучи, освободившиеся от облаков. Современная цивилизация была тогда заложена на земле в виде могучего зерна, рост которого уже ничто не могло остановить. Этот момент был тогда, когда идея Бога явилась в своей полноте: современная цивилизация родилась из Евангелия. Познание Бога укрепляет справедливость, а мысль об общем Отце развивает доброжелательность. Эти тезисы хорошо известны; ограничимся несколькими краткими примерами.

Существует одно учреждение, воплощающее в себе отрицание социальной справедливости, — это рабство. Рабство наконец исчезает на наших глазах из христианского мира; и его последнее отступление делает честь России и омывает кровью Америку. Это, возможно, одно из самых значительных событий, которое история впишет на страницу XIX века. А ведь рабство в прошлом было почти всеобщим институтом. Лучшие умы Греции посвящали часть своих трудов его оправданию. Рим, в самый блестящий период своей цивилизации,

устраивал убийства рабов ради жестоких зрелищ для потехи народа или для развлечения богатых распутников на пышных пирах!

Как же рабство исчезло, шаг за шагом! Как было вновь открыто в этом живом существе — рабе — человека, которого то использовали как орудие труда, то превращали в игрушку отвратительных страстей? Изучите эту историю. Вы найдёте, что разум и сердце подавали голос протеста ещё в древности, но без всякой действенной силы. И вот однажды всё изменилось, и основы рабства начали рушиться. В этот памятный момент вы встретите письменный документ — первый, в котором в зародыше явилось то великое социальное явление, которому предстояло родиться. Это не указ императора, не постановление народного собрания, это письмо, всего несколько строк, написанное узником одному из своих друзей. Суть его такова: «Я возвращаю тебе твоего раба; но во имя Бога прошу тебя принять его уже не как раба, а как брата; вспомни о нашем общем Владыке, который на небесах». Это письмо было адресовано Филимону; имя автора — Павел. Это первая хартия освобождения рабов.

Вдумайтесь в этот факт, господа: древнее учреждение рабства пошатнулось не в результате какого-либо прямого нападения, но от дыхания нового духа. Тогда вы поймёте, как историки могут утверждать, что отношения между народами, права воюющих сторон, гражданские законы, политические учреждения — всё это, о чём Евангелие прямо не говорит, было и продолжает быть ежедневно преображаемым медленным действием Евангелия. Бог явился; за Ним идёт справедливость.

Справедливость — основание общества; но без духа любви справедливость остаётся калекой и никогда не достигает совершенства. Справедливость охраняет права каждого; любовь стремится осуществить обмен благами между всеми. Справедливость разрушает искусственные преграды, воздвигнутые между людьми силой и хитростью; любовь смягчает естественные неравенства и обращает их на общее благо. Нужно ли говорить вам, что познание Бога — это свет, самым ярким лучом которого является любовь к людям? Благожелательность, это чувство, природное нашему сердцу, укрепляется, расширяется, преображается, становясь милосердием; милосердием, этой связью души с Небесным Отцом, которая вновь нисходит на землю в любви между всеми Его детьми.

Душа, оторванная от Бога, может обладать сильными привязанностями: но изучите хорошенько характер добродетели, питаемой лишь человеческими источниками; вы увидите, что её чаще всего можно выразить следующими словами: «Горячо любить друзей и с великодушной ненавистью ненавидеть врагов; уважать честных и презирать порочных». Но та добродетель, которая любит порочного человека, ненавидя его порок; та добродетель, которая мстит злу только победой добра над злом; та добродетель, которая, укрепляя узы личной привязанности, делает другом каждого человека; та добродетель, которую мы по естественному побуждению сердца называем божественной, — откуда она исходит?

Следующий факт даст достаточный ответ на этот вопрос. На фасаде одной из больниц христианского мира можно прочесть эти латинские слова, энергичность которых наш язык не может в полной мере передать: Deo in pauperibus — «Богу — через бедных».

(Это краткое выражение часто означает идею служения Богу через помощь бедным, в духе евангельских слов Христа: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Матфей 25:40). Таким образом, выражение «Deo in pauperibus» можно понимать как духовный девиз, утверждающий, что служение нуждающимся — это служение Самому Богу.) прим.ред.

Вот тайна милосердия: оно видит Божий образ, вложенный в каждую человеческую душу. Но не заблуждайтесь здесь: мы не можем любить естественной, прямой любовью лохмотья

нищеты, следы порока, страдания и язвы болезней; но пусть явится Бог — и глаза наши открываются. Тогда сияет пред нами красота души, даже под изнеможением исхудавшего тела и под грязью порока. Мы любим этих бессмертных существ, падших и униженных; нами овладевает святое желание вернуть их к их истинному назначению.

Если художник обнаружит в груде мусора под грубыми формами произведение чудесного греческого резца, он с уважительным рвением берётся освобождать благородную статую от грязи, что её оскверняет. Каждая человеческая душа — это Божественное произведение искусства, и каждое милосердное сердце — художник, желающий трудиться над её восстановлением. Теперь нам становится понятной та любовь к страданию и бедности, та страсть к каторгам и больницам, которые иногда влекли христиан к крайностям, каких нашему времени опасаться не приходится. Бог в бедном, Бог в больном, Бог в порочном и преступном — вот, повторяю, великий секрет милосердия.

Милосердие переходит от сердца людей и от личной практики в общественные обычаи и учреждения. Милосердие — это оно постепенно избавляет законы от ненужной суровости, а правосудие — от бесполезных мучений; это оно заменяет каторгу, довершавшую развращение преступника, тюрьмой, в которой стараются его исправить; это оно открывает общественные приюты для всех форм страдания и, насколько это возможно, осуществляет все надежды человеколюбия. Если Бог перестанет присутствовать в разуме и совести людей, справедливость и любовь потеряют свою силу. Без мощного действия справедливости и любви общество снова скатится по пути разложения к борьбе и варварству.

Посмотрите вокруг, понаблюдайте внимательно, всё, что совершается вокруг нас. Кажется ли вам наша цивилизация достаточно прочной, чтобы внушить уверенность в том, что она может обойтись без тех оснований, на которых покоилась до сих пор?

Чувства справедливости и милосердия, которые составляют двойное основание прогресса общества, предполагают существование еще более общего чувства, являющегося их общим основанием, — чувства человечности. Идея, что человек имеет ценность сам по себе, что он, по самому факту своей человеческой природы, независимо от тех мест, которые он занимает, и положения, которое занимает в мире, является объектом справедливости и любви, — эта идея заключает в себе всю нравственную сторону цивилизации. Социальный прогресс — это не что иное, как всё более явное признание ценности каждой души, прав каждой совести.

Теперь же идея человечности имеет самое тесное возможное отношение к познанию Бога как Отца рода человеческого. Древняя мудрость, возвышаясь над идолопоклонством, смутно предчувствовала, что философ — это гражданин вселенной; и знаменитый стих Теренция: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо», — вызвал, как рассказывают, аплодисменты римских зрителей. Но это были лишь проблески, быстро угасавшие под напором общего хода мыслей. Это была лишь бледная заря идеи человечности. Откуда же взошёл день?

Я ограничу вопрос, уточнив его. Идея человечности — это идея достоинства, а следовательно, и прав каждого отдельного человека. Это идея свободы; не свободы, как её толкуют страсть и эгоизм, как торжество произвола, попирающего право, но свободы, как её понимают разум и совесть, как границы, у которых деятельность каждого человека должна останавливаться перед правами ближнего. Здесь речь не о равенстве политических прав, которое далеко не всегда служит гарантией подлинной свободы. Речь идёт о таком состоянии общества, при котором человек, используя свои способности, выражая свои мысли, борясь за любимые им идеи, — пока он не нарушает прав других, — не встречает перед собой произвольной власти, способной остановить его.

И чтобы ещё больше сузить предмет, скажу: я говорю здесь о самой важной форме этой свободы — свободе совести, наиболее обычным и полным выражением которой является свобода религиозная. Это лишь один из аспектов вопроса, но на деле этот аспект предполагает и включает в себя все остальные. Эта свобода — откуда она берётся? Она не пришла от язычества. Язычество с его национальными религиями могло породить только фанатизм или сомнение. У каждого народа была своя религия, и убивать чужеземца означало служить богам своей страны. Боевой клич нисходил с Олимпа каждой отдельной нации, — с того самого Олимпа, который боги покидали, когда было нужно, чтобы вмешаться в раздоры людей.

Видела ли философия ничтожество этих национальных божеств? Тогда являлось скептическое неверие. Когда идея Верховного Бога была неустойчивой для всех, а для народа и вовсе затемнённой, — перестав верить в богов своей нации, люди теряли всякую веру вообще. Поэтому-то и воцарилось такое распространённое неверие на закате античного мира. Эти пантеоны, где принимались все религии, где всем был предоставлен кров и защита, — это памятники скептицизма, которые останутся в истории навсегда.

Но вы знаете, какой голос прозвучал, когда древняя цивилизация ослабла под влиянием духа сомнения: «Нет уже ни Эллина, ни Иудея, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного, — все вы братья, и для всех один Бог, одна Истина» — вот, корень скептицизма отсечён. И тот же голос добавил: «Этот Единый Бог есть законный Владыка Своих созданий; и когда вы посягаете на совести, принадлежащие Ему, вы не знаете, каким духом движимы» — вот, иссяк источник фанатизма. Бог признан; Он — Владыка душ: вера утверждает свободу.

Свидетель универсальной истины предстаёт перед Римом, представленным наместником Цезаря. Фанатик, — говорит римлянин, затем поворачивается и уходит, оставляя Его на смерть. Но вскоре тусклый, глухой ропот народов, распространяющийся по всей длине и ширине этой огромной империи, свидетельствует о том, что Тот, Кто был мёртв, жив снова и говорит к совести народов. Тогда Рим пробуждается от своего сна; Рим — политический, терпимый Рим — проливает реки крови. Его терпимость позволяла верить во что угодно, при условии, что никто не верил во что-либо серьёзно.

Римом управлял безошибочный инстинкт деспотизма. Он не боялся богов Пантеона, ведь всегда можно было воздвигнуть над ними статую Императора; но теперь речь шла о том, чтобы, оставляя кесарю кесарево, признать Верховного Владыку над Императором и возвысить Закон над законами империи. Поэтому Рим постановил нанести смертельный удар христианству, идее универсальной истины, ибо, если эта идея проникнет в разум, дело свободы совести будет выиграно. Так случилось, что равнодушие стало свирепым, а сомнение вновь привело к фанатизму.

Я сказал вам, откуда не приходит свобода; но откуда она приходит? Откуда происходит свобода? Спросите любого ученика лицея во Франции — он вам без колебаний ответит: Свобода произошла от Французской революции! — Разумеется, — тихо подскажет ему его старший товарищ, — но не забудь философию XVIII века, которая развила принципы, осуществлённые революцией. — Это всё верно, — скажет протестант, — но вспомним Великую Реформацию: именно с XVI века начинается эпоха свободы. — Хорошо, — добавит историк, — но разве вы не знаете, что именно немцы влили новую, свободную кровь в ослабевшие жилы людей, привыкших к рабству империи? — Я ничего не отрицаю, и недостаточно сведущ, чтобы с уверенностью судить о действии всех этих исторических причин. Но вот что я осмеливаюсь утверждать: если кто-либо думает точно определить час рождения свободы в истории, — он ошибается, ибо у неё нет другой даты, кроме даты появления человеческой совести. И я скажу вместе с Ламартином:

«Да, та свобода рождалась в ту пору,
Когда свободной стала душа,
Когда человек во имя правды
Смело восстал против грубой силы».

Свобода родилась в тот самый миг, когда человек, принуждаемый своими собратьями к поступкам, ранящим его совесть, опираясь на Бога, почувствовал себя сильнее всего мира. Не у энциклопедистов, смею думать, учился Сократ, да и немцем, насколько мне известно, он не был, когда сказал судьям Афин, глядя смерти в лицо: «Повиноваться нужно больше Богу, чем людям». И когда эти слова были повторены апостолами универсальной истины, смерть Сократа — эта великая смерть, по праву снискавшая восхищение всего человечества, — воспроизвелась тысячекратно. Дети, женщины, девушки, старцы — все они умирали в муках, чтобы засвидетельствовать права совести. И кровь мучеников, это «семя христиан», как сказал один из отцов Церкви Тертуллиан, — была в то же время и семенем свободы. Свобода не родилась в истории; но если вам угодно установить дату её самого великого торжества — вот она: другой, равной этой, в истории нет.

Может быть, кто-то из вас думает, хоть и не говорит вслух, что я защищаю парадокс. Ищите источник свободы совести в религии? Разве это не забывает того факта, что христианская Церковь часто оставляла в истории кровавый след, освещённый зловещим светом костров? — Я ничего не забываю, господа, и прошу и вас ничего не забывать. Есть три замечания, которые я предлагаю вашему вниманию.

Во-первых, нельзя забывать, что Евангелие впервые обрело широкое распространение в то время, когда римское общество находилось на самой низкой ступени нравственного разложения, и что его представители неизбежно страдали от тех зол, с которыми им предстояло бороться. Не следует забывать, что позже на ослабевшее общество нахлынули орды варваров, которые, в некотором смысле, обновили изнурённый мир, но вместе с тем покрыли новый заквас грубой коркой, труднопроницаемой для духа.

Не следует забывать также, наконец, что если бы дело можно было бы справедливо осудить из-за недостатков его защитников, то не нашлось бы ни одного, ни единого дела, которое устояло бы перед судом, выносящим приговор таким образом. Каждое дело в этом мире более или менее скомпрометировано своими представителями; но есть дурные принципы, которые производят зло самим своим развитием, и есть хорошие принципы, которыми человек злоупотребляет, но которые по самой своей природе неизбежно пробуждают протест против злоупотребления. При свете этой неоспоримой истины мы приступим сейчас к обсуждению, значение которого вы сможете оценить в полной мере.

Скептические писатели утверждают, что терпимость возникает из ослабления веры, и, делая вывод из этого утверждения, они рекомендуют распространять дух сомнения как наилучшее средство для достижения свободы совести. Здесь мы имеем старый довод: уничтожить использование, чтобы избавиться от злоупотребления. Говорят: преследования совершаются именем религии — уничтожим веру, и настанет мир. Тюрьмы были построены, костры разожжены во имя Бога — уничтожим Бога, и обретём терпимость. Вглядитесь хорошенько в смысл этой логики: уничтожим огонь — и не будет больше пожаров; уничтожим воду — и больше никто не утонет. Всё верно, но человечество погибнет от жажды и холода.

Рассмотрим же этот вопрос серьёзно: он того стоит. Если терпимость возникает от ослабления религиозных убеждений, то среди различных народов мы должны были бы наблюдать терпимость в обратной пропорции к силе их веры. Значит, это вопрос истории. Изучим факты. Напомним себе, прежде всего, что древний Рим не извлёк из своего скептицизма ни единого ростка свободы, и теперь обратим взор на современные общества.

Швеция сильно отстаёт от Англии в отношении свободы совести. Значит ли это, что религиозные убеждения в Англии слабее, чем в Швеции? Родилась ли та религиозная свобода, которой пользуется Великобритания, из равнодушия? Или, скорее, дело в том, что это земля сильной расы, что она была слишком часто орошена кровью последователей различных исповеданий, и что, в конце концов, эта кровь возопила к небу, и совесть народа услышала её? Во Франции больше религиозной свободы, чем в Испании. Так ли уж несомненно, что причина нетерпимости испанцев — более глубокая и всеобщая вера, чем у французов? Это ещё вовсе не очевидно.

Швейцария — одна из тех стран, где пользуются наибольшей свободой мнений. Разве Швейцария — страна равнодушия? Разве не замечали твёрдости убеждений её граждан во времена бурь прошлого века? Разве Соединённые Штаты не несут на знамени крупными буквами эту надпись: СВОБОДА СОВЕСТИ? Америка ведь не известна как страна без религии; наоборот, её упрекают за чрезмерное изобилие религиозных течений, за множество и порой даже за крайности её сект. Разве был скептиком тот, кто научил жителей Нового Света уважать религиозные убеждения? Конечно же, нет! Уильям Пенн был заключён в лондонский Тауэр за преступление свободомыслия. Освободившись из темницы, он пересёк океан. Пока нетерпимость царила по обе стороны Атлантики, он основал в Пенсильвании прибежище для всех изгнанных за свои убеждения; и это семя дало обильный плод. Напрасно я прохожу от старой Европы к молодой Америке, — я смотрю, наблюдаю, и не вижу, чтобы свобода возрастала в зависимости от скептицизма и неверия народов. Напротив, мне кажется, что, может быть, именно там, где больше настоящей веры, там и больше свободы.

Некоторые могут оспаривать правильность этих выводов, замечая, что состояние обществ — явление сложное, зависящее от многих причин. Упростим вопрос. Неужели, скажут, именно литературные представители духа сомнения потребовали и основали терпимость? Разве не.… Но моему воображаемому оппоненту не нужно продолжать. Если он француз, он назовёт Вольтера. Несомненно, свободу мнения отстаивали скептики. Они послужили благому делу; давайте уметь радоваться этому факту и не забывать о том, что в их трудах было благородных устремлений и щедрых вдохновений. Однако отметим, что каждое запрещённое мнение естественно претендует на свободу, которой его лишили. Но одно — требовать свободу для себя, чтобы с её помощью угнетать других, и совсем другое — искренне требовать свободу для всех.

Был, как я рад верить, некоторый природный благородный порыв в мотивах, которые заставляли Вольтера посвятить свое перо благородным делам, хотя часто и продававшееся злу. Тем не менее невозможно не подозревать, что если бы этот апостол терпимости имел в руках своё княжество, факт иного мнения, отличного от его собственного, очень скоро вошёл бы в перечень преступлений.

Патриарх Ферне писал в защиту терпимости; некоторые сторонники религиозного равнодушия выступали за свободу совести — факт несомненный. Но и другие писатели, живо верующие, тоже требовали свободы для всех — это тоже факт не менее достоверный. Несколько лет назад почти одновременно отец Лакордэр и наш собственный Александр Вине посвятили этой благородной цели — первый привлекательный блеск своей риторики, второй — тонкость своих изящных анализов. Сторонники Лакордэра до сих пор собирают отголоски тех ярких слов, в которых звучало: «Свобода не убивает Бога».

Соберём также добрые слова, произнесённые на берегах нашего озера, проникшие далеко и широко в сердца многих. Мне хотелось бы взять какого-нибудь парижского журналиста, привести его к нам, познакомить с результатами нашего опыта; мне хотелось бы провести его на кладбище Кларенса, поставить у могилы Вине и рассказать, кто был этот человек. — Если, возвращаясь домой, мой журналист не оставит за французской границей, как

контрабанду, всё увиденное и усвоенное у нас, он, возможно, поймёт, что надёжный путь к уважению к чужой совести — это не равнодушие, а твёрдость веры, смирение сердца и широта мысли.

Все писатели, которые посвятили свои перья защите прав человеческой души, вовсе не были скептиками. Не продолжая перечислять имена, давайте установим истинное место этих авторов. Прежде чем появятся люди, требующие свободы и осмысляющие её теорию, должны быть другие люди, которые берут её на себя и страдают за это. Если свобода утверждается словами и пером, то она зиждется слезами и кровью; и скептические апостолы терпимости удобно присваивают себе роль мучеников убеждений. «Нам нужны, — справедливо замечает один революционный писатель, — свободные люди, а не освободители человечества».

На самом деле свобода приходит к нам прежде всего от тех, кто страдал за неё. Её живые источники — в духе веры, а не, как нас учат, в духе равнодушия. Легко понять, что там, где никто не верит, никто и не потребует свободы веры.

Попытаемся теперь заглянуть глубже фактов, чтобы вернуться к твёрдым принципам. Спросим себя: каковы естественные последствия веры, и каковы естественные последствия скептицизма в отношении свободы совести?

На первый взгляд кажется, что вера — источник нетерпимости. Человек, верующий, считает себя обладателем права относительно истины и Бога; он не уважает ошибку. Так вера естественным образом порождает преследования. Этот довод убедителен, тем более что его подтверждают многочисленные и страшные примеры; но рассмотрим всё внимательнее.

Представьте, что кто-то пытается силой навязать вам какую-либо из ваших убеждений, не важно какое именно; надеюсь, у вас есть хотя бы одно. Допустим, пришёл полицейский и сказал вам, при этом произнося слова, которые лучше всего выражают ваши собственные мысли: «Вам предписано верить именно так». Что бы вы почувствовали?

Если бы вы никогда не сомневались в своей вере, то именно в момент попытки навязать её силой вы бы начали сомневаться. Чувство угнетения породит в вашей совести сильное желание восстать. Проанализируем это чувство. Вы понимаете, что навязываются не убеждения, а слова; вы понимаете, что декларации, вырванные страхом из лживых уст, — оскорбление истины. Иными словами, вы чувствуете, что ваша вера — это право Бога над вами, а не право вашего соседа. Люди уважают Божье право над душами ближних в той мере, в какой сами разумно понимают свою веру. Фанатизм, который силой навязывает слова, — это не горячая, а слепая вера. Чтобы вернуть его к пути свободы, достаточно вернуть ему зрение.

Основание христианства даёт мощный пример в подтверждение этой мысли. Христиане, преследуемые империей, никогда не отвечали на насилие силой восстания. Однако вскоре они стали достаточно многочисленными и сильными, чтобы защищаться; но их воля не была покорить мир оружием, а лишь оружием мученичества, героизма и послушания. Это продолжалось не годы, а три столетия — память, которая сохранится навсегда, и которой будут учиться все эпохи, чтобы понять истинные орудия истины.

Христианство, слишком часто забывавшее своё происхождение, в более поздние времена допускало, чтобы гнев преследователей маскировался под претензии к священным интересам; но исцеление шло именно из этого зла. Христианская совесть протестовала от имени Евангелия против преступлений, которые совершались под его предлогом, но причиной были страсти людей. Уже в IV веке святой Гилярий восклицал: «Нужно оплакивать беды и ошибки нашего времени. Считается теперь, что Бог нуждается в защите со стороны людей. А я думаю, что Богу не нужна защита. Не ищет себе защиты Тот, кто сказал: "Я Сам

свидетель Себе" (Ис. 43:10). Нужно оплакивать и скорбеть о безумии нашего времени, когда считают, что для благочестия нужно применять насилие ради Бога…. Церковь изрекает угрозы изгнания и заключения, желая силой заставить поверить — Церковь, которая сама укрепилась в изгнании и в темницах!» («О Троице» (De Trinitate), книга VII, 4)

Итак, истинная вера содержит в себе принцип протеста против злоупотреблений, замаскированных под её именем, и этот протест рано или поздно звучит. Если вера подавлена, страсти останутся, потому что для святого недостаточно быть скептиком. Страсти найдут другие поводы. Не предложит ли им дух сомнения такие поводы?

На первый взгляд, кажется, что сомнение должно способствовать терпимости, поскольку оно не позволяет придавать большое значение мнениям. Это — ложное заключение, подобное тому, которое считает источник нетерпимости в вере. Давайте ещё раз немного подумаем. Первый эффект сомнения, конечно, состоит в том, что ум склоняется предоставить свободу всем мнениям; но презрение — не путь к уважению, а только уважение может заложить прочные основы духа свободы.

Верующие в глазах скептика — слабые люди, к которым он сначала относится с лёгким покровительственным состраданием. Но эти слабые умы становятся упрямыми; скептик замечает, что они не подчиняются его превосходству и, возможно, считают себя его равными. Тогда возникает раздражение, и под бархатной лапой ощущается царапина когтя. У скептика есть догма; всего одна, но всё же догма — отрицание истины. Вера других — это протест против этой единственной догмы, на которую он сосредоточил всю силу своей убеждённости. Он страстно верит в эту отрицательную догму и чувствует себя представителем идеи, которой должен обеспечить торжество.

Появляются догадки: «Вот люди, считающие себя хранителями истины! Эти претендующие на веру — не лжецы ли они?» Поставьте таких людей у власти, дайте им власть над обществом — что будет? Вера — причина беспорядков: то, что сначала казалось безобидной слабостью, приобретает тогда черты опасного безумия. Для политика возникает соблазн искоренить это безумие. «А если избавиться от этого надоедливого источника волнений? Если объявить, что совесть принадлежит государю, какое спокойствие воцарится в государстве! Если провозгласить истинную современную догму — что догмы нет; если, иными словами, заставить замолчать фанатиков, отстающих от времени, и объявить всякое верование преступлением, а любое проявление веры — бунтом, — какое спокойствие будет в обществе!»

Путь скользкий, и что удержит скептика, скатывающегося по нему?

Вера несёт с собой средство против фанатизма, но где же найти средство против фанатизма сомнения? В претензиях к Богу? Бог — всего лишь слово или ничтожная гипотеза. В уважении к убеждениям других? Всё убеждение — слабость и глупость.

Всё это, будьте уверены, даёт много поводов для размышлений. Когда я слышу некоторых людей, называющих себя либералами, описывающих идеал общества, которое они желают, сама мысль об их торжестве меня пугает, ибо я могу представить, что это общество будет обладать свободой Римской империи и терпимостью Цезарей.

Таковы последствия скептицизма для правителей народа. А каковы они будут для самого народа? Дух равнодушия парализует источники благородных чувств и ведёт к тем же результатам, что и дух малодушия. А разве вы не знаете, какую роль играло малодушие в истории? Если позволите мне вызвать здесь самые печальные воспоминания новейшего времени, разве вы не знаете, что во время Террора двести или триста подлецов устроили публичную резню в столице Франции среди населения, содрогавшегося от страха, но

которое оставалось безучастным? Характеристика равнодушия — бездействие. Если фанатизм связан с преследованиями, равнодушие имеет к ним большое отношение.

Преступления, которые совершают умы, парализованные сомнением, имеют ещё более печальный характер, чем те, что совершены страстями, которые, сколь бы дикими и ошибочными они ни были, имеют некоторое благородство в своём происхождении. Если бы меня должны были привязать к костру, я бы предпочёл гореть со слепой поддержкой фанатичной толпы, чем среди безучастного народа, пришедшего посмотреть. Так же, как скептики находят все доктрины одинаково хорошими, они считают все зрелища одинаково поучительными и любопытными.

Я счёл необходимым настоять на этих размышлениях. Прямые нападки на религиозную истину, возможно, менее опасны, чем усилия современного неверия, которые стараются отдалить нас от Бога, убеждая, что сомнение — гарантия свободы, а вера — кандалы рабства. Многие совести этим потрясены. Потому нам важно знать, что Бог — великий Освободитель душ, а забвение Бога — путь в рабство. Вера, которая хочет распространяться силой, наносит самой себе самое жестокое противоречие. Дух сомнения, чтобы стать духом насилия, всего лишь должен трансформироваться согласно законам своей собственной природы.

И теперь подведём итоги.

Есть люди, которые хотят дать народу религию, которой сами не обладают, подобно бедняку, кичащемуся и раздающему поддельные деньги на милостыню. И какого результата они добиваются? «Народ должен иметь религию», — говорят политики, чтобы они могли добиться своих целей и управлять стадами по своему усмотрению. «Народ должен иметь религию», — говорят богачи, чтобы сохранить в покое своё имущество и доходы. «Народ должен иметь религию», — говорят учёные, чтобы спокойно заниматься наукой и занимать академические кафедры.

Что же делают эти люди без Бога, желающие сохранить веру лишь для народа? Эти учёные говорят и печатают, что религия — ошибка, необходимая для масс, неспособных подняться до философии. Где они это говорят и печатают? В закрытых салонах? В стенах университетов? В научных изданиях, недоступных для широкой публики? Нет. Они говорят это в политических журналах, в обзорах, читаемых всеми; они печатают это крупными тиражами книг. Их слова распространяются, как ядовитый миазм, по всем слоям общества.

Безрассудные люди! (Не хочу думать, что их движет холодный расчёт ради денег или славы, который заставил бы меня назвать их бессердечными.) Безрассудные люди! Они не видят неизбежных последствий своих действий. Народ слышит и понимает. Интеллектуальные барьеры между различными слоями общества постепенно падают — это один из самых явных путей Провидения в наше время.

Верите ли вы, что народ долго согласится слышать, что он живёт на ошибках, но эти ошибки необходимы? Разве вы не видите, что он собирается восстать и ответить из чувства собственного достоинства, что он больше не позволит себя обманывать и намерен освободиться от суеверия? Тогда, когда все сдерживающие барьеры падут, страсти получат свободный ход; и поверьте, поднимающиеся потоки не пощадят тех тихих мест учёбы, где они имели один из своих истоков.

Доказательство этого мы уже видели. Некоторые люди прошлого века желали уничтожить религию среди порядочных людей, но не для толпы. Это слова Вольтера, который был достаточно благоразумен, чтобы не быть атеистом, хотя его бледный деизм иногда почти неотличим от отрицания Бога. «Ваше Величество, — писал он своему другу королю Пруссии в январе 1757 года, — Вы окажете человечеству вечную услугу, уничтожив это позорное

суеверие, не среди толпы, которую не стоит просвещать и для которой всякое иго подходит, но среди честных людей».

Религия была нужна народу; но Вольтер, король Пруссии, немецкие бароны, французские маркизы и дамы, которые получали от них знаки почтения, могли обойтись без неё.

Вольтер умер, не вкусив плодов своих трудов; и Альфред де Мюссе мог лишь обратиться к нему с мстительной апострофой у его могилы:

«Спишь ли спокойно, и улыбается ли твоя ужасная улыбка,
Вольтер, над твоими обнажёнными костями?»

Вольтер был мёртв, но многие из его друзей и последователей могли размышлять в тюрьмах эпохи Террора и, поднимаясь на эшафот, о природе страшной игры, в которую они сыграли — и проиграли.

Так происходит с литераторами, не имеющими Бога, но желающими дать религию народу. Есть иные люди, которые хотят религию для народа, сами же в то же время без всяких ограничений, потому что лишены религиозных убеждений. Они отдаются страсти в погоне за богатством, удовольствиями и мирскими наслаждениями. Это те, кто нажил состояние нечестными способами, возможно, продавая свою совесть на публике, и кто своей роскошной расточительностью подавляет честного и бережливого рабочего. Это куртизанки, открыто демонстрирующие награды своей бесчестности.

Пусть же такие не обманывают себя! Народ видит всё это, формирует своё суждение, и если отдастся низменным инстинктам, которые есть в каждом из нас, там, где нет Бога в сердце, чтобы их сдерживать, к их ненависти прибавится ещё и презрение. Если им искусственно не позволят осуществить заветные надежды, они отложат их, но не откажутся.

Отбрось веру в Бога — и увидишь, как действия и реакции человеческих страстей, словно противоположные электрические заряды, накапливаются и готовят гром и бури. Тогда появляются разложившиеся общества, ужаснувшиеся собственной гибели, пока не придёт сильный человек, воспользуется этим страхом и возьмёт власть, как человек, наказывающий непослушного ребёнка. Эта история и стара, и нова, потому что по мере того, как Бог уходит из человеческого общества, власть меча занимает место царства совести.

Народ должен иметь религию! Да, господа, но для всего народа, столь обширного, как человечество, включающего всех нас. Если отрицать существование Бога, человек впадает в отчаяние, а общество — в распад.

Каков же мой вывод? Что атеизм — ложен.

Такой способ рассуждений вызывает возражения: «Это дело чувств!» — восклицают люди. «Вы строите доктрину по своему желанию! Вы не обсуждаете вопрос спокойно, а апеллируете к интересам и предрассудкам; вы покидаете область науки, которая признаёт только факты и рассуждения».

Такие выражения достаточно распространены, чтобы стоило изучить их суть. Конечно, наука не должна быть инструментом наших капризов. Мы обязаны искать истину; и неверны будем, если будем создавать доктрины, служащие нашим страстям, выгодам, вкусам или предубеждениям. Но совесть, сердце, условия существования человеческого общества — это не предрассудки и не личные интересы, а вечные и живые реалии.

Говорим мы о совести, о сердце, об обществе, а они отвечают: «Мы не считаем, что в этой области есть истинные науки; нам нужны лишь факты».

Иногда так говорят натуралисты. Нам нужны лишь факты! Значит, наши мысли, чувства и совесть — не факты!

Человек, который внимательно наблюдает за движениями мухи или за ползанием гусеницы, не имеет ни минуты, чтобы уделить импульсам сердца, правилам долга, борьбе воли; и когда его спрашивают о реальностях души — самых достоверных из всех реальностей, — он отвечает: «Это не моё дело, мне нужны только факты».

Оставим эту ошибку и послушаем других оппонентов.

Противники духовных убеждений изменили тактику. В прошлом веке они отвечали обеспокоенным умам так: «Истина никогда не может причинить вред». «Истина никогда не может причинить вред, — возразил Ж.-Ж. Руссо, — я верю так же, как вы, и именно это доказывает мне, что ваши учения — не истина». Аргумент убедителен.

Тогда противник занял другую позицию и ныне говорит: «Возможно, наши учения ранят сердце и ранят совесть, но это не повод считать их ложными: моральное благо, польза, счастье — не признаки истины».

Философия, господа, всегда претендовала на универсальное объяснение вещей, и вы согласитесь, что признание того, что она ограничена чистым разумом и оставляет вне поля зрения — как будто не в состоянии дать им объяснение — великие реалии, именуемые моральным благом и счастьем, есть унизительное признание с её стороны.

Можно спросить, на чём основана наука, которая без всякого волнения отвергает самые действенные силы человеческой природы? Можно спросить, понимают ли те, кто так говорит, смысл своих слов, и какой метод они применяют, к какому результату стремятся? Можно спросить, не похожи ли эти философы на астрономов, которые говорят: «Вот наши вычисления. Нам всё равно, соответствуют ли наблюдаемые звёзды этим вычислениям или нет. Наука — суверенна, она подчиняется только своим законам, и видимая реальность не может служить возражением против её вычислений».

Оставим эти предварительные замечания и перейдём к сути спора. Они ставят разум в один ряд, а совесть и сердце — в другой, словно анатом, отделяющий органические части трупа, и утверждают: истина принадлежит лишь разуму; совесть и сердце не имеют доступа в науку.

Послушайте следующее заявление, возможно, самого влиятельного современного французского философа: «Бог чистого разума — единственный истинный Бог; бог воображения, бог чувств, бог совести — всего лишь идолы!»

Невозможно принять это произвольное разделение божественных атрибутов. Есть один и тот же Бог — Сущность истины, неисчерпаемый Источник красоты, высший Закон воль созданных существ, чтобы исполнять замыслы Его милосердия. Совесть, сердце и разум одинаково тянутся к Нему, следуя тройному лучу, нисходящему из Его вечности на наше преходящее бытие. Поэтому мы не можем серьёзно допустить, что Бог чистого разума отделён от Бога совести и сердца. Тем не менее, давайте попробуем сделать такую уступку, ради спора, нашему философу. Допустим, что разум имеет своего Бога, Бога для метафизиков, который не является Богом «простолюдинов».

Прежде чем мы принесём в жертву совесть и сердце на его алтарь, стоит проверить, стоит ли статуя Бога разума на прочном пьедестале.

Вот тезисы, которые нам предлагают: «Наши чувства не могут дать никакого света для науки. Истина может быть мрачной, и отчаяние может одержать победу. Добродетель может быть ошибкой, а безнравственность — истиной. Только разум судит о том, что есть.»

Я отвечаю: человеческая природа всегда жаждала счастья. Человеческая природа всегда признавалась, даже нарушая это, правило долга. Сердце — не случайность, совесть — не предрассудок: они являются, наравне с разумом, составными элементами нашего духовного бытия. Если существует непримиримое противостояние между наукой и жизнью; если сердце в своих фундаментальных и всеобщих стремлениях — жертва иллюзии; если совесть в своих ясных предостережениях — лишь учительница ошибки, то каково тогда наше положение?

В том, что я сейчас говорю, господа, я не апеллирую к вашим чувствам; дело в том, чтобы с холодным вниманием проследить ход точного рассуждения. Если сердце обманывает нас, если голос долга вводит в заблуждение, то этот беспорядок залегает в самом ядре нашей сущности; наша природа плохо устроена. Если наша природа плохо устроена, то что гарантирует нам наш разум? Ничего. Что уверяет нас, что наши аксиомы истинны, и что наши рассуждения имеют какую-либо ценность? Ничего. Жизнь души не может быть произвольно разрезана на части; она должна приниматься как целое со всеми своими составными элементами или быть полностью и целиком окутана тенями сомнений. Если сердце и совесть обманывают нас, тогда и разум может ввести в заблуждение, и сама идея истины исчезает.

Бог — свет духовного мира. Мы доказываем Его существование, показывая, что без Него всё возвращается во тьму. Это доказательство ничуть не хуже другого.

† † †

Краткий обзор второй лекции вернуться к содержанию >>>

Автор размышляет о том, что происходит с человеком и обществом, когда Бог исчезает из их жизни — осознанно или просто из-за забвения. Это экзистенциальное и морально-философское размышление о духовных последствиях атеизма или безразличия к Богу.

- Возможность жизни без Бога
    - Автор признает: внешне человек может устроить свою жизнь без религии, без молитвы, без веры — и даже быть успешным, уважаемым, нравственным.
    - Но внутренне — это неполноценная жизнь, в ней нет света, смысла, основания.

«Можно жить без Бога, но нельзя жить полной жизнью, не зная, зачем ты живёшь и куда идёшь».

- Что теряет человек без Бога?
    - Смысл своего существования (цель, исток, предназначение).
    - Опору в страданиях (нет утешения, нет надежды).
    - Основание для морали (добро и зло становятся относительными).
    - Любовь как абсолютную ценность (остается только интерес, влечение, привычка).

Без Бога человек остаётся одиноким существом, замкнутым в пределах времени и случайности.

- Иллюзия автономии
    - Без Бога человек стремится к самообожествлению: он хочет сам быть мерой всех вещей.
    - Но это приводит к гордыне, а затем — к разочарованию: человек не может быть Богом, он слишком слаб, уязвим, смертен.

- Власть страха и смерти
    - Без веры в Бога человек обречён на страх перед смертью, на экзистенциальную тревогу.
    - Он боится не только конца, но и бессмысленности: если нет Бога, то все страдания, любовь, подвиги — ничто.

«Если Бога нет, всё дозволено», — но за этим дозволением скрыта пустота.

- Без Бога — без отца
    - Навиль подчёркивает: человек без Бога — как дитя без отца.
    - Он брошен в мир, незащищён, никем не любим безусловной любовью.
    - Это ведёт к отчаянию, равнодушию или моральной деградации.

- Религия как жажда смысла, а не суеверие
    - Религиозное чувство — это не наивная вера или психологическая слабость, а глубинная потребность человека в:
        - Истине,
        - Добре,
        - Любви,
        - Прощении,
        - Отцовстве.

- Ответ христианства
    - Христианство говорит: Бог есть, Он Личность, Он — Отец.
    - В Нем всё, чего ищет душа: смысл, любовь, прощение, надежда, бессмертие.

Жизнь без Бога — это жизнь без основания, без цели, без любви, в которой человек оказывается один на один с бессмысленностью и смертью. Эрнест Навиль утверждает, что только вера в Отца Небесного даёт душе полноту, уверенность, свет и свободу.

Без Бога нация толпа,
Обремененная пороком,
Порой глупа, порой слепа
Иль, что ещё страшней - жестока,
И пусть на трон взойдет любой
Глаголящий высоким слогом,
Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу
(Лермонтов)

Жизнь с Богом	**Жизнь без Бога**
• Смысл существования *Человек знает, откуда он, зачем живёт и куда идёт*	• Экзистенциальная пустота *Человек не знает, зачем живёт и куда идёт*
• Любовь как абсолют *Бог любит без условий: «Ты мой сын»*	• Отсутствие безусловной любви *Всё условно: любовь — лишь инстинкт или интерес*
• Совесть как голос Отца *Добро и зло — отражение святого Закона*	• Совесть без основания *Добро и зло — относительны и изменчивы*
• Надежда *Есть утешение, прощение, бессмертие*	• Страх и отчаяние *Нет надежды: впереди — ничто*
• Свобода детей Божьих *Свобода в любви и истине*	• Ложная автономия *Самообожествление ведёт к гордыне и краху*
• Отец рядом *Бог — Отец: слышит, понимает, ведёт*	• Одиночество *Никого выше, никто не любит до конца*
• Цель и конечное предназначение *Призвание к вечной жизни*	• Абсурд и случайность *Смерть — конец всего*

ЛЕКЦИЯ III — ВОЗРОЖДЕНИЕ АТЕИЗМА

вернуться к содержанию >>>

(Женева, 24 ноября 1863 г. Лозанна, 18 января 1864 г.)

Господа, Темой сегодняшней лекции будет — возрождение атеизма. И я не употребляю слово «атеизм» — термин, столь часто подвергавшийся злоупотреблениям — без серьёзного размышления.

Когда Сократ противопоставил идею святого Бога нечистым идолам язычества; когда он низложил Юпитера и его свиту, чтобы возвеличить «высшего Бога, сотворившего и управляющего миром, поддерживающего творения в цветущей юности и неизменно новой силе», — его обвиняли в атеизме. Декарт, великий геометр, провозгласивший существование Бога более достоверным, чем любую теорему геометрии, тоже был обвинён в атеизме. Когда люди стали покидать идольские храмы, чтобы поклоняться Неизвестному Богу, явившемуся миру, христиан обвиняли в атеизме, потому что они не склонялись перед деревом и камнем.

Такие злоупотребления могли заставить отказаться от использования этого слова. Кроме того, в эпоху, когда атеистов сжигали на кострах, благородные умы старались доказать, что подозреваемые в атеизме не отрицали Бога, так как иначе их бы не поняли и убили бы. Эти софистические апологии — сделанные с благими намерениями — омрачают искренность истории. Это клейма рабства, которые должны исчезнуть в эпоху свободы. Сейчас мы можем называть вещи своими именами, так как для атеизма больше нет ни костров, ни тюрем.

Говоря о том, что некоторые современные писатели — ныне любимцы славы — разрушают основы всех религий, мы не подвергаем их преследованиям, которые исчезли из нашего общества, а лишь подвергаем себя обвинению в нетерпимости и фанатизме. Но откровенность — долг каждого. Если его не выполнять, свобода мысли превратится в свободу отрицания; и, пока истина будет угнетена, только ошибка обретёт свободу.

Давайте чётко определим предмет дискуссии. Часто утверждают, что атеистов не существует. Значит ли это, что отвергающие Бога всегда противоречат себе? Значит ли, что каждая душа свидетельствует о Боге — возможно, не осознавая этого — через тайную надежду или страх?

Считаю, что это правда, но мы говорим здесь о доктринах, а не о людях. Правда и то, что отрицание Создателя в некоторых философиях сосуществует с благородными идеями и возвышенными представлениями. Такие люди, отвергая Бога, стремятся сохранить истину, красоту и добро; они надеются сохранить лучи, погасив светящийся центр.

Эти системы всегда ведут к смертельным последствиям, о которых я говорил в прошлой лекции; однако люди, посвятившие себя тяжелому интеллектуальному труду, часто избегают, благодаря благородному противоречию, естественных результатов своих теорий.

Поэтому в нашем исследовании термин «атеизм» не содержит ни упрёков, ни презрения к людям; он просто обозначает доктрину — учение, отрицающее Бога.

Это отрицание может выражаться двумя способами:

1. утверждается, что природа — материя и сила, лишённые разума и воли — являются единственным источником всего;

2. признаются признаки, возвышающие разум над природой, но утверждается, что человек — высшая точка вселенной, и над ним ничего нет.

Таковы две формы атеизма.

Пантеизм и возрождение атеизма

Возможно, вы ожидаете здесь объяснения доктрины, которую часто называют неким средним положением между отрицанием и утверждением Бога — а именно пантеизма.

Пантеизм в истинном смысле — это учение, согласно которому Бог — это всё, а вселенная — ничто. Эта необычная идея встречается в Индии, а в Греции её энергично отстаивал Парменидас. В ней есть нечто возвышенно-одержимое: перед лицом единого и вечного бытия мышление приходит в замешательство, и всё многообразное и преходящее начинает восприниматься с пренебрежением, переходящим в отрицание.

В области опыта всё ограниченно, временно, несовершенно; разум же стремится к совершенному, вечному, бесконечному. Только учение о творении объясняет, как вселенная существует в присутствии своей первопричины. Однако некоторые смелые мыслители решили этот узел радикально: они заявили, что разум единственно прав, а опыт заблуждается — мир не существует, это лишь иллюзия разума. Откуда возникает эта иллюзия? Если существует только совершенство, то как возникает несовершенный разум, который обманывает себя, веря в реальность мира? Пантеизм ответа на это не даёт.

Это — истинный пантеизм. Но не в такие возвышенные опасности рискуют впасть большинство умов. Что же обычно понимается под пантеизмом? Обожествление вселенной. Идея Бога не отрицается прямо, но претерпевает трансформацию, которая её уничтожает. Бог уже не вечный и всемогущий Дух, Создатель, а бессознательный принцип, сущность вещей, всё целое. Существует лишь вселенная; над ней нет ничего, но вселенная бесконечна, вечна, божественна. Высшие потребности разума, смешиваясь с данными опыта, создают внушительный и смутный образ, который, обольщая воображение, искажает понимание, обманывает сердце и ставит под угрозу совесть.

С философской точки зрения, это противоречие мышлению, которое ищет Бесконечное Существо и, не сумев найти Его, приписывает бесконечность ограниченным опыту реальностям. С религиозной точки зрения — это заблуждение сердца, сохраняющего чувство поклонения, но распыляющего его по вселенной. Как сказал Жюль Симон: «Пантеизм — это всего лишь учёная форма атеизма; обожествлённая вселенная — это вселенная без Бога».

С момента, когда разум начинает ясно видеть, пантеизм исчезает, как обманчивый блеск. Атеизм сбрасывает покрывало, скрывавшее его истинную сущность, и разум остаётся лицом к природе или лишь к человечеству.

Пантеизм и ситуация во Франции

Обратимся теперь к Франции. В 1844 году (ровно 20 лет назад от времени написания) группа французских философов, во многом представлявшая официальную философию того времени, опубликовала Словарь философских наук. Его руководитель М. Франк в предисловии заявил: «Атеизм почти полностью исчез из философии; прогресс здоровой психологии сделает его возвращение невозможным навсегда».

Это выражало надежду школы, которую он представлял — молодых образованных людей, стремящихся перевести христианство в чисто рациональное учение, очистить религиозные понятия, не разрушая их, и одновременно, придавая человечеству научную культуру, сохранить для него высокие надежды. Целью было создать философию, основанную на серьёзной вере в Бога, которой предстояло мирно и постепенно завоевывать человеческие массы. Но прошло 20 лет — и картина изменилась. Разговоры о безопасности сменились тревогой и словами предупреждения.Причиной, по которой удалось обнаружить это зло, стали усилия во имя добра; часто именно защита обратила внимание на атаку.

Материализм и атеизм во Франции

Материализм прошлого века сохранил крепкие позиции в одной части парижской медицинской школы. Во Франции немало врачей, подобных Боэрхааве, которые чтят религию, и физиологов вроде великого Галлера, защищающих духовные убеждения. Однако многие, особенно занятые изучением материи, поддаются искушению отрицать всё, что не подпадает под опыт органов чувств. Но именно атеистские проявления в социалистических школах представляют для нас больше новизны и, возможно, важности.

Человек по своей природе — существо общественное. Добро и зло изначально находятся в сердце отдельной личности, но затем они переносятся в учреждения, которые могут оказывать либо нравственно благотворное, либо пагубное влияние. Если социализм состоит в признании важности общественных институтов, в стремлении к прогрессу и надежде на реформы, — смею надеяться, что мы все социалисты. Хотим ли мы прогресса через всё большее распространение справедливости и любви? С того момента, как через совесть, озарённую божественным светом, мы узрели вечный центр света, мы понимаем, что Бог есть самый непримиримый враг всех злоупотреблений.

Почему же тогда атеизм порой проявляется в попытках социальных реформ? Это можно объяснить, даже не указывая (хотя это вполне реально) на влияние ошибок, допущенных представителями религии. Вера — это принцип действия; история свидетельствует, что именно вера является великим источником прогресса человеческого общества. Но вера — это также принцип терпения. На челе каждого верующего более или менее сияет отблеск мира Того, Кто терпелив, потому что вечен. Ревностно стремясь к добру настолько, насколько позволяют силы, верующий трудится с тем спокойным усердием, которому предназначены самые прочные победы. Там, где невозможно (ибо, если слово «невозможно» и не французское, то уж точно человеческое), верующий видит проявление высшей воли, и бессмертная надежда помогает ему переносить те беды, которые он не в состоянии устранить.

Но этого недостаточно для нетерпеливых реформаторов. Не понимая глубинных источников зла, они считают, что учреждения могут всё, и что достаточно изменить законы, чтобы исправить сердца людей. Они верят, что лишь организация общества мешает осуществлению добра и счастья. Смирение верующих кажется им тупым безразличием, а терпеливое ожидание будущего суда Божия — лишь препятствием для немедленного торжества справедливости на земле. А что, если народы будут убеждены, что за этой жизнью ничего нет, и что вся задача — как можно скорее устроить себе рай здесь, на земле? Если они будут убеждены, что все призывы к Судье на небесах — это пустая мечта, — с каким пылом они бросятся в революции! Вот почему некоторые политические новаторы приходят к тому, чтобы искать в отрицании Бога одно из своих орудий действия.

Таким образом, два по существу различных подхода направляют труды тех, кто стремится к преобразованию общества:

Одни хотят осуществить справедливость и любовь во всё большей мере; религиозные убеждения — сильнейшая опора их трудов.

Другие стремятся вырвать из умов людей всякие основы веры, чтобы легче добиться осуществления своих теорий.

Эти две группы людей иногда кажутся борющимися бок о бок в пёстром смешении мнений. Они встречаются, как во мраке рассвета могли бы встретиться трудолюбивые рабочие, пришедшие на дело задолго до дня, и злодеи, убегающие от света. Чтобы справедливо оценить деятельность социалистических школ, нужно было бы предпринять смелое и честное исследование их целей, чтобы, среди безумных и даже преступных мечтаний,

разглядеть проблески света, могущие открыть пророческое видение будущего. Но не в этом сейчас наша задача. Для нас достаточно отметить, что во Франции, как и в других странах Европы, отрицание Бога проявляется именно в этой области идей. Иногда оно выражается идолопоклонством перед человечеством, иногда материалистическим восторгом перед телесными наслаждениями. Не касаясь чувственных фантазий, опозоривших труды Фурье, обратимся к другому.

Пример: философ Вашеро (Vacherot). Философ Вашеро, рассудительный мыслитель, обладающий высоким умом и возвышенными чувствами, недавно опубликовал, увы, 1200 страниц, посвящённых защите тезиса, что Бог не существует.

Человек, говорит он, мыслит идею совершенства, и, не находя этого совершенства ни в мире, ни в себе самом, приходит к мысли о существовании реального и совершенного бытия — таков обычный путь метафизического рассуждения.

Но для Вашеро реальность и совершенство исключают друг друга — это один из его основных тезисов. Эта идея лишь выражает итог нашего опыта, но отказывает нам в праве подняться выше. Мир, который мы знаем, несовершенен; следовательно (говорили Платон, Августин, Декарт), совершенство, о котором у нас есть понятие, реализовано в Существе, превосходящем мир. Но Вашеро утверждает: мир, который мы знаем, несовершенен, следовательно, между идеалом и реальностью существует противоречие, и он превращает общий результат опыта в абсолютный критерий истины.

Следовательно, сказать о Боге, что Он совершенен, — значит утверждать, что Он не существует, так как идеал никогда не реализуется. Таким образом, мысль оказывается в странном и насильственном положении: если Бог совершенен, значит, Его нет; если Бог существует, значит, Он несовершенен. Уважение, которое мы должны оказывать Существу всех существ, запрещает нам верить в Него; утверждать Его существование — значит оскорблять Его совершенство.

Автор этой теории воздаёт почтение идеалу, которого нет в действительности, но к которому, по его мнению, мир движется по закону прогресса. Это почитание слишком абстрактно, чтобы привлечь к себе множество последователей; оно может стать популярным только приняв другую форму. Вот как это происходит:

Мы представляем себе это совершенство, которое само по себе не существует; но оно существует в нашей мысли. Поскольку мир по закону прогресса стремится к совершенству, значит, цель и закон мира — это мысль человеческого разума. Следовательно, человеческий разум — это вершина вселенной, и именно его мы должны почитать.

Теперь мы выходим из сферы чистой абстракции и попадаем в область доктрин позитивистской школы.

Позитивизм О. Конта и М. Литтре

Позитивная философия (так называемая, потому что хочет покончить с химерами) была основана во Франции несколько лет назад Огюстом Контом. В настоящее время одним из её главных представителей является М. Литтре.

Этот писатель, говорит Сент-Бёв, — один из тех, кто старается «освободить человечество от иллюзий, от пустых споров, от ложных решений, от обманчивых идолов и властей». Скажем то же самое проще: М. Литтре исповедует учение школы, которая игнорирует Творца в природе и Провидение в истории. Познать явления и изучить законы, которыми они управляются, — вот, по словам позитивистов, предел всего нашего знания. А что касается происхождения вещей и их предназначения, — это дело личных фантазий.

«Каждому позволено представлять себе эти вопросы так, как ему угодно; ничто не мешает человеку, который находит в этом удовольствие, мечтать о том прошлом и о том будущем».

Позиция позитивистов по отношению к атеизму

«Несмотря на некоторые внешние признаки обратного, — говорит М. Литтре, — позитивная философия не принимает атеизма». Почему? Потому что атеизм пытается дать объяснение вселенной, а это, так или иначе, всё ещё богословие.

«Истинно освобождённые умы утверждают, что ничего не знают о вопросах, выходящих за пределы опыта».

Они не отрицают Бога, но устраняют Его из размышлений. Это смелая попытка, но неудачная: человеку не удаётся освободиться от законов разума. Сам же Литтре — прямое доказательство этого, потому что, решительно запрещая всякие метафизические утверждения, уже через три страницы в той же книге, где он это пишет, говорит о: «вечных движущих силах беспредельной вселенной».

Беспредельная! Вечная! Что это за мысли?

Вот каковы инстинкты разума, выходящие на свет! Вот как все божественные атрибуты появляются — поклонение отнимается у Бога и отдается всей вселенной. А что же, если рассматривать вселенную в целом, станет непосредственным объектом поклонения? Об этом нам скажет другой позитивист, господин де Ломбраль, в сочинении, одобренном Огюстом Контом: «Человек, — говорит он, — всегда поклонялся человечеству».

Вот, оказывается, истинное основание всех религий и краткое изложение их истории.

Этот бог – человечество, долгое время почитался под завесой, скрывавшей его от глаз поклоняющихся, но настало время, когда мудрец должен узнать предмет своего поклонения и назвать его настоящим именем.

Итак, позитивистская школа исповедует полный скептицизм относительно всего, что не входит в сферу опыта. Но она подскальзывается и падает в отрицание Бога, из которого вновь поднимается с помощью гуманитарного атеизма. Все эти признаки мы снова находим в трудах критической школы.

Критическая школа: Ренан и его последователи

Критики группируются вокруг господина Ренана. Те восторженные похвалы, которые они недавно воздавали дурной книге этого автора, позволяют нам, по крайней мере, указать на него как на их главу. Они получили своё название от занятий историей и археологией, которые здесь нас не касаются. Они рассматриваются как философская и религиозная школа, — вот почему мы должны обратить на них внимание. Их влияние бесспорно, однако их доктринальная ценность ничтожна. Это всего лишь литературная ветвь позитивистской школы, привитая на ствол эклектизма господина Казена. В их сочинениях мы находим претензию ограничить науку экспериментальным изучением природы и человека. Затем находим там претензию понимать и принимать любые учения одинаково. Больше — ничего.

Критики уделяют особое внимание феноменам религии, искусства и философии, но этот интерес исключительно исторический. Ничто не кажется им более занимательным, чем различные формы человеческих верований, но период веры, по их мнению, завершён. Религиозная вера существует только в умах, отставших от века; философия, которая в последнем вздохе держалась на Гегеле и Гамильтоне, — только что испустила дух в объятиях господина Казена, как сообщает нам Ренан.

Неприязнь критиков к выбору между истиной и ложью

Становиться на чью-либо сторону — между защитниками идеи Бога и её противниками, между Платоном и Эпикуром, между Оригеном и Цельсом, между Декартом и Гоббсом, между Лейбницем и Спинозой, — значит, по их мнению, превращаться в Дон Кихота мысли. Честный человек может, если угодно, развлекаться чтением «Амаиса Гальского», но Дон Кихот Ламанчский сошёл с ума от того, что поверил в приключения этого героя. Такую же судьбу, по их мнению, постигает тех, кто до сих пор, в XIX веке, осмеливается верить в прекрасные химеры прошедших времён. Будем изучать историю, будем изучать природу; а за пределами этого мы ничего не знаем и никогда знать не будем.

Наши модные литераторы излагают свою мысль с такой уверенностью, так щедро осыпают верующих выражениями любезного презрения, так уверены в том, что являются истолкователями духа века, что готовы, кажется, повторить молодёжи, ослеплённой их успехом, урок, который Гильбер выразил такими словами:

Я подозреваю, между нами, что вы верите в Бога.
Не вздумайте в своих стихах упомянуть об этом;
Бойтесь насмешек остроумцев и уважайте своих наставников.
Верить в Бога — ошибка, дозволенная нашим предкам.
Но в наше время! Ну же, вам следует исправиться
И следовать за своим веком, а не пытаться его судить.

Верить в Бога — это было бы вульгарно; отрицать существование Бога — признак дурного вкуса; божественный мир должен оставаться темой только для поэзии. Так говорят наши критики. Их прямое утверждение — скептицизм. Но они идут по пути позитивистской школы: им не удаётся удержаться между утверждением и отрицанием Бога.

Альфред де Мюссе описал это состояние души и его неизбежный исход:

Должен ли я надеяться на Бога?
Должен ли я отвергнуть всю веру и всякую надежду?
Меж этих путей — как трудно выбрать мне!
Ах, мог бы я найти дорогу средь ограды,
Где тише шли бы помыслы мои...
«Не существует, — шепчет тайный глас, —
Ты должен или верить, или отрицать».
И я так думаю: души смятённые
Меж крайностями мечутся туда-сюда.
Но равнодушные — лишь атеисты:
Они бы сна лишились, если б хоть день сомненье их терзало.

Равнодушие философов критиков на деле — лишь прозрачная завеса для атеистических учений. Вера в Бога-Творца кажется им суеверием; это их единственное твёрдо установленное догматическое положение. Во всём остальном — полная противоречивость. Чаще всего они обожествляют человека, заявляя, что нет иного Бога, кроме идеи человечества; нет иного бесконечного, кроме бесконечных стремлений нашей собственной души. В другие моменты они открыто провозглашают материализм и ищут объяснения всего существующего в атомах и в законах, которые ими управляют. Они создают себе двуликий идол: одно лицо этого идола они называют природой, другое — человечеством.

И что ещё более усугубляет путаницу — это изменение смысла привычных слов. Они говорят о Боге, о долге, о религии, о бессмертии; их страницы иногда словно заимствованы из мистических сочинений, но эти священные слова для них значат совсем не то же, что для большинства читателей. Их Бог — не Личность, их религия — не поклонение, их долг — не закон, их бессмертие — не надежда на будущую жизнь. Среди этих двусмысленностей и противоречий мысль притупляется, разум теряет твёрдость. Публика, очарованная

талантом и пленённая успехом, засыпается книгами, которые производят то же действие, что болтовня легкомысленного человека или блестящая болтовня светской дамы: занимают ум, не давая ему выработать ни ясной идеи, ни прочного суждения.

Итак, над интеллектуальным горизонтом Франции сгущаются тучи. Просмотрите последние произведения французской философии, и вам не составит труда осознать всю серьёзность положения. Работы, защищающие существование Бога, Провидение, бессмертие души, умножаются; сооружаются плотины против наступающего потопа атеизма.

См., например: La Religion naturelle Жюля Симона; Essai de philosophie religieuse Эмиля Сессэ; De la connaissance de Dieu A. Гратри; La raison et le christianisme, douze lectures sur l'existence de Dieu Шарля Секретана; Essai sur la Providence Эрнеста Берсо; De la Providence M. Дамирона; L'idée de Dieu M. Каро; Théodicée. Études sur Dieu, la Création et la Providence Амеде де Мажери.

И вот ещё более знаменательный факт: историки идей, изучая древнейшие времена или анализируя худшие заблуждения новейших эпох, едва сталкиваются с отрицанием Бога, как тотчас их внимание обращается к Парижу и к современным сочинениям.

См. также, например: Études orientales M. Франка; Bouddha Бартелеми-Сен-Илера; Histoire de la philosophie au XVIIIe siècle M. Дамирона.

Из всего этого я заключаю, что атеизм вновь поднимает голову во Франции, и принимает там две формы:

— материализм, унаследованный в основном от XVIII века;

— новое или, точнее, обновлённое учение — это обожествление человека человеком.

Теперь мы перейдём через Рейн.

Мощный мыслитель Гегель имел решающее влияние на последнее движение спекулятивной мысли в Германии. Система Гегеля окутана туманом. Она настолько двусмысленна по вопросам, которые более всего касаются совести и человеческих интересов, что из неё пытались вывести, с одной стороны, христианскую теологию, а с другой — чистейший атеизм. Говорят — не знаю, правда ли это, — что этот философ на смертном одре произнёс: «У меня был лишь один ученик, который меня понял — и тот меня не понял».

Один из выдающихся мыслителей в области метафизики — тонкий вкус, талант и учёность которого сосредоточены, в частности, на изучении Германии, — Шарль Секретан, пишет об основном принципе всей гегелевской системы: «Если вы спросите меня, как я это понимаю, я отвечу: никак; я этого вовсе не понимаю и не верю, чтобы кто-либо когда-либо это понимал».

Прошу прощения, господа, но я не возьмусь здесь за научное изучение столь трудной системы. Достаточно будет сделать видимой саму тьму, то есть понять, что именно делает эта доктрина берлинского профессора столь непостижимой.

Основание этой теории заключается в том, что вселенная объясняется вечной идеей — идеей, существующей сама по себе, не принадлежащей никакому разуму. Гегельянцы утверждают, что существование бесконечного Разума — это недопустимая концепция. Они отвергают эту тайну и предпочитают ей явную нелепость идеи, которая существует сама по себе, не являясь актом какой-либо мысли. С этой идеей-богом мы уже сталкивались у Вашеро. И мы ещё не раз встретим её на нашем пути. И в Германии, как и во Франции, эта теория становится популярной лишь тогда, когда претерпевает превращение. Вечная идея проявляется только в разуме человека и не существует нигде, кроме как в нём. Выше этой

идеи ничего нет. Следовательно, человек — вершина всех вещей; именно его и следует обожествлять. И именно так, по сути, и был понят Гегель. Весной 1850 года Генрих Гейне писал в «Аугсбургской газете»: «Я начинаю чувствовать, что я вовсе не божество на двух ногах, как профессор Гегель уверял меня двадцать пять лет назад».

Обожествление человека — вот народный перевод философии Идеи. Хотите ещё одного доказательства? Когда немецкий идеализм был на пике популярности, в моей молодости ходил такой анекдот. Один студент пришёл навестить товарища и застал его растянувшимся на кровати или диване в состоянии полной экстатической задумчивости.

— «Что ты тут делаешь?» — спросил посетитель.
— «Я поклоняюсь самому себе», — ответил молодой философ.

Я не разбираю здесь доктрины Гегеля в аспекте истории метафизики и внутри той школы, где они занимают значительное место и требуют самого серьёзного внимания; я прослеживаю лишь влияние этих доктрин на умонастроения широкой публики. И это влияние видно в самых пагубных последствиях атеизма.

«Конечно, не одна только гегелевская школа произвела все моральные бедствия XIX века, все эти неудержимые желания, все эти бешеные бунты материи», — говорит Сент-Рене Тайяндье, — «но она сводит их все воедино в своих формулах, она придаёт им пагубный авторитет своим научным изложением, она множит их отвратительной пропагандой».

Именно через Фейербаха в основном и произошло то развитие, которое привело строго идеалистическую в начале гегелевскую систему к тому, что она в конце концов содействовала восстанию разнузданной материи. Но в этом, в сущности, нет ничего удивительного. Если вселенная — это лишь развитие идеи, а не творение разумной Воли, то всё в мире необходимо, ведь развитие идеи — дело рока. А где всё необходимо, там всё и законно: желания плоти столь же законны, как и законы разума и совести. Но как только плоть освобождается, она стремится к абсолютной власти — и, в конце концов, её достигает: это факт.

Фейербах придал атеизму окончательную форму и избавил его от всякой неясности.

Не существует иного бесконечного, кроме бесконечного в наших мыслях; выше нас нет ничего; нет никакого закона, который бы нас связывал, никакой силы, которая бы нами управляла: задача современной науки — освободить человека от Бога, ибо Бог — это идол. Но освобождённый человек у Фейербаха — это не отдельная личность, а человечество в целом. Индивид принадлежит своему виду; «истинно мудрый человек не станет приносить глупых и фантастических жертв, но никогда не откажется от тех жертв, которые действительно приносят пользу человечеству».

Итак, здесь всё ещё остаётся узы, религия и жертвы; освобождение неполное. Что же это за человечество, которому человек якобы обязан принадлежать? Это — абстракция, всё ещё идол, идол, который нужно низвергнуть, если человек хочет обрести полную независимость.

Послушайте немца Штирнера, доводящего эту доктрину до крайности: «Да погибнет народ, да погибнет Германия, да погибнут все нации Европы, — восклицает он, — лишь бы человек, освобождённый от всех уз, избавленный от последних призраков религии, наконец обрёл свою полную независимость!»

Все туманы абстракции рассеялись: мы стоим на почве ужасающе ясной. Речь уже не о человечестве, а о поклонении самому себе; это — полное торжество эгоизма. Пока гордый идеализм немцев таким образом, под собственной тяжестью, опускался на унылую равнину мыслей, Германию потрясало политическое движение. Простодушные поэты воспевали атеизм с энтузиазмом, который казался искренним; и в то же время люди совсем не

простодушные — журналисты и демагоги — хватались за безрелигиозие как за рычаг, чтобы проломить стены общественного здания.

В 1845 году власти Швейцарии обратили внимание на некоторые тайные общества, состоявшие из немцев и имевшие целью революцию в Германии, но разместившие свои базы на швейцарской территории. Полиция обнаружила двадцать семь кружков, связанных между собой тайной перепиской. Рабочих различными предлогами заманивали на собрания, истинная цель которых раскрывалась им лишь постепенно. Если они оказывались достойными, их посвящали в план социальной реформы, основанной на атеизме.

Один из главных агентов этого движения, Гийом Марр, восклицал: «Вера в личного и живого Бога — источник и главная причина нашего жалкого общественного положения».

И вот как он выводил практическое следствие из своей теории: «Идея Бога — это ключевой камень арки дряхлеющей цивилизации; давайте разрушим его. Настоящий путь к свободе, равенству и счастью — это атеизм. Нет безопасности на земле, пока человек цепляется хотя бы одной нитью за небо. Пусть больше ничто не сковывает спонтанность человеческого ума. Надо научить человека, что нет иного Бога, кроме него самого, что он — альфа и омега всех вещей, высшее существо и самая реальная из всех реальностей».

Остаётся объяснить, что это за спонтанность, свободная от всяких уз. Один из редакторов журнала, которым руководил Марр, поясняет это, цитируя стихи, в которых Генрих Гейне выражает желание видеть великие пороки, кровавые и колоссальные преступления, если только удастся избавиться от добродетели буржуа и морали честных купцов! Немного позже один из журналов немецкой Швейцарии заявил, что для того, чтобы освободить естественные инстинкты и склонности человека, необходимо уничтожить идею Бога.

Да, я знаю — это вопли дикого безумия. Но как бы там ни было, в 1845 году Марр издавал свой журнал в Лозанне, а в 1848 году он был избран народным представителем значительным большинством в одном из крупнейших городов Германии. И это был отнюдь не единичный случай. Атеизм обнаружил себя и в недолговечном Франкфуртском парламенте как нечто вроде партии, крупнейшим оратором которой был, по словам Revue des Deux Mondes, некий господин Фогт. Германская революция была подавлена штыками, но идеи, которые она выявила, ещё долго оставались живыми, сохраняя навеянный ими ужас.

Были потрясены различные интересы, находившиеся под угрозой, и благородные души содрогнулись от сострадания, убедившись в духовной нищете своих братьев. Возникла мощная реакция как в религиозном, так и в философском мире. Эта реакция принесла благотворные плоды, но цель ещё далеко не достигнута. Откройте журналы и рецензии — и вы без труда убедитесь в серьёзности положения. Германия, увы, остаётся ныне главным центром материализма. Она настолько богата им, что даже может позволить себе экспортировать его, поставляя учителей этой школы в другие страны Европы.

Доктор Бюхнер опубликовал под заголовком «Сила и материя» небольшую книгу, которая быстро разошлась до седьмого издания и недавно была переведена на французский язык. В ней материализм изложен с совершенной дерзостью, или — говоря мягче — с совершенной смелостью. Автор делает вид, что ограничивается исключительно областью опыта, и с каким же высокомерным пренебрежением он отвергает исследования философии! Казалось бы, что вопрос о природе вещей должен оставаться вне круга его исследований. Тем не менее, он заявляет, что материя вечна, а вселенная бесконечна.

Спрашиваю: сколько нужно прожить, чтобы заявить во имя опыта, что материя вечна? И какие путешествия нужно совершить, чтобы с помощью наблюдения удостовериться, что вселенная бесконечна? Мы ещё вернёмся к этому вопросу. Пока же ясно одно: опыт не даёт

никакой метафизической системы, а материализм — это метафизическая система, причём столь же определённая, как и любая другая. Когда его приверженцы кричат: «Долой философию!», они имеют в виду лишь одно: «Мы не хотим хорошей философии, чтобы иметь свободу строить свою собственную плохую философию — без соперников». Это напоминает поведение некоторых демагогов, которые кричат «Долой тиранов!», чтобы на страхе перед тиранией других воздвигнуть собственное деспотическое господство.

Итак, что мы находим в Германии?

Сначала учение об идее, представленное с блеском Гегелем; затем атеизм, смешанный с политическими идеями и проектами; наконец — материализм. Элементы те же, что и во Франции, но они проявляются в другом порядке.

И это различие заслуживает внимания.

Франция, начав с материализма XVIII века, поднялась до обожествления человека, которое и сейчас составляет основу большинства проявлений атеизма.

Германский атеизм, начавшийся с абстрактного идеализма, результатом которого стало обожествление человека, опустился затем до уровня материализма.

Можно задать вопрос: Почему материализм естественным образом приводит к обожествлению человека? И почему затем, столь же естественно, обожествление человека вновь скатывается в материализм?

(Примечание автора): Моя цель — обозначить атеистические системы, которые возникают в различных частях Европы, а не оценивать общее направление современной философии. Тем, кто хочет понять положение материализма относительно немецкой мысли вообще, полезно будет обратиться к книге Поля Жане «Современный материализм» (Париж, 1864) и к рецензии на это произведение, написанной М. Райхлином-Мельдеггом (в «Zeitschrift für Philosophie», том 46). Швейцарский учёный Бёнер недавно опубликовал серьёзный труд на эту тему под названием: «Материализм с точки зрения естественных наук и прогресса человеческого разума» (Женева, 1861).

Материализм, исходя из своих принципов, приводит к отрицанию какого-либо будущего для человека; более того, он отрицает всякую настоящую ценность и всякое реальное существование. Мы, по их словам, ничто иное, как скопление молекул, готовых рассыпаться, не оставив никакого следа о своём существовании. Неужели это не самая печальная вещь на свете? Почему же тогда апостолы материи почти всегда принимают величественную позу и восклицают победные гимны? Потому что они чувствуют себя свободными.

Они считают себя освобождёнными от того страха, который породил богов:

> «Те дети страха,
> Те милые пустяки, которым поклоняются — и не знают зачем,
> Те боги, которых создал человек, но которые не создали человека»
> (Сирано де Бержерак)

Освобождение! — вот лозунг материализма. Послушайте, например, заключение «Системы природы» Барона Гольбаха: «Разорвите цепи, которые сковывают людей. Верните богов, которые угнетают их, в те вымышленные области, откуда страх когда-то их извлёк. Вдохните мужество в разумное существо; дайте ему энергию; пусть он осмелится, наконец, любить себя, уважать себя, почувствовать своё собственное достоинство; пусть осмелится освободиться; пусть станет счастливым и свободным». Странно звучат эти речи в конце философского трактата, призванного доказать, что во Вселенной нет ничего, кроме материи. Откуда же это достоинство у того фрагмента материи, который называет себя человеком?

Поймите, что происходит в сознании этих философов:

— Чем ниже человек опускает своё происхождение, тем выше он, чтобы не опуститься до уровня животного, вынужден возносить себя в неизбежном чувстве гордости.

— Напрасно он утверждает, что материальная оболочка — всё; он чувствует, что мысль — больше, чем материя, и отводит себе первое место во Вселенной.

— Материалист отвергает Вечный Разум, чтобы освободить себя; но, что бы он ни говорил, его настоящим божеством является вовсе не атом, а он сам.

Энциклопедисты XVIII века — дети эпохи, склонной одновременно и к благородным устремлениям, и к порочным соблазнам, — соединяли поклонение прогрессу с унижающей философией. Посмотрите, с каким чувством гордости они унижали человека, — и вы поймёте, почему «вечная природа» уступила место «священному человечеству». Когда Франция впала в безумие безбожия, это была не горсть пыли в глиняном сосуде, которую несли для поклонения, — по улицам Парижа провели женщину, которую назвали богиней Разума. Так вот почему материализм закончился обожествлением человека.

Теперь постараемся понять, почему обожествление человека вновь приводит к материализму. Разум, обладающий интеллектом и волей, занимает более высокое место на шкале бытия, чем неодушевлённые тела. Для нас это — очевидная истина. Можно ли её строго доказать? Не знаю. Но если её оспаривать, придётся отрицать самое очевидное.

Разум выше материи.

Если, вслед за школой Пифагора, Августина и Декарта, мы связываем разум с Богом как с его источником — возникает великая наука — метафизика.

Но если разум не восходит к Богу, что тогда произойдёт?

Тогда этот разум, который провозглашает себя выше материи, не будет разумом Франциска, Петра или Иоанна.

Если бы какой-то человек заявил: «Я есть истина», — было бы три варианта:

1. Если мы думаем, что он говорит правду — ему нужно поклоняться, он Бог.

2. Если мы боимся, что он говорит правду, но не хотим признать его власть — его нужно убить, чтобы попытаться убить истину.

3. Если думаем, что он говорит ложь — нужно следить за ним, а при опасности — запереть, потому что он безумен.

Но философы не делают таких претензий. Разум, о котором они говорят, общий для всех. Он не принадлежит никому в отдельности, а принадлежит всем разумным существам. Где и как существует этот общий разум? Идеи проявляют себя в разуме, а идеи — это акты разумов. Вообразить идею без разума, которому она принадлежит, — то же самое, что вообразить движение без тела, которое движется. Уберите тела — и движения нет. Уберите разумы — нет идей. Философ, который говорит об идее, не принадлежащей никакому разуму, — произносит слова без смысла. Разум, который не принадлежит никакому сотворённому существу, немыслим без Вечного Духа, то есть Бога. Идеализм строится на этой невозможной концепции.

Вот почему мысль, тщетно пытаясь удержаться в этом абстрактном царстве, в конце концов признаёт мир идей призрачным. Она теряет почву и падает. Куда падает? На землю. Всегда падают на землю. Устав искать опору на скользких облаках, ум человека возвращается к

вещественному с яростной реакцией. В этом — секрет гордого и насмешливого материализма современных немцев, которые с презрением глумятся над высокими притязаниями философии. Так было, что Гегель породил Доктора Бюхнера и ему подобных.

Активная пропаганда нечестивых и безнравственных сочинений была организована и в Великобритании. В ответ на это возникла сильная реакция: начиная с 1698 года, стали появляться различные общества, целью которых было распространение хороших книг и достойных журналов. Эти усилия увенчались успехом. Англия, благодаря своему рвению в миссионерской деятельности, жертвам ради распространения Священного Писания и почтению к воскресному дню, приобрела характерные черты христианской нации.

Великие меры, предпринятые в интересах свободы и гуманизма, поставили её одновременно во главе серьёзной филантропической цивилизации. Но, как справедливо заметил аббат Гратри, «в английском народе сильнее, чем в каком-либо другом, живут рядом ветхий и новый человек». Странные противоречия, проявляющиеся в политических действиях этого двойственного народа, обнаруживаются и в плодах его мысли, где, наряду с проявлениями живой благочестивости, также с ужасающей энергией проявляется дух безбожия.

Например, можно упомянуть материалистическое произведение, опубликованное в 1828 году — «Конституция человека» Джорджа Комба. Его дешёвое народное издание, напечатанное на средства г-на Хендерсона, было выпущено с целью распространения его идей, и более восьмидесяти тысяч экземпляров было продано за короткое время. Мыслящий писатель, мистер Пирсон, приводит статистические данные, согласно которым атеистических публикаций в Англии в 1851 году было напечатано шестьсот сорок тысяч экземпляров.

Если перейти от популярной литературы к научным изданиям, можно встретить факты того же порядка. В труды некоторых богословов начинают проникать гегелианство и скептицизм критической школы. Теории позитивизма, сформулированные во Франции, перешли через Ла-Манш и, возможно, получили в Англии даже больше внимания, чем на родине. Их принял, например, выдающийся писатель Джон Стюарт Милль, а Гарриет Мартино изложила их на родном английском языке для своих соотечественников. Позитивизм даже стал модным в определённых литературных и интеллектуальных кругах Великобритании.

На более низких ступенях интеллектуальной жизни Англии появляется организованная секта, заслуживающая внимания. Эта секта назвала своё учение секуляризмом. У неё есть социальная цель — уничтожение английской государственной церкви и существующий политический порядок. У неё есть философия, смысл которой можно узнать у Голёка, главы секуляристов: «Всё, что касается происхождения и конца вещей, Бога и бессмертия души, — абсолютно непостижимо для человеческого ума. Существование Бога должно быть отнесено к числу абстрактных вопросов с пометкой - не определено. Вероятно, однако, что природа, которую мы знаем, — это и есть тот бог, которого мы ищем. То, что называют атеизмом, находится у нас в подвешенном состоянии».

Практический вывод из этих идей прост: нужно отказаться от всяких мечтаний о загробном мире и устроить свою жизнь наилучшим образом в настоящем веке. Отсюда и название — секуляризм (вековизм, жизнь для века). Секуляризм учит своих последователей не иметь дела с религией, в какой бы то ни было форме, чтобы сосредоточиться исключительно на нынешней жизни. Это попытка сознательно организовать жизнь без Бога. Эти доктрины стали предметом публичных дебатов в Лондоне в 1853 году и в Глазго в 1854-м. На собрании в Глазго, как утверждают, присутствовало более трёх тысяч человек.

Секта использует для своей деятельности выступления на улицах, издание книг и журналов, а также лекционные собрания для информирования и публичных дебатов. В Лондоне

действуют пять таких залов. Я видел программу на 1864 год для встреч по адресу Кливленд-стрит, 12, под руководством Голёка и Дж. Кларка. Каждое воскресенье проводятся три мероприятия: лекция в 11:00, дискуссия в 15:00 и лекция в 19:00. Программа приглашает всех вольнодумцев посещать эти собрания. Некоторые мероприятия бесплатны, за другие берут небольшую плату за вход. Лондон является главным центром этой ассоциации, но у неё есть филиалы по всей стране: в Ливерпуле, Манчестере, Бирмингеме, Глазго, Эдинбурге и других местах. В Великобритании секта насчитывает двадцать один лекционный зал.

Конечно, секуляризм старается как можно больше преувеличить свою важность, поэтому нельзя судить о масштабе его влияния только по заявлениям его апостолов. Тем не менее, существование общества, открыто ставящего своей целью распространение практического атеизма, не может оставаться без внимания. На данный момент дела секты не выглядят процветающими. Так, год назад один из ораторов-секуляристов произнёс пламенную речь в защиту добродетели. Как только он сел, в зал вошёл полицейский и арестовал его. Несколько дней спустя газета Times сообщила своим читателям, что оратор добродетели только что был приговорён к двенадцати месяцам каторжных работ за кражу.

В журнале Secular World за 1 января 1864 года Голёк жаловался, что множество сомнительных личностей ищут в секуляризме своего рода дешёвую религию. Он заявлял, что собирается предпринять решительные меры по очищению секты и даже намекал, что уйдёт в отставку, если его усилия окажутся тщетными. Оставим же Голёка бороться с нашествием «ораторов добродетели» и перейдём из Англии в Италию.

В то время как Италия стремится освободиться от австрийских штыков, ей угрожает порабощение наихудшими немецкими доктринами. После того как почти вся Европа в XVIII веке склонилась под натиском сензуализма (Сенсуализм (от лат. sensus — чувство, ощущение) — философское учение, утверждающее, что все познание человека происходит через чувства, и что ощущения являются единственным источником знаний.) прим.ред., Италия предприняла благородную попытку возродить более возвышенные традиции. Два выдающихся мыслителя — Розмини и особенно Джоберти — сумели возбудить у итальянской молодежи страстный интерес к учениям, где свобода и сила мысли сочетались с доверием к вере.

Это интеллектуальное движение предшествовало и подготовило национальное движение, ход которого был ускорен интригами политиков и вмешательством иностранного оружия. В настоящее время влияние Розмини и Джоберти ослабевает. Гегелианство устанавливается с определённой пышностью в Неаполитанском университете. Нет оснований надеяться, что эта система не вызовет на берегах Средиземного моря той же порчи философской мысли, какую она произвела в Германии.

В древнем университете Пизы Август Конти, мужественный защитник христианской философии, стойко отстаивает союз религии и спекулятивного исследования, и Центральная Италия, возможно, менее подвержена влиянию неверия, чем окраины полуострова. Но чем дальше на север, тем чаще мы встречаем в сочинениях Феррари выражение мрачного скептицизма, а в сочинениях Аузонио Франки, бывшего журналиста в Турине, а теперь профессора в Милане, почти открытые проявления атеизма.

Аузонио Франки, или, точнее, человек, скрывающийся под этим псевдонимом, — бывший священник, который, «строго соблюдая правила нравственности и достоинства жизни», с ожесточённой враждебностью восстал против своей прежней веры. Он оказывает определённое влияние на молодежь Италии и встретил горячих поклонников в Англии и Германии. Исповедание веры Франки сводится к следующим весьма простым словам: «Мир есть то, что он есть, и он есть потому, что он есть; любое иное основание его сущности, и существования не может быть ничем иным, как софизмом или иллюзией».

Всякое исследование происхождения вещей — чистая химера, и потому нужно ограничиться опытом настоящей жизни и не искать ничего за её пределами. Франки с пренебрежением отвергает доводы, которые удовлетворяли Декарта, Ньютона и Лейбница. Мне показалось, что его разум, омрачённый страстью, недооценивает истинную силу отвергаемых им рассуждений, и, ослабив их, он присваивает себе право их презирать. Религиозные отрицания Франки не останавливаются на христианском догмате. Он отрицает всякую ценность тех высших стремлений человеческой души, которые составляют разум в философском смысле этого слова. И вот это радикальное отрицание разума те итальянцы, которые не стесняются его практиковать, именуют рационализмом.

И это возмутительное употребление слова — всего лишь частный случай общего явления. Критиковать значит исследовать мысли, которые приходят в ум, чтобы отличить ложное от истинного. Французы, называющие себя критиками, требуют, чтобы ум превратился в беспристрастное зеркало идей, но при этом отказался от всякого различения между истиной и ложью. Само слово скептицизм в первоначальном значении означает исследование, рассмотрение, а они называют скептиками тех философов, которые заявляют, что открывать нечего, и потому исследовать тоже нечего!

Свободомыслящий — это тот, кто имеет право думать свободно, но только при условии, что он не придёт к каким-либо общепринятым убеждениям. Это настоящий карнавал языка, маскарад слов. Эти искажения значений терминов очень поучительны: доктрины, противные законам человеческой природы, выдают в этом своё тайное стыдливое желание не предстать перед миром в истинном свете. Подобно тому, как лицемерие есть дань, которую порок платит добродетели, эти языковые варваризмы — дань, которую ложь платит истине.

Возвращаясь к Италии, можно сказать, что эта прекрасная и благородная страна не избежала возрождения атеизма. Опьянение новой свободой и политические схватки, в которые вовлечено в настоящее время папство, по-видимому, какое-то время будут способствовать распространению ложных учений. Но живой гений итальянцев не замедлит вновь обратиться к великим традициям своей истории, и жители той земли, по которой ступали Пифагор и святой Августин, не захотят связывать себя с учениями, которые рано или поздно всегда приводят своих приверженцев к унылым берегам вульгарного эмпиризма.

Российская империя долгое время казалась Западу лишь огромным гарнизоном, но уже несколько лет она занимает место среди интеллектуальных сил Европы, и нигде в Европе восхождение цивилизации не проявляется такими поразительными признаками. Призыв к свободе миллионов людей, недавно осуществлённый благородной инициативой власти и при согласии нации, свидетельствует о том, что этот огромный социальный организм оживлён духом жизни и прогресса. Но в этот торжественный период, через который проходит Россия, она подвергается великой опасности. Существует риск, что вместо подлинного национального развития, исходящего из глубин человеческой природы, ей будет навязана искусственная цивилизация, где соединятся парижская мода, нравы закулисья оперы и наиболее безбожные доктрины Запада. Да хранит её Бог!

Мы рассмотрели некоторые симптомы возрождения атеизма, и невозможно не признать серьёзности установленных фактов. Особенное беспокойство должно вызывать то, что безбожные проявления мысли приобрели столь всеобщий характер, что печальное изумление, которое они должны были бы вызывать, притупляется привычкой.

Модные журналы (я имею в виду в особенности франкоязычную публику), широко распространённые газеты, которые тщательно следят за тем, чтобы не нарушать приличий и не задевать интересов или предрассудков своих подписчиков, могут безнаказанно и без особых протестов публиковать произведения открытого или едва прикрытого атеизма. Здесь достаточно поводов для тревожных размышлений, но эта тревога не должна

сопровождаться страхом. Перед нами вызов, самая дерзость которого вселяет во мне скорее уверенность, чем страх.

На самом деле, все произведения безрелигиозной философии покоятся на одной и той же мысли. Это единый общий лозунг: секуляризм англичан, рационализм итальянцев, позитивизм французов — и его можно распознать даже в высокомерных формулах, известных под именем Гегеля.

И вот эта мысль: «Земля нам достаточна — прочь с Небом; человек сам себе достаточен — прочь с Богом; нам хватает реальности — прочь с химерами!»

Мудрость состоит в том, чтобы довольствоваться миром таким, каков он есть. Попытка весьма нелепо возводит эту "мудрость" под покровительство светочей нашего века. Нам велят, дескать, видеть в отрицании реального и живого Бога борьбу прогресса с рутиной, науки со слепой традицией, современного духа с устаревшими идеями. Но мы давно знаем этот вызов, брошенный против стремлений сердца, совести и разума. Мы знаем, чем неизбежно заканчивается этот вечный мятеж ума против законов собственной природы.

Были атеисты и в Палестине, когда псалмопевец восклицал: «Сказал безумец в сердце своём: „нет Бога“» (Пс. 13:1). Были атеисты и в Риме, когда Цицерон писал, что вера в богов кажется ему наиболее близкой к истине. Поэт XIII века выразил в латинской строке мысль, столь популярную среди многих наших современников: «Тот не дерзает на великие дела, кто верит в богов». Атеисты были и в XVII веке, когда Декарт боролся с ними, и они считали себя великими умами своего времени. И кто не знает, что в XVIII веке атеизм шествовал с поднятой головой и оглашал мир своими воплями? Попытка обойтись без Бога — не нова, она встречается во все эпохи. И средства, используемые для достижения этой цели, не новые.

Атеизм — хроническая болезнь истории, вспышки которой — временные кризисы. И как только это отрицание выносится на всеобщее обозрение, человечество неизменно протестует. Почему? Потому что человек никогда не согласится довольствоваться лишь землёй и тем, что она может дать: его природа категорически это отвергает. Когда мы сравниваем реальность с желаниями наших душ, мы все можем сказать со старцем Иаковом: «Малочисленны и недобры были дни странствования моего…» (Быт. 47:9).

Мы все можем повторить вслед за Ламартином: «Когда бы всё, чего желает человек, переполнило одно лишь сердце — Смерть, замыкая жизнь, обращает эту чашу радости в мучение».

И не только сердце вовлечено в это дело: без Бога человек остаётся непонятным даже для собственного разума. Духовное создание Всемогущего, свободное по акту творения, способное пасть в рабство через бунт — таков человек; он понимает свою природу и своё назначение только через Бога. Но тщетно апостолы материи и поклонники человечества пытаются объяснить ему его собственное существование. Человек слишком велик, чтобы быть ребёнком праха; он слишком несчастен, чтобы быть божественной вершиной вселенной.

«Если он возносится, я унижаю его; если он унижается, я возвышаю его, и противоречу ему непрестанно, пока он наконец не поймёт, что он — непостижимое чудовище». (Паскаль)

Настоящее изучение человека — это сам человек, и он останется загадкой для самого себя, если не поднимется к Богу. Именно поэтому наша собственная природа — живая защита против атеизма и никогда не позволит его победам быть всеобщими или длительными. Чёткая граница установлена для наших заблуждений, и Владыка всего сказал о заблуждениях разума то же, что о морских приливах: „дальше не пойдёшь“. Атеисты могут

быть знаменитыми, но человечество отказывает им в той aureola (ореоле), который венчает лбы его благодетелей. Этот венец оно бережёт для мудрецов, ведущих его к Богу; для художников, открывающих ему отблески бессмертного света; для всех, кто напоминает о достоинстве человека, о залогах его будущего, о святых законах духовного царства.

Человечество хочет жить; а чтобы жить — нужно верить; нужно верить, чтобы любить и действовать. Атеизм — это лишь кризис болезни, мимолётное обморочное состояние, над которым берут верх жизненные силы природы. И эти жизненные силы человечества ещё не угасли и не притуплены в наши дни. Мир литературы болен, и в некоторых его частях тяжко болен; но и там проявляются благородные и сильные реакции. Посмотрите же и в другие стороны. Взгляните на религиозное движение общества, на широкие усилия в деле благотворительности, на прогресс цивилизации, на пробуждение совести по многим вопросам — я мог бы привести много фактов, подтверждающих мои слова, и сказать вам:

Знайте, по этим ясным признакам:
Бог тот же сегодня, каким Он был во все времена.
Он открывает Свою славу, когда пожелает,
И Его народ всегда хранится в Его памяти.

Боритесь же с нашествием смертоносных учений — боритесь и не бойтесь. Если люди восстают против Бога во имя современного духа, науки века, прогресса цивилизации, не позволяйте этим крикам потрясти вас. Пусть прошлое станет для вас залогом будущего!

Назвать атеизм чем-то новым — ошибка. Назвать его характерной чертой нашего времени — клевета.

Краткий обзор третьей лекции вернуться к содержанию >>>

Автор рассматривает новую форму атеизма, возникшую в XIX веке и укрепившуюся в культуре его времени, особенно в философии, науке и обществе. Он анализирует истоки, аргументы и последствия этого мировоззрения, противопоставляя его религиозной вере в Бога-Отца.

1. Историческая перемена: от религии к атеизму
   - Навиль отмечает, что атеизм переживает "возрождение", но в новой, более культурной форме: это уже не грубое отрицание, а научно-философская позиция.
   - Он сравнивает современный атеизм с античным и средневековым неверием — и показывает, что новый атеизм опирается на достижения науки, особенно физики, биологии, социологии.
2. Формы и аргументы современного атеизма
   - Навиль перечисляет несколько оснований, на которых держится "новый" атеизм:
   - Наука и прогресс: вера в то, что наука объяснит всё без необходимости прибегать к Богу.
   - Материализм: всё — материя и движение; дух — лишь функция мозга.
   - Моральный скептицизм: если нет абсолютных норм, не нужен и абсолютный Законодатель.
   - Историческая критика религии: религия — плод страха, мифа, психологии, эволюции, а не откровения.
   - Навиль подчёркивает, что всё это построено не на доказательствах, а на "убеждении", на высокой оценке человеческого разума и опыта, отсекающей всё "сверхъестественное".

3. Моральная и духовная опасность атеизма
   - Атеизм может казаться невинным или даже «благородным» (в виде гуманизма), но он размывает смысл жизни, лишает человека надежды, и освящает только временные цели: комфорт, знание, успех.
   - Утрачивается чувство долга перед высшей реальностью — Богом.
   - «Если человек сам себе бог, то он же и судья, и жертва».
4. Необъективность и эмоциональная подоплёка атеизма
   - Атеизм, по Навилю, часто не результат разума, а следствие воли: человек не хочет, чтобы Бог существовал, потому что это бы потребовало изменения жизни.
   - Это выбор не разума, а гордыни, самодостаточности, страха перед судом совести.
5. Истинный протест, скрытый в атеизме
   - Атеизм часто рождается как протест против ложного образа Бога:
     - жестокого,
     - деспотичного,
     - далёкого.
   - Но вместо того, чтобы очистить веру, человек отвергает Бога вовсе.
   - Он бунтует против зла, но забывает, что именно вера в Бога-Отца даёт основание для этого протеста.
6. Ответ христианства
   - Христианство — не тирания, не мракобесие, не страх. Это вера в Бога как Отца, Который даёт свободу, учит любви, открывает истину.
   - Отказ от Бога — это не прогресс, а потеря горизонта, духовная слепота.

Третья лекция — это философское и духовное развенчание "нового" атеизма. Эрнест Навиль показывает, что отказ от Бога — это не нейтральный шаг, а потеря самого источника смысла, свободы и любви. Он призывает не к слепой религиозности, а к обновлённой вере в живого Бога-Отца, способного ответить на тревоги современного человека.

† † †

ЛЕКЦИЯ IV — ПРИРОДА вернуться к содержанию >>>

(Женева, 27 ноября 1863 г. — Лозанна, 25 января 1864 г.)

Господа, Мысли человека бесчисленны, но, несмотря на их бесконечное разнообразие, они всегда касаются одного из трёх предметов:

— Природы, то есть мира материальных веществ, открывающихся нашим чувствам;

— Созданных духов, подобных или превосходящих тот дух, которым является наше собственное «я»;

— И, наконец, Бога, Бесконечного Существа, Вселенского Творца.

Отсюда следует, что существует лишь два рода атеизма — и только два.

— Разум останавливается на природе и старается найти в материальных веществах универсальный принцип бытия;

— Или, поднимаясь над природой, разум останавливается на человечестве, но не восходит к Бесконечному Разуму, к Творцу.

Мы видели, как ясно эти две доктрины проявляются в современной литературе. Теперь нам предстоит их рассмотреть, и на это уйдут две лекции.

Слово «природа» имеет разные значения; здесь мы употребляем его для обозначения материи и сил, которые приводят её в движение, — при этом эти силы мыслимы как слепые и фатальные, в противоположность осознанной и свободной силе, которая составляет сущность разума.

Материя и законы движения составляют предмет изучения механики, химии и физики. Достаточны ли эти науки для разгадки вселенской тайны? Вот именно тот вопрос, который нам предстоит рассмотреть.

Для начала давайте определим, каково естественное движение человеческой мысли перед лицом зрелища вселенной, когда эта мысль уже обладает идеей Бога. Я открываю книгу, по форме довольно несерьёзную, но местами глубокую по содержанию: «Путешествие вокруг моей комнаты» Ксавьера де Местра. Автор рассказывает, как он взялся изготовить искусственного голубя, который должен был держаться в воздухе с помощью хитроумного механизма. Читаю: «Я трудился над его изготовлением более трёх месяцев. Настал день испытания. Я поставил его на край стола, предварительно тщательно заперев дверь, чтобы сохранить открытие в тайне и доставить своим друзьям приятный сюрприз. Механизм удерживала нитка. Кто может вообразить, как билось моё сердце, как мучилось моё самолюбие, когда я приблизил ножницы, чтобы перерезать роковую связь? Щелчок! — пружина голубя с шумом начала разворачиваться. Я поднял глаза, чтобы увидеть, как птица взовьётся… Но, сделав несколько неуклюжих оборотов, она упала и закатилась под стол. Розина (моя собака), дремавшая там, неохотно отодвинулась. Розина, которая никогда не видит курицу, голубя или хоть самого маленького птенца, не бросившись в погоню, даже не удостоила моего голубя взглядом. Это стало последним ударом по моему самолюбию. Я отправился подышать воздухом на крепостные валы».

«Я ходил взад и вперёд, грустный и подавленный, как всегда бывает после крушения больших надежд. Подняв глаза, я увидел над собой стаю журавлей. Я остановился, чтобы хорошенько рассмотреть их. Они летели треугольником, как английская колонна при Фонтенуа. Я следил за их полётом, пока они не скрылись за облаками. Ах! — сказал я себе, — как хорошо они летят! С какой уверенностью они скользят по невидимому пути, которым следуют! Должен признаться… увы! да простится мне это признание… ужасное чувство зависти, впервые, и лишь однажды, вошло в моё сердце — и было это чувство к журавлям. Я провожал их взглядом, полным ревности, до самого края горизонта. Ещё долго, застыв среди толпы, что двигалась вокруг меня, я продолжал наблюдать за стремительным полётом ласточек, словно впервые в жизни видел их подвешенными в воздухе».

«Чувство глубокого восхищения, прежде мне неведомое, наполнило мою душу. Мне казалось, что я смотрю на природу впервые. С изумлением я услышал жужжание мух, пение птиц и тот таинственный, неясный шум живой природы, который невольно восхваляет своего Творца. Несказанное торжество, к которому только человек имеет высочайшую привилегию добавить аккорды благодарности! Кто автор этого блистательного механизма? — воскликнул я в охватившем меня восторге. — Кто Он, открывший Свою творческую руку и выпустивший первую ласточку в воздух? Кто дал повеление этим деревьям подняться из земли и вознести ветви к небу?!»

Вот очаровательная страница, на первый взгляд лёгкая, но в действительности содержащая здравую философию. Давайте переведём это восхитительное описание на тяжеловесный язык науки. Разум — одна из вещей, с которой мы знакомы лучше всего; логика — это наука о мышлении, и она, пожалуй, наиболее твёрдо стоит на своих основаниях среди всех наук. Разум открывается нам в деятельности: мы стремимся к цели, подбираем средства её достижения, и именно разум осуществляет эту комбинацию. Что происходит, если мы сравним результаты нашей деятельности с результатами той силы, что проявляется в мире?

Когда мы обозреваем всё множество средств, которыми располагает природа; когда замечаем бесконечное количество взаимосвязей вещей, ту чудесную гармонию, из которой рождается всеобщая жизнь — мы ослеплены великолепием мудрости, которая превосходит нашу собственную так же, как беспредельный космос превосходит ту ничтожную точку, которую мы занимаем на земле. Подумайте вот о чём: наука о природе столь обширна, что даже самая малая её отрасль способна целиком поглотить одну человеческую жизнь. Все наши науки — всё ещё в зачаточном состоянии; они лишь начинают складывать первые буквы в огромной книге. Элементы вселенной неисчислимы. И всё же, несмотря на это, всё связано друг с другом. Всё переплетено самыми тесными узами.

И вот учёные оказываются в странном затруднении: им приходится всё более ограничивать поле своих исследований, чтобы не потеряться в бесконечности, но по мере продвижения науки становится всё яснее, что для полного понимания хотя бы одной вещи нужно знать всё. Не нужно искать далеко или высоко поводов для изумления: малейший объект природы содержит в себе бездны премудрости. Приобретённые результаты науки кажутся простыми благодаря действию привычки. Солнце встаёт каждый день; кто ещё удивляется его восходу? Солнечная система известна уже давно; её преподают в самых скромных школах, и она больше никого не поражает. Но те, кто её открыл, после долгих усилий, — открыватели — считали свои открытия удивительными.

Кеплер, один из основателей современной астрономии, в книге, где он изложил свои бессмертные открытия, восклицает: «Мудрость Господа бесконечна, как бесконечны также Его слава и могущество. О небеса! Пойте Ему хвалу! Солнце, луна и планеты, прославляйте Его своим невыразимым языком! Хвалите Его, небесные гармонии, и все вы, кто можете их понимать! И ты, душа моя, воспевай своего Творца! Им и в Нём всё существует. То, чего мы не знаем, содержится в Нём, как и наша тщетная наука. Ему да будет хвала, честь и слава во веки веков!»

Эти слова, господа, не скопированы из церковной книги; их можно прочесть в труде, который, по всеобщему признанию, является одним из оснований современной науки.

Перейду к другому примеру, и снова оставлю вас в прекрасной и высокой компании. Ньютон изложил свои открытия в большом томе, усеянном цифрами и вычислениями. Закончив работу математика, автор возвышается — через размышления о взаимном обмене света между всеми звёздами — до идеи единства творения, и добавляет, завершая, таким образом, весь свой труд: «Владыка небес управляет всем, не как душа мира, но как Владыка вселенной. Именно по причине Его верховенства мы называем Его Владыкой Богом. Он управляет всем — тем, что есть, и тем, что может быть. Он — один Бог, и тот же Бог везде и всегда. Мы восхищаемся Им за Его совершенства, мы почитаем и поклоняемся Ему за Его верховенство. Бог без верховенства, без Промысла, без цели в Своих делах был бы лишь судьбой или природой. Но из слепой метафизической необходимости, вечно и всюду одинаковой, не могла бы произойти никакое многообразие; всё это разнообразие сотворённых вещей, различающихся по местам и временам (что и составляет порядок и жизнь вселенной), могло быть произведено только мыслью и волей Существа, Которое существует Само Собой и по необходимости Своей природы».

Вот, господа, возвышенные мысли, выраженные возвышенным языком. Рекомендую вам прочитать полностью страницы, из которых я привёл эти отрывки. Проанализируем теперь мысли этого великого астронома, изложенные в приведённых словах.

Можно выделить три утверждения:

— Вселенная обнаруживает удивительный порядок, который свидетельствует о мудрости Силы, управляющей ею.

— Вселенная жива; она не статична, и её изменения предполагают существование разумной Силы, которая ею руководит.

— Изменчивое существование вселенной показывает, что она не является необходимой, — она должна иметь свою причину в Существе, которое существует Само Собой, по необходимости Своей природы.

Таковы взгляды Ньютона. Рассмотрите этот ход мыслей — разве он не естественен?

Наблюдение открывает нам факты.

Сами по себе изолированные факты ничего не значат для разума; но в фактах природы человеческий разум обнаруживает порядок, и в этом порядке узнаёт собственные законы. Чтобы остаться в рамках одной только астрономии — существует гармония между нашим разумом и ходом звёзд. Если вы сомневаетесь в этом, обратитесь к календарю. В нём указано, что в таком-то месяце, в такой-то день, в такой-то час произойдёт затмение Солнца или Луны. Откуда это знает составитель календаря? Он узнал это от учёных, которые сумели объяснить небесные явления. Следовательно, учёный в своей лаборатории встречается с Разумом, управляющим вселенной. Если он не ошибается в своих расчётах, затмение начинается в точно указанное время.

Если бы затмение не произошло в назначенный момент, никто бы не подумал, что природа не подчиняется разумному порядку; вывод был бы один: учёный ошибся в наблюдении или допустил просчёт. Итак, когда наука исполняет свою часть хорошо, разум человека встречается с иным Разумом, управляющим миром и поддерживающим в нём порядок. Специальные науки о природе заканчиваются на этом, как мы позже объясним; но на этом не заканчивается всё, что нужно человеку, когда он пользуется всеми своими способностями. Всё проходящее и изменяющееся в сфере опыта заставляет разум инстинктивно искать причину изменяющихся фактов в неизменном Существе, причину преходящих явлений — в вечном Существе. Природа, следовательно, не может объяснить сама себя. Она требует Силы, которая направляет её, Разума, который её регулирует; абсолютного и вечного Существа как своей причины. Вот что разум требует с настойчивостью, и когда у нас есть идея Бога, природа раскрывает нам Его силу и мудрость.

Это старый аргумент, и его называют банальным. Да, он банален — он встречается повсюду: в речах Сократа, в трудах Галена, Кеплера, Ньютона, Линнея. Да, этот аргумент упал так низко, что стал достоянием всех, если вообще можно сказать, что истина падает, когда она сияет светом, способным озарить массы. Если бы я захотел собрать здесь свидетельства всех учёных, которые видели Бога в природе, песни всех поэтов, воспевавших славу Вечного, явленную через творение, — список был бы очень длинным, и я бы скоро истощил ваше терпение.

Вы понимаете теперь, что если есть философы, как говорил мизантроп Руссо, настолько презирающие «общие мнения», что предпочитают ошибку собственного изобретения истине, найденной другими, то древний аргумент, заключающий в себе вывод о мудрости Творца из порядка творения, не может пользоваться у них особым уважением. Тем не менее, я, со своей стороны, принимаю этот старый аргумент за хороший и намерен его защищать. Природа действительно — чудо, представленное вниманию нашего разума. Рост травинки, повадки муравья содержат для внимательного наблюдателя чудеса мудрости. Капля росы, отражающая утренние лучи, игра света среди листвы дерева — всё это раскрывает перед поэтом и художником сокровища поэзии.

Но слишком часто, ослеплённые привычкой, мы не способны видеть, и когда наш разум дремлет, кажется, что спит и сама вселенная. Иногда внезапная вспышка света может разбудить нас из этой спячки. Когда наука вдруг раскрывает перед нами какую-нибудь из

великих закономерностей, которые проявляются в тысячах явлений как следы одного и того же Разума, удивление нашего ума вызывает в нашей душе трепет поклонения. Когда первые лучи утра освещают чистым светом вершины наших Альп, когда солнце на закате протягивает огненную дорожку по водам нашего озера — кто не почувствует побуждения воздать славу верховному Художнику?

Когда тёмные холодные туманы ложатся на наши долины с наступлением осени, иногда достаточно взобраться на склон горы, чтобы вдруг выйти из этой мрачной области и увидеть цепь сияющих вершин, очерчивающихся на фоне непередаваемо синего неба. Много раз я наслаждался этим великолепным зрелищем, и всегда в такие моменты из глубины сердца спонтанно вырывался гимн поклонения:

Вся вселенная полна Его величия. Да поклонятся Ему, да призывают Его во веки веков!

Таково, перед лицом природы, спонтанное движение сердца и разума. Но ложная мудрость омрачает эти ясные истины облаками софизмов. Когда ваше сердце побуждается воздать славу Богу, возникает опасность, что назойливые мысли восстанут в разуме и подавят этот порыв поклонения. Возможно, вы слышали, возможно, вы читали, что звуки духовной песни — эти всё более ослабевающие эхо минувших времён — больше не слышны для разума, «просвещённого» современной наукой. Я хотел бы избавить вас от этого болезненного сомнения. Я хотел бы защитить вас от чар ложной науки. Я хотел бы, чтобы даже те, кто ещё не готовы поклоняться, с апостолом Павлом увидели того, чьи невидимые совершенства ясно видимы через рассматривание Его творений, и хотя бы вместе с Сократом восхитились «величайшим Богом, который поддерживает творение в цветущей юности и всегдашней свежести». Рассмотрим некоторые предубеждения, которые стремятся распространить, чтобы ослабить доводы Ньютона и отвратить нас от взглядов Кеплера.

Говорят, что наука уводит от Бога, а вера остаётся уделом лишь невежественных. Послушайте, что говорит об этом итальянец Франки: «Класс общества, где особенно преобладают неверующие и скептики, — это класс учёных и людей литературы, людей, которые прошли через обучение, в ходе которого они непременно познакомились с известными доказательствами бытия Бога. Но едва ли они взглянут на эти доказательства своими глазами и подвергнут их суждению собственного разума, как эти доказательства перестают что-либо доказывать; эти рассуждения оказываются лишь софизмами. Такова общая формула тезиса: чтобы стать неверующим или скептиком, достаточно быть образованным человеком».

А теперь немец Бюхнер покажет нам применение этой мысли к специальному изучению природы: «В наше время наиболее усердные труженики науки, наши самые неутомимые исследователи природы исповедуют материалистические воззрения». Та же тенденция нередко проявляется и у французских авторов. Например, автор недавнего трактата по астрономии намеренно умалчивает о глубокой вере Кеплера и явно старается подчеркнуть проявленные Лапласом, увы, симпатии к атеизму. Вот перед нами открытые попытки создать предубеждение против религии, опираясь на авторитет науки, и эти попытки смущают немало умов. Я задаю по этому поводу два вопроса: правда ли, что современные естествоиспытатели в общем своём большинстве безрелигиозны? И возможно ли, чтобы наука о природе, правильно понятная, вела к атеизму?

Начнём с вопроса факта, и прежде всего ясно определим цель этого обсуждения. Я хочу разрушить предубеждение, а не создать новое. Я вовсе не предлагаю вам устраивать голосование среди учёных, чтобы узнать, существует ли Бог. Нет. Даже если бы все университеты Европы единогласно проголосовали за то, что в полдень темно, я всё равно продолжал бы верить в солнце — так же, господа, как и вы все, и как большинство моих соотечественников. Я провёл своего рода исследование, чтобы выяснить, привела ли современная наука природы естествоиспытателей вообще к атеистическим убеждениям, как

нам хотят внушить. Вспоминая собственные ранние занятия и последующее чтение, я составил список наиболее известных людей различных наук и задался вопросом, какие религиозные взгляды они высказывали публично. Теперь я кратко изложу результат моего труда.

Я оставил астрономию в стороне, считая, что, несмотря на известность имени Лапласа, у нас есть Кеплер и Ньютон — весомые авторитеты, способные уравновесить то значение, которое хотят придать имени Лапласа. Спустившись с небес на землю, мы первым делом встречаемся с общей наукой о нашем земном шаре, то есть с географией. В этой области исследований немец Риттер занимает бесспорное первенство. Даже во Франции его называют «создателем научной географии». Научная география опирается почти на все науки: она строится на общих результатах химии, физики и геологии. Привело ли тогда обширное знание Риттера к отступлению от Бога? Я читал где-то, что он принадлежал к числу тех учёных, которые лучше всех воплощали союз науки и веры. Один мой друг, лично его знавший, описывал его мне не только как человека, почитавшего Творца в созерцании творения, но и как доброго и ревностного христианина, который старался передать другим свои убеждения.

От общего изучения Земли перейдём теперь к изучению организованных существ, населяющих её поверхность. Научает ли ботаника человеческий разум обходиться без Бога? Послушаем Линнея. Открываю «Систему природы», и на обороте титульного листа читаю: «Как многочисленны дела Твои, Господи! Всё соделал Ты премудро; полна земля богатства Твоего». Перелистываю несколько страниц, и встречаю таблицу, озаглавленную «Империя природы», содержащую общую классификацию существ. Начинается она так: «Вечный Бог, премудрый и всемогущий! Я как бы видел, как Ты проходишь передо мною, и пал в изумлении. Я нашёл следы Твоих стоп в делах творения; и в этих делах, даже в малейших, даже в тех, что кажутся незначительными, — какая сила! какая премудрость! какое непостижимое совершенство! Если назовёшь Его Роком Судьбы, ты не ошибёшься: это Он, от Кого всё зависит. Если назовёшь Его Природой, ты не ошибёшься: это Он, от Кого всё происходит. Если назовёшь Его Провидением, ты скажешь истину: именно Его советом держится вселенная».

Другой великий натуралист, Жорж Кювье, считал нужным подчеркнуть, что «Линней охотно пользовался многими возможностями, которые предоставляла ему естественная история, чтобы показать премудрость Провидения». Таким образом, современная ботаника была основана в духе благочестия. Сделала ли она впоследствии открытия, способные стереть из жизни растений следы Божественного разума? Позвольте вставить здесь личное воспоминание. В юности я брал уроки у старого человека, который когда-то был учителем Декандоля и сохранил с ним дружбу. По довольно странному академическому распоряжению, Воше оказался назначен преподавать нам не ботанику, к которой у него был и вкус, и талант, а науку, которую он знал плохо и которую ещё меньше любил.

Поэтому часто значительная часть учебного часа заполнялась непринуждёнными беседами. Эти беседы уводили нас далеко от церковной истории, которой мы, по программе, должны были заниматься. Изгнанный ботаник по естественному влечению возвращался к любимой науке, и я видел, как у него наворачивались слёзы нежного умиления, когда, сидя в профессорском кресле, он говорил нам о Боге, сотворившем весенний первоцвет и укрывшем фиалку под живой изгородью у обочины дороги. Поэтому воспоминание об этом старике не только живёт в моей памяти, но и дорого моему сердцу. И всё же он был учёным, страстным естествоиспытателем; и, при ярком свете девятнадцатого века, он чувствовал и говорил, как Линней.

Перейдём теперь к изучению животных. Несколько лет назад у меня возникло желание приобрести лучший из современных трактатов по физиологии. Мне указали на труд

профессора Мюллера из Берлина. Эта книга не утратила своей ценности — ведь сегодня утром один студент с нашего факультета наук пришёл ко мне, чтобы взять её взаймы по совету своих наставников. Мюллер был великим физиологом, и он открыто исповедовал христианскую религию. Разве не вправе мы заключить, что он верил в Бога? Во Франции я мог бы привести более одного имени в поддержку своей мысли; но ограничусь лишь одним фактом. Научный мир совсем недавно был занят открытиями господина Пастера. Господин Пастер установил, что разложение организованных тел после смерти происходит благодаря действию крошечных животных, почти незаметных, зародыши которых более крупные животные носят в себе, как живое приготовление к собственному погребению.

Замысел Провидения открылся его уму, и он пишет: «Элементарные частицы живых тел были бы, можно сказать, практически неразрушимы, если бы из созданных Богом существ были устранены самые малые и, на вид, самые бесполезные. Жизнь тогда стала бы невозможной, потому что возвращение к всемирной атмосфере и к минеральному царству всего, что перестаёт жить, было бы внезапно остановлено». Иными словами: я исследовал факты, которые прежде были недостаточно замечены, и моё исследование открыло мне новое проявление той Божественной мудрости, отпечаток которой несёт на себе вселенная.

Англия располагает натуралистом первого порядка, которого его соотечественники охотно сравнивают с Жоржем Кювье, — профессором Оуэном. Этот учёный читал лекцию всего несколько месяцев назад перед многочисленной аудиторией о взаимоотношениях религии и естественных наук. Он прекрасно осведомлён обо всём, что может предложить современная наука, не чужд современных открытий, он, без сомнения, один из князей современной науки. И вот, господа, мистер Оуэн повторяет в отношении животных то, что Ньютон сказал при созерцании небес, и что Линней сказал о растениях. Он не боится восхищаться вместе с Галёном дивной мудростью, которая проявилась в устройстве живых существ. Его лекция носит название «Сила Божия в Его творении животных».

Чем больше мы познаём, — говорит он, — тем больше восхищаемся, тем больше поклоняемся. Он останавливается в раздумье перед чудесными творениями природы, рядом с которыми самые утончённые произведения человеческой промышленности кажутся под микроскопом грубыми, неуклюжими заготовками; он сравнивает наши самые совершенные машины с живыми машинами, созданными рукой Божией, и заключает, что неспособность усмотреть разум в связи средств и целей непременно предполагает в уме дефект, подобный тому, который испытывают глаза, не различающие цветов. Мистер Оуэн заявляет, что такое состояние ума и чувств у естествоиспытателя может вызывать у одних упрёк, у других сожаление, но лично для него оно остаётся абсолютно непостижимым.

Итак, давайте посмотрим, находят ли наиболее выдающиеся химики в изучении элементов материи откровение атеизма? Мне говорили, что Либих — один из первых химиков нашей эпохи. Он полагал, что открыл применение химии в сельском хозяйстве, которое позволит найти средство против истощения почвы. Оказалось, что его открытие было ложным, и более тщательное изучение предмета позволило ему установить, что цель, к которой он стремился, уже была достигнута Провидением способом, о существовании которого он даже не подозревал.

Вот его собственное признание, опубликованное в 1862 году: «После того как я вновь и самым тщательным образом рассмотрел все факты, я обнаружил причину своей ошибки. Я согрешил против мудрости Творца и получил заслуженное наказание. Я хотел усовершенствовать Его дело и в своей слепоте думал, что в этой дивной цепи законов, которые управляют жизнью на поверхности Земли и поддерживают её вечную свежесть, недостаёт одного звена, которое должен был бы восполнить я, слабый и ничтожный червь. Но обо всём было позаботились заранее, причём таким чудесным способом, что возможность такого закона даже не могла зародиться в человеческом уме».

Вот признание, исполненное благородства и смирения; и этому химику, который таким образом воздаёт славу Богу, ни один из его коллег не мог бы сказать: «Если бы у вас было столько же знаний, сколько у нас, вы бы больше не говорили о мудрости Творца».

Перейдём теперь к физикам. Эта часть исследования представляла для меня особый интерес, потому что я читал в сочинениях одного парижского литератора, что современная физика якобы поставила в тупик тех, кто защищает учение о живом и истинном Боге. Я решил выяснить у человека, хорошо осведомлённого в этом вопросе, есть ли в Европе естествоиспытатель, занимающий исключительное положение. Я получил ответ: «Можете с полной уверенностью сказать, что по единогласному признанию людей науки, мистер Фарадей — как по величине, так и по значению своих открытий — является первым из ныне живущих естествоиспытателей». Убедившись таким образом в этом факте, я позволил себе написать мистеру Фарадею следующее письмо:

> ЖЕНЕВА, 30 октября 1863 г.
>
> Сэр! Я намерен вскоре начать в Женеве курс лекций, рассчитанных на аудиторию взрослых, с целью опровергнуть проявления современного атеизма. Этой прискорбной ошибке я хочу противопоставить веру в Бога, как она была дарована миру через Евангелие, веру в Небесного Отца.
>
> Одна из моих лекций будет специально посвящена развенчанию предрассудков против религии, корни которых уходят в естественные науки. Очень часто и очень смело утверждают, что современная физика и химия доказывают беспочвенность религиозных убеждений. Эти тезисы защищают в Женеве, как и в других местах. Я хотел бы ответить, что естественные науки сами по себе не отвращают человека от Бога и что, хотя они не способны породить веру, они подтверждают веру тех, кто уже верует. Мне хотелось бы подкрепить это утверждение именами, обладающими в науке бесспорной и твёрдой репутацией. Разрешите ли вы, сэр, использовать ваше имя?

Мистер Фарадей ответил мне следующим письмом, датированным 6 ноября 1863 года:

> Сэр! Вы имеете полное право использовать моё имя, ибо, хотя я обычно избегаю смешивать священное с мирским, я однажды написал и опубликовал отрывок, который даёт вам это право, и я остаюсь верен сказанному. Я посылаю вам копию этого текста. Надеюсь, вы не найдёте нигде в других моих трудах ничего, что противоречило бы или хотя бы ослабляло смысл этого заявления. Передайте, пожалуйста, мои наилучшие пожелания моему другу господину де ла Риву.

Упомянутый отрывок проводит довольно резко (возможно, даже слишком резко) разграничение между областью разума и сферой религиозной истины и содержит исповедание положительной веры в Откровение. Автор утверждает, что никогда не видел противоречия между наукой и верой, и делает следующее заявление: «Даже в земных вещах я убеждён, что невидимое Божие, вечная сила Его и Божество от создания мира через рассматривание творений видимы». (Цитата из Нового Завета, Рим.1:20. Прим. Ред.)

Один парижский литератор уверяет нас, что естественные науки отвращают человека от Бога; один из первых учёных нашего времени утверждает, что научное созерцание природы ясно раскрывает мудрость Бога. Вопрос, таким образом, сводится к фактам. Кому же мы должны довериться? Со своей стороны, так как речь идёт о естественной философии, я склоняюсь на сторону естествоиспытателя.

На этом мы завершим наш обзор. Закончить его заставляет нас нехватка времени, а не отсутствие материала для продолжения. Вы, вероятно, заметили, что среди приведённых

мною имён не встретилось ни одного швейцарского учёного. И всё же наша страна могла бы предоставить богатейший материал для моей цели. Среди её преимуществ — наличие значительного числа учёных, которых наблюдение над материальными явлениями не заставило забыть о достоинстве духа и которые умеют возносить свою душу к Творцу тех чудес, которые они изучают.

Поэтому вы поймёте, что воздержание от упоминания имён людей, к которым у нас столь близкий интерес, и многие из которых, быть может, даже присутствуют сейчас в этом собрании, продиктовано не заботой о прочности моей позиции, а чисто соображениями такта. Воспользуюсь, однако, письмом мистера Фарадея, чтобы сделать одно исключение и упомянуть имя господина де ла Рива. Не раз, и притом публично, мы слышали от него ясные слова о том, какое место занимают науки о духе по отношению к наукам о природе, и видели, как он воздаёт славу Творцу. И я не думаю, чтобы кто-либо, будь то в Швейцарии или за её пределами, мог позволить себе говорить с пренебрежением, от имени физических наук, о тех религиозных убеждениях, которые наш учёный соотечественник исповедует открыто и смело.

Помните, господа, что я не ставил своей задачей доказать существование Бога, опираясь на авторитет учёных. Всё, чего я добивался, — это разрушить один предрассудок. Нам твердят, нам буквально кричат, что лучшие естествоиспытатели становятся атеистами. Это неправда, как я думаю, мне удалось показать. Да, конечно, существуют атеисты, занимающиеся естественными науками — в этом нет сомнения. Но даже если бы половина всех естествоиспытателей были атеистами, так как другие учёные, причём некоторые из величайших, находят в своих исследованиях новые поводы для поклонения Богу, мы вынуждены признать, что истинная причина того, почему эти учёные отвергают религию, никак не связана с их наукой. Мы ещё более утвердимся в этой мысли, если теперь перейдём от фактов к рассуждениям здравого смысла.

Современная наука, как мы уже сказали, останавливается на изучении законов, не заботясь о причинах. Законы, которые определяют последовательность фактов, как они представляются нашему наблюдению, выражают способ действия причин. Здесь имеются две совершенно разные идеи: сила, которая действует, и способ, каким она действует. Если натуралист решит, что его наука — это всё, что существует, то ему придётся заключить, что мы не можем знать ничего, кроме законов, и что непреодолимое неведение скрывает от нас силу, действие которой эти законы выражают. Но он редко удерживается в этих границах и вводит себя в заблуждение, смешивая законы, которые он открывает, с причинами, без которых его ум всё же обойтись не может.

Сначала он говорит, вслед за Франки: «Вселенная такова, какова она есть», — это общая формула всех истин опыта; а затем добавляет, опять-таки вслед за тем же автором: «Она такова, потому что она такова». Это «потому что» ничего не объясняет или означает только одно — что законы являются своими собственными причинами. Если спросить: «Какова причина движения звёзд?» — в ответ дадут астрономические формулы, которые описывают это движение, и будут считать, что объяснили явление, просто указав, каким образом оно представляется нашему наблюдению. Это яркий пример той путаницы понятий, которая открывает дорогу атеизму.

Один английский натуралист, г-н Дарвин, показал, что в последовательной жизни поколений животных благоприятные изменения, происходящие в строении живого существа, передаются потомству и обеспечивают выживание вида, в то время как неблагоприятные изменения исчезают, поскольку приводят к гибели тех видов, в которых они возникают. Он говорит: «Это сохранение благоприятных изменений и уничтожение неблагоприятных я называю естественным отбором».

Что же понимает автор под законом? Он отвечает: «Это последовательность фактов, такой, какой мы её знаем». Вот, настоящая дефиниция закона: это просто выражение последовательности фактов; причина же ещё только предстоит найти. Я открываю книгу на другом месте. Автор говорит о глазе и утверждает, что глаз орла образовался посредством медленных превращений крайне примитивного зрительного органа. Таким образом, в процессе развития животного мира сначала должен был появиться зачаточный глаз, затем глаз более совершенный, и наконец — глаз орла, так как благоприятные изменения зрительного органа сохранялись и усиливались на протяжении веков. Такова последовательность фактов, таков закон; допустим, мы это принимаем. А какова причина? Оптик делает для нас очки; кто же сделал глаз орла, направляя те медленные изменения, которые, в конце концов, произвели его?

Послушаем автора: «Существует разумная сила, и этой разумной силой является естественный отбор, постоянно следящий за каждой случайной переменой в прозрачных слоях, чтобы тщательно выбрать такие из них, которые способны дать более чёткое изображение. Естественный отбор будет выбирать с безошибочной точностью каждое новое улучшение». Естественный отбор — это закон; закон — это последовательность фактов; кажется, что нам нужно искать силу, которая направляет эту последовательность фактов; но нет — сама последовательность фактов превращается в силу, в разумную силу, в силу, которая выбирает с безошибочной точностью! Путаница понятий полная. Разум сбился с пути: он воображает, что закон объясняет всё и сам не требует никакого объяснения. Представление о причине исчезает, и, как выражается Огюст Конт, «наука с почётом провожает Бога до своих границ, благодарит Его за временные услуги». Возможно, это и не идея самого Дарвина, но, во всяком случае, это идея некоторых его учеников, как мы убедимся позднее.

Так исчезает понятие причины. Посмотрим теперь, что становится с другими требованиями разума — вечным и бесконечным. Я беру книгу доктора Бюхнера и читаю: «Мы неспособны составить себе даже приблизительное представление о вечности и бесконечности, потому что наш разум, заключённый в границы чувств в отношении пространства и времени, совершенно не в силах выйти за эти пределы, чтобы подняться до таких понятий». Следую дальше по тексту, и через тринадцать строк на той же странице читаю: «Следовательно, материя и пространство должны быть вечны».

Обратите внимание, как этот автор пользуется высшими понятиями разума. Если предполагается использовать их для доказательства существования Бога, — он ничего о них знать не хочет. Если же нужно отрицать существование Бога, — он ими охотно пользуется, причём на одной и той же странице. Это, конечно, грубая работа, и доктор Бюхнер этим вредит своему делу, но под более тонкими и искусными формами тот же самый софизм обнаруживается во всех системах материализма. Утверждают, что у нас нет истинного понятия о бесконечности, и в то же время пытаются удовлетворить потребность разума в этой идее, перенося её на материю.

Прошу вас, не думайте, что я здесь нападаю на естественные науки ради метафизики. Я не нападаю, но защищаю их. Я стараюсь, насколько это в моих силах, отомстить за них тем материалистам, которые пытаются покрыть своим постыдным нагим телом их благородной мантией. Натуралисты с одной стороны, и богословы с философами с другой слишком часто находятся в состоянии войны. Они люди, и, как ничто человеческое им не чуждо, им знакомы предвзятые мнения, зависть, борьба за славу и влияние; но во всём этом повинны страсти. Никогда не возлагайте на науки ответственности за ошибки их представителей. Уберите человеческие слабости, и вы увидите установление гармонии; изучение материи согласуется с изучением духа, идея природы — с идеей Бога. Вы увидите, как все науки поднимаются вместе в величественном согласии. Я говорю «поднимаются» и говорю это

сознательно, ибо науки также составляют часть той золотой цепи, которая должна соединять землю с небом.

Утверждение, что естественные науки удаляют от Бога, есть не что иное, как предрассудок. Это неверно фактически, и, с точки зрения правильного рассуждения, невозможно. Доказательство этого полностью представлено. Атеизм — это философия, за которую естественные науки никакой ответственности не несут. Я не собираюсь здесь заниматься всеобщим разбором этой философии. Остановимся лишь на рассмотрении претензий, которые она выдвигает, чтобы найти себе новую опору в результатах современной науки.

XIX век уделяет особое внимание истории, и интересуется он не только летописями человеческого рода. Геология и палеонтология углубляются в недра земли, чтобы спросить у самой почвы, которая нас носит, что она носила прежде. Астрономия заходит ещё дальше. Она пытается догадаться, каково было состояние нашей планеты до появления первого живого существа. Она замечает, что солнце не неподвижно на небесах, и что земля никогда не проходит дважды по одной и той же линии на своём годичном пути. Кажется, что видны звёзды, находящиеся в процессе формирования; подозревают, что некоторые исчезли совсем. Природа не неподвижна — напротив, она изменяется, она живёт.

Нынешнее состояние вселенной — это лишь мгновенная фаза в развитии, которому предположительно предшествовали тысячи веков, и которое, по-видимому, предвещает тысячи веков впереди. Эти представления основаны на прочных и неоспоримых открытиях. Они встревожили умы, но каково их законное значение? Оно заключается в следующем: доводы Ньютона только выигрывают от них. «Из слепой метафизической необходимости, всегда и везде одинаковой, — сказал этот великий человек, — никакое разнообразие произойти не может». Чем яснее становится, что вселенная находится в процессе развития и изменения, тем очевиднее необходимость высшей Силы, которая является причиной этих изменений, и Бесконечного Разума, который направляет их к их цели. Это рассуждение кажется прочным, и, тем не менее, атеизм попытался пустить корни на почве новейших открытий. Делает он это следующим образом.

Если бы вселенная, какова она есть, с бесконечным разнообразием существ, которые её населяют, и с чудесными взаимными связями между ними, могла быть представлена возникшей сразу, внезапно, из ничего, или вышедшей из хаоса в полном своем совершенстве, то ни один самый дерзкий ум не осмелился бы считать это чудо разума плодом случая. Но, как говорят, современная наука больше не допускает такого простого объяснения вещей: «В начале сотворил Бог небо и землю». Эта формула теперь, как утверждают, пригодна только для катехизиса. Мы знаем, что всё возникало постепенно, начиная со слабых и бесформенных зачатков. Это великое чудо вселенной было произведено не единовременно.

Человек — создание недавнее; четвероногие некогда вовсе не существовали; животные имели начало, и растения тоже. Земля когда-то была безжизненна. Ранее она, возможно, была всего лишь газообразной массой, вращавшейся в пространстве. Со временем материя конденсировалась; со временем организовалась в живые клетки; со временем эти клетки стали бесформенными животными; со временем эти животные усовершенствовались. Время, кажется, стало «всеобщим фактором», и на смену древней формуле: «Вселенная — творение Бога» предлагается другая — несомненно, как уверяют, выведенная из современной науки: «Вселенная — дело времени».

Во всём этом, господа, я ничего не выдумал. Я лишь привёл в строй ту теорию, элементы которой встретил во множестве современных сочинений. Нас ошеломляют, нагромождая века на века, и для объяснения природы подставляют идею времени вместо идей силы и разума. Кажется, будто предполагают, что то, что возникает медленно, достаточно объяснено самой этой медленностью.

Эти заблуждения мысли проявились недавно особенно ярко по случаю публикации книги мистера Дарвина. Этот натуралист занялся исследованием превращений живых организмов. Он обнаружил, что виды изменяются больше, чем это обычно предполагалось, и что мы, вероятно, принимаем простые разновидности за самостоятельные виды. Его открытия, я думаю, оставят достаточно заметные следы в истории науки. Но мистер Дарвин — не просто наблюдатель; он теоретик, причём очевидно склонный к систематизации. А умы такого склада, несомненно, принося пользу наукам наблюдения, напоминают Пирра, который, шагая рядом с Андромахой, «опьянялся наслаждением одного её вида». Их теория для них как возлюбленная, и они любят её страстно; а страстная любовь всегда сильно возбуждает воображение.

Мистер Дарвин, таким образом, выдвинул гипотезу, что не только все животные, но и все растения могли произойти от одного и того же первичного типа, от одной и той же живой клетки. Это предполагает, что изначально существовал только один вид, обладавший элементарным и крайне неопределённым строением, от которого все живые существа произошли по порядку обычного размножения. Дуб и дикий кабан, поедающий его жёлуди, кошка и блоха, живущая в её шерсти, — все они имеют общих предков. Семья, первоначально единая, разделилась под влиянием почвы, климата, пищи, влажности, образа жизни и благодаря естественному отбору, который сохранял и накапливал благоприятные изменения организма.

Мистер Дарвин, повторяю, кажется мне человеком, склонным к систематизации, но я не заключаю из этого, что он обязательно ошибается. Вопрос в другом: какого мнения мы должны держаться о его теории с точки зрения опытной науки? Профессор Оуэн не признаёт её ценной; мсье Агассис вовсе её не принимает; и даже не покидая Европы, можно было бы спросить мсье Пикте, который ответил бы, что, судя по тем экспериментальным данным, которые у нас есть на данный момент, эта теория остаётся гипотезой, не подтверждённой наблюдением фактов. Мы предоставим этот спор натуралистам. Что в конечном итоге останется в науке от этой системы? Ответ на этот вопрос принадлежит будущему, просветлённому опытом и применением разумной индукции. А каково отношение между этими систематическими воззрениями и вопросом о Творце? Вот единственный предмет нашего исследования.

Мнения английского натуралиста (имеется в виду Дарвин) весьма сомнительны в важных вопросах религиозной философии. Я уже указывал вам на путаницу его идей, особенно в отношении естественного отбора. В самом тексте своей книги он допускает, в частном случае жизни, вмешательство Творца для создания первого живого существа, и упоминает человека лишь вскользь, что заметят только внимательные читатели. Если не вглядываться глубже, можно сказать, что Дарвин остаётся в рамках естественной истории. Поэтому я и говорил о философских заблуждениях, которые возникли после его книги. Вот эти заблуждения:

Во-первых, естественный отбор был принят за причину, или скорее — как избавляющий от необходимости в причине, из-за путаницы в понятиях, за которую отвечает сам автор. Система стала пониматься так, будто организмы возникли без плана, без замысла, только в результате случайных модификаций, медленно накопленных. Божественный разум и творческая сила казались исчезающими из устройства вселенной, особенно под влиянием времени и медленных физических причин. Но в тот момент, когда система стала «парить ввысь», появились два «идола» — Творец в начале всего, и человек как высшее создание природы, которые парализовали её полёт. Однако после Дарвина появились ученики, которые ставят под сомнение авторитет мастера, говоря что-то вроде: «Ты, наш учитель, не доводишь свои взгляды до конца; ты улавливаешь комаров, а глотать верблюдов. Труднее видеть в живой клетке преобразование материи и в человеке — преобразование обезьяны, чем указывать губку в качестве предка лошади. Свалите своих идолов и признайте, что

материя, время и обстоятельства — источник всего». Материя, время, обстоятельства — вот новые боги.

Это, господа, философия в прямом смысле слова, которая тщетно ищет опору в наблюдении фактов. Жоффруа Сен-Илер, соперник Кювье, высказывал похожие взгляды, но в ответ на критику говорил, что его теория — «одна из самых славных проявлений творческой силы, и дополнительный повод для восхищения, благодарности и любви». Таким образом, системе могут даваться разные толкования. Я хочу показать, что эти толкования всегда исходят из соображений, внешних самой системе. Система сама по себе, как теория естественной истории, никак не вредит духовной истине.

Чтобы убедительно доказать это, я предположу, что гипотезы самых радикальных последователей Дарвина будут экспериментально подтверждены. Я приму, что доказано: все растения и животные произошли по обычному рождению от живых клеток одного типа, и что частицы материи на планете в определённый момент объединились, образовав эти клетки. И что тогда? Станет ли Бог излишней гипотезой? Логически ли вытекают из этого атеистические выводы? Конечно, нет.

Сначала я отмечаю, что существует великий вопрос начала всего. Материя совершенствуется и организуется с течением времени, но откуда сама материя? Она тоже формируется постепенно? Становится ли небытие бытием постепенно? Так говорится во вступлении к французскому переводу книги Дарвина. Но это уже высшая метафизика, и я оставляю этот вопрос.

Если время — фактор всех изменений по необходимому закону, то эта необходимость должна быть везде одинаковой. Все ли элементы материи одного возраста? Если да, то почему некоторые следуют закону прогресса, а другие нет? Почему этот ил и этот уголь остаются илом и углём веками, а другие молекулы вознеслись до жизни? Почему эти моллюски остаются моллюсками поколение за поколением, а другие, благополучно преобразовавшиеся, постепенно поднялись по лестнице до человека? Откуда происходит эта «аристократия» природы? Являются ли «низшие» существа лишь младшими членами вселенной, которым тоже предстоит подняться по ступеням? Следует ли признать, что происходит непрерывное возникновение не только живых клеток, открывающих новые поколения, но и новой материи, которая, начиная с самых примитивных форм, начинает эволюцию, ведущую к жизни?

Подобных тезисов никто не выдвигает и объясняет разнообразие вещей «обстоятельствами». Но откуда берётся разнообразие обстоятельств в мире, где всё происходит по роковой необходимости без вмешательства воли и разума? Это замечание Ньютона. Внимательно изучите системы материализма: их авторы заявляют, что обращаться к Богу, чтобы объяснить вселенную, — детская идея, недостойная науки, так как всё должно объясняться фиксированными законами; а потом вы увидите, что они всегда, в затруднительных случаях, обращаются к «обстоятельствам» — удобным «божествам», которых вызывают на помощь.

Но мы не будем настаивать на этих предварительных рассуждениях. Ради аргументации мы допустили, что все организованные существа произошли путём размножения от клеток, которые внешне выглядели одинаково. Естественная история не может доказать, да и не пытается доказать ничего большего. Давайте перенесёмся мысленно к тому моменту, когда вершины материков впервые начали подниматься из-под первобытного океана. Мы видим, как на полуосушённых участках земли, при определённых условиях тепла и электричества, частицы материи соединяются и образуют зачатки организмов, которые мы называем живыми клетками. Эти клетки обладают удивительным свойством самовоспроизводства и не менее удивительным свойством передавать своим потомкам благоприятные изменения, которые с ними произошли.

Одно поколение сменяет другое; постепенно возникают отдельные ветви. Появляются новые характеристики; организмы усложняются, а усложняясь, расходятся. Растительное отделяется от животного; растение, которое станет пальмой, отделяется от дуба, который ещё только формируется; предок будущей птицы уже отличается от предка рыбы. Мы следим за этим великим зрелищем. Проходят века, проходят тысячи и миллионы лет, десятки миллионов. Мы не будем экономить время — воображение скорее устанет его представлять, чем разум исчерпает его.

И чем же мы, наконец, окажемся награждены? Вселенной в том виде, в каком она существует последние несколько тысяч лет; миром с его растениями тысяч форм, сгруппированными по классам и родам; с семействами животных, с взаимосвязями между животными и растениями, с бесчисленными гармониями природы. Выберем один пример, чтобы сосредоточить на нём внимание. Пусть это будет козочка — Поднявшаяся на благоухающий ракитник...

Это подойдёт, хотя ракитник (цитизус), если я не ошибаюсь, не пахнет, разве что у Ламартина в стихах. Представим себе ракитник с его поникшими жёлтыми кистями, и козу, сгибающую гибкие ветви, поедая листья. Вот перед нами ничтожная деталь в великом лоне природы. Подойдём ближе, и, чтобы восполнить своё незнание, возьмём с собой натуралиста, который будет отвечать за нас на вопросы, возникающие при этом простом зрелище. Что мы теперь имеем перед собой? Взаимосвязь устройства животного организма с растениями, которыми оно питается. В устройстве и функциях этих двух живых существ, в равновесии и движениях их тел, в циркуляции сока и крови мы видим применение сокровенных законов механики, физики и химии.

Далее, в их связи с землёй, которая их носит, с воздухом, которым они дышат, с солнцем, которое их освещает, с теплом и светом, с влагой воздуха и его электричеством — во всём этом мы видим всеобщие связи, соединяющие между собой части вселенной до мельчайших её деталей. В этом простом зрелище — взаимосвязи, равновесие вещей, гармония, поддерживающая всеобщую жизнь, — разум, проявляющийся в устройстве существ, в чертах, разделяющих их, в классах, объединяющих их, во взаимосвязях этих классов между собой; чудеса разумного замысла, которые науки, которыми мы так гордимся, всё ещё только начинают по буквам разбирать, строка за строкой, в неисчерпаемых глубинах. Вот что мы повсюду находим. А теперь вернёмся к нашим исходным клеткам.

Все живые существа, населяющие поверхность земного шара, материально состоят из элементов вещества земли. Следовательно, появление первых живых существ могло бы представлять собой лишь соединение некоторых элементов почвы; но это не предмет обсуждения. Первичные клетки внешне были одинаковы. Их можно было бы взвесить, вскрыть скальпелем, рассмотреть под микроскопом — и они не показали бы различий; хорошо, я это допускаю: это то допущение, на которое мы согласились. Поэтому они были одинаковы, скажете вы.

Я это отрицаю, и вот моё доказательство: если бы клетки действительно были одинаковы, они не дали бы в ходе развития своих поколений таких различных существ, которые населяют мир, и тех связей, которые их объединяют. Хоть они и казались одинаковыми для ваших глаз, клетки различались скрытым свойством, которое проявилось в их развитии. Вы рассказали мне как исторический факт, как организация мира проявлялась постепенно; но вы не дали мне объяснения причины этой организации.

На это возражают: «Мы знаем происхождение тех процессов развития, которые вы приписываете предполагаемому разуму. Живые существа изменяются под действием пищи, климата, почвы, образа жизни. Сначала происходят незначительные изменения; но эти изменения закрепляются и накапливаются; и там, где вы видите замысел, типы и виды, —

на самом деле имеется лишь результат медленно накапливавшихся изменений. У природы в распоряжении — бесконечные периоды времени, и всё появлялось своевременно, в течение веков». Они всегда предлагают нам время вместо разума. Мне хочется сказать словами Алкестиды: «Господа, время тут ни при чём».

Вы знаете, что такое разум; вы знаете это, зная самих себя. Есть ли разум во вселенной или нет? Позвольте мне повторить старые вопросы: если машина предполагает наличие разума, то разве вселенная его не предполагает? Если телескоп требует ума у оптика, разве глаз не требует ума у его Создателя? Для выведения нового сорта камелии или новой породы свиней садоводу или скотоводу нужно длительно и терпеливо трудиться с разумом; и разве можно объяснить всё растительное и животное царство без вмешательства разума? И если во вселенной есть разум, то, что это за разум? Является ли он химическим продуктом соединения молекул? Физическим результатом теплоты или электричества? Напрасно вы даёте материальным агентам бесконечное время; что имеет здесь общее время? Будь то мир, возникший мгновенно из ничего, или же возникший медленно за тысячи веков — вопрос остаётся тем же самым: откуда разум?

С материей и временем вам не удастся произвести разум; это было бы трансцендентным алхимическим чудом, совершенно выходящим за пределы человеческой силы. В теории «медленных причин» прилагательное («медленных») поглощает существительное («причин»): кажется, будто причины от самой своей медленности становятся ненужными. Одного дыхания разума достаточно, чтобы разрушить, как карточный домик, все сооружения этой ошибочной и неверно названной науки. Время имеет лишь относительное значение. Мы считаем продолжительность долгой или короткой, исходя из длины человеческой жизни. Но есть насекомые, которые рождаются утром, достигают зрелости к полудню, и лишь единицы доживают до вечера, будучи патриархами своего рода. Разве трудно вообразить существ, организованных для такого существования, при котором наши века будут для них мгновениями, а столетия, сложенные вместе, будут часами? Представим, что такое существо смотрит на наши геологические эпохи — для него «медленные причины» покажутся быстрыми, и вопрос о разуме будет для него таким же, как и для нас.

Очевидно, что нам предлагают возродить культ древнего Хроноса, которому античные народы возводили храмы. Давайте посмотрим этому идолу прямо в лицо. Время сначала представляется нашему воображению как Великий Разрушитель. Он вооружён косой, худ и лыс, шествует по развалинам всего жившего. Когда он возвышает свой голос и восклицает:

Сто народов, славных в повести,
Я низверг в пучину мглистую,
И вас поглотит без милости
Та тьма, что вечность зовут.
Я скрыл своей тенью беспечной
Звёзды, исчезнувшие навек… —
О, пощади, — вскрикнула девочка, —
Старик, пощади нашу любовь!»

Таково первое впечатление от времени. Но за смертью приходит рождение. Из неисчерпаемого источника природа вновь и вновь рождает новые создания и новые развития. Юность, полная надежд, легко ступает по земле, даже не задумываясь о том, что эта земля — огромное кладбище всех минувших поколений. Если сосредоточить мысли на постоянстве жизни и проявлениях прогресса, время покажется Великим Творцом. Разрушитель всего сущего — и Творец всего грядущего — время имеет два лика. Это загадочный прилив, то поднимающийся, то отступающий; это и сила смерти, и сила жизни.

Но всё это, господа, — только игра воображения. Для спокойного разума время — лишь отрицательное условие любого развития, так же как пространство — отрицательное условие

всякого движения. Как бесконечное пространство без тел и сил не может породить никакого движения, так и без действия причин бесконечные века не могут произвести ни одного атома вещества, ни одного элемента разума. Время — лишь сцена для жизни и смерти; оно не даёт ни рождения, ни гибели.

Борьба, которую мы ведём сейчас с философами-материалистами, стара как сама наука и велась почти теми же словами более двух тысяч трёхсот лет назад. Около пятисот лет до Рождества Христова в Клазоменах, городе Ионии, родился сын Евбула, который станет известен под именем Анаксагора. Он поселился в Афинах, и афиняне дали ему славное прозвище — «Разум» (Νοῦς). За что? В то время преподавались учения, объяснявшие происхождение мира постепенными превращениями материи, которая якобы сама по себе постепенно поднимается до жизни и мышления без участия какого-либо разума. Философ Анаксимандр утверждал, что первые животные произошли из водной стихии и постепенно изменялись, приспосабливаясь к жизни в более сухих местах, так что человек — это, дескать, лишь рыба, медленно преобразовавшаяся.

«Я готов согласиться, — ответил Анаксагор, — но для ваших превращений необходим принцип, который будет их превращать. Материя — это, конечно, материал мира; но она не могла бы породить вселенский порядок иначе как будучи управляемой разумом». Афиняне восхитились этим открытием. Для нас, господа, это открытие сделано давно. Поэтому давайте не будем говорить в этом споре о «современной науке» и «свете века». Наша естественная история намного ушла вперёд по сравнению с греческой, но главный вопрос остался прежним: проявляет ли природа участие направляющего разума, или мы видим в ней только случайное скопление атомов?

Разум сияет с лица природы, и напрасно люди стараются скрыть его блеск. Тем не менее, я готов забыть всё, что было сказано до сих пор, чтобы опереться на единственный довод, который сам по себе достаточно силён для нашей сегодняшней цели. Наша цель — доказать, что материальная наука не содержит объяснения всех реальностей вселенной. Даже если бы им удалось убедить нас, что в природе нет разума, всё равно осталось бы объяснить происхождение разума, который есть в нас, и существование которого нельзя отрицать. Откуда происходит ум, который мы имеем внутри себя?

Сначала давайте обратим внимание на одно удивительное противоречие. Те учёные, которые делают человеческую душу простым проявлением материи, — это те же самые, которые хотят объяснить природу без участия Божественного разума. Чтобы не замечать замысла, проявляющегося в устройстве мира, они с особым удовольствием ищут в природе недостатки и указывают на её несовершенства. Но всё же они не берутся сделать мир лучше; они бы не взяли на себя ответственности исправить законы жизни или направить течение времён года. Они не говорят: «Мы могли бы сделать лучший мир», — но говорят: «Мы можем вообразить мир, более совершенный, чем этот». А что мы на это отвечаем? Только вот что: «Вы правы». Природа — не высшее совершенство, и потому мы не будем её обожествлять.

Как бы ни была восхитительна видимая вселенная, у нас есть способность воображать большее и лучшее. Мы понимаем, что атмосфера могла бы быть чище, чтобы штормы не топили корабли, а молнии не вызывали пожары. Мы мечтаем о вершинах гор, более величественных, чем наши Альпы, о водах более прозрачных, чем кристаллы наших озёр, о долинах более свежих и мирных, чем самые прекрасные, скрытые среди наших холмов. Зрелище природы пробуждает в нас мысль, а чувство красоты увлекает нас в погоню за идеалом, который превосходит всякую реальность. Природа не совершена: признаем это честно и сделаем из этого надлежащий вывод. Река не может подняться выше своего истока. Если человек способен представить идеал, превосходящий природу, значит, он сам не может быть простым продуктом природы. Как же можно одновременно утверждать, что

наш дух превосходит все окружающие его реальности, и при этом говорить, что у него нет источника выше этих реальностей?

Послушайте, что сказал по этому поводу серьёзный мыслитель Монтескьё: «Те, кто говорит, что слепая необходимость породила всё, что мы видим в мире, — говорят великую нелепость; ибо, что может быть нелепее, чем слепая необходимость, которая породила бы разумных существ?»

И не ограничиваясь этим простым и весомым аргументом, давайте посмотрим, как они собираются объяснять человека природой. Для этого нам придётся рассмотреть теорию совершенной обезьяны, которая, благодаря лекциям профессора Фогта и остроумным возражениям М. де Ружмона, недавно произвела немало шума, спустившись с гор Невшателя.

Один знаменитый оратор однажды сказал французскому собранию: «Я говорю долго, господа; но это по вашей вине: ведь я рассказываю о вашей славе». Разве я не вправе сказать вам: «Я говорю долго, господа, но оно того стоит: речь идёт о нашем собственном достоинстве».

Человек — совершенная обезьяна! Перед тем как приступить к непосредственному рассмотрению этой теории, я должен сделать три предварительных замечания.

Прежде всего, это определение нарушает первый и самый важный закон логики. Всегда нужно определять неизвестное через известное. Это элементарное правило. Что такое человек, я знаю. Думать, хотеть, радоваться, надеяться, бояться — это функции умственной жизни. Эти слова обозначают ясные идеи, потому что они непосредственно вытекают из нашего личного сознания. А вот что такое душа обезьяны? Природа животных — это тайна, которая, возможно, вообще неподвластна решению, и которая, во всяком случае, окутана глубочайшей тьмой, потому что животное является для нас промежуточным звеном между механизмом природы и функциями духовной жизни — а именно эти два понятия являются для нас единственными действительно ясными и отчётливыми. Следовательно, определять человека через обезьяну — значит определять ясное через тёмное.

Моё второе замечание вот какое: если утверждается, что существует лишь один вид, включающий всех животных и человека, так что человек — это всего лишь изменённая обезьяна, а обезьяна, в свою очередь, — лишь усовершенствованное животное, тогда, как только мы признаём реальность человека, мы приходим к следующему результату: все животные вообще — это лишь недоразвитые формы человечества, живые эмбрионы, которые, не дождавшись полного развития, тем не менее, обладают способностью жить и размножаться. Животное тогда — это незавершённый человек — теория, которая порождает большие трудности, но которая серьёзнее и понятнее, чем доктрина, утверждающая, что человек есть венец эволюции обезьяны.

На самом деле, — и это моё третье замечание, — если уж принимается та теория, которую я сейчас рассматриваю, нужно довести её до конца и ясно увидеть, к чему она приводит. Говорят: человек — это завершённая обезьяна. Обезьяна — это усовершенствованное какое-то четвероногое животное, а это четвероногое — усовершенствованное другое, и так далее. Мы должны логически опуститься по неизбежной цепи до самых элементарных проявлений жизни, и, наконец, к материи. Если не признать, что чистая материя — это человек в спящем состоянии, тогда придётся признать, что человек — это смесь углерода, кислорода, водорода, азота, фосфора, смесь, которая постепенно совершенствовалась.

Вот к какому итоговому выводу приводит та теория, которую мы разбираем; и есть такие теоретики, которые открыто и ясно это признают. А что происходит при этом в умах этих учёных? Когда нужно изгнать Бога из природы, Творческий Разум растворяют в тысячах

веков. Когда хотят избавиться от реальности разума в человеке, стараются разложить человеческий разум на длинный ряд изменений, которые якобы сделали возможным рождение жизни из материи, появление высших животных из простейших организмов, а человека — из животного.

Не дайте себя поймать в эту ловушку. Твёрдо держитесь того, что какова бы ни была степень разума, воли, духовного начала, которые могут быть у животных, если эти элементы действительно в них есть, они требуют объяснения причины своего происхождения, и их нельзя, не впав в огромную путаницу, считать простым усовершенствованием материи. Ведь вещь, совершенствуясь, всё больше и больше реализует саму свою собственную идею, а не превращается в другую вещь. Совершенная обезьяна была бы самой совершенной обезьяной, а не человеком. Оставим животных в той темноте, в которой они пребывают для нашего разума, и поговорим о том, что для нас менее не ясно.

Наше духовное существование — это факт; из всех фактов он самый известный нам, это тот факт, без которого не было бы ни одного другого факта для нас. И откуда происходит наш дух? На этот вопрос естественная история не даёт ответа. И это легко понять, даже если мы вновь дадим естествознанию всё, что оно может по праву себе присвоить, пусть даже в преувеличенной форме, как это делают наши оппоненты. Предположим, что доказано, будто в историческом развитии природы у человека матерью была обезьяна. Я это допускаю, допускаю вполне серьёзно, чтобы выяснить, какое влияние окажет эта гипотеза на обсуждаемый нами вопрос.

Если бы все обезьяны были окаменелостями, и если бы у нас была естественная история, также окаменелая, рассказывающая нам о нравах и обычаях этих животных; если бы дикари, которых называют ближайшими соседями обезьян, тоже были окаменелостями, мы бы тогда действительно столкнулись с постепенным и непрерывным развитием существ, и для невнимательного ума всё легко объяснялось бы медленным и постоянным действием времени. Но дело обстоит иначе. Все элементы природы находятся перед нашими глазами, от неорганической материи до человека. Мы не видим, чтобы время могло сделать дикарей цивилизованными, а тем более обезьян — людьми.

Весной этого года я был в парижском Ботаническом саду, размышляя о вопросе, который мы сейчас обсуждаем, и внимательно посмотрел на обезьян. «Ну что, — сказал я себе, — узнаёшь ли ты в них своих предков?» — Вопрос был поставлен неверно. Обезьяны не могут быть нашими предками, поскольку они живут одновременно с нами; они могут быть только нашими кузенами, и, кажется, они старшая ветвь, потому что лучше сохранили первобытный тип. Но давайте говорить серьёзно. Роды обезьян живут столько же или дольше нас: это не время и не климат сделали из них людей. Запомните, прошу вас: слова «время» и «прогресс» ничего не объясняют. Должны были быть особые обстоятельства, чтобы превратить вещество земли в живые клетки, а живые клетки — в ясно различимые растения и животных; и точно так же должно было быть нечто особое, чтобы превратить обезьяну в человека. И знаете, я действительно так думаю, и это особое обстоятельство стоит изучить внимательнее.

Человек имеет признаки, которые глубоко отличают его от животных, и никто этого не оспаривает. Он обладает речью, он способен к религии, он проявляет разнообразные явления цивилизации, в то время как животные сменяют друг друга из поколения в поколение в неизвестной тьме жизни, которая всегда остаётся одной и той же. Предположим, что человеческие проявления появились сначала в очень элементарной форме — в зачатках языка и религии (хотя историческая наука этого не подтверждает); но допустим: в какой-то момент одна из ветвей обезьяньего рода проявила зачатки — пусть самые слабые, но реальные — новых явлений. Одна разновидность обезьян оказалась

наделена речью, стала религиозной, способной к цивилизации, а другие разновидности этого рода не проявили таких признаков, хотя у них было столько же времени на развитие.

Посмотрите внимательно на ход моего рассуждения. Заметьте хорошо, противопоставляю ли я теории фактам, заменяю ли ораторские приёмы — доводами? Я допускаю даже те гипотезы, которые якобы лучше всего противоречат моим тезисам. Я предполагаю, что естественная история неопровержимо доказывает, что первый человек зародился в недрах обезьяны. И я спрашиваю: Что же это была за причина, которая выделила из животного мира ветвь, проявившую совершенно новые явления? Что это была за причина? Та обезьяна — родоначальница нашей расы, которая однажды заговорила среди своих братьев-обезьян, среди которых отныне она была одинока; та обезьяна, что поднялась в чувстве собственного достоинства, посмотрела в небо и сказала: «Боже мой!», и, уйдя в себя, сказала: «Я!» — та обезьяна, у которой, в то время как остальные обезьяны продолжали просто рожать потомство, появились сыновья, которых она прижимала к сердцу как своих детей; эта обезьяна — что мы можем о ней сказать? Какой климат? Какая почва? Какое питание? Какая температура? Какая влажность? Какая засуха? Какой свет? Какая комбинация фосфора?

Какое выделение электричества отделило от животных не только человека, но и целое человеческое общество — человечество со всеми его противостояниями, падениями, подъёмами, скорбями и радостями, слезами и улыбками; человечество с его искусствами, науками, религией, всей его историей, его надеждами на бессмертие? Эта обезьяна — что мы о ней скажем? Разве вы не видите, что над ней пронеслось дыхание Духа, и что Бог сказал ей: «Вот, ты создан по образу Моему; вспомни Отца твоего, Который на небесах»? Разве вы не видите, что даже если мы уступим все доводы натуралистов, вопрос снова встаёт во всей полноте? Когда, благодаря путанице и софизмам, эти теоретики воображают, что они уничтожили Разум, сияющий в природе, этот Разум вновь встречает их в самом человеке — и там, как в неприступной крепости, разбивает все их атаки.

Вот где настоящая проблема. Сформировал ли вечный Бог тело первого человека непосредственно из праха земного, или же Он сформировал его медленно, через долгие века, проведя его через длинную цепь животного существования — вопрос серьёзный, но второстепенный. Главный вопрос: являемся ли мы всего лишь случайным продуктом встречи атомов, или же есть в нас сущность, природа, душа, реальность, с которой может быть связано другое будущее, отличное от распада могилы? Есть ли другая надежда, кроме аннигиляции, как последнего аккорда наших скорбей, или — для тех, кто стремится к славе — лишь того мимолётного воспоминания, которое время уносит вместе со всем остальным?

Вот в чём вопрос. Не позволяйте его заглушить подробностями физиологии и исследованиями естественной истории, которые не могут ни решить, ни даже коснуться проблемы. Если вы когда-нибудь встретите одного из этих философов материи, скажите ему вот что: «Есть один факт, который опровергает всю твою теорию и он достаточно силён, чтобы сокрушить её: этот факт — это я сам!» И так как, чтобы победить материализм, достаточно хорошо понять хотя бы одну мысль разума, один порыв духовного сердца, одно движение совести, смело добавьте словами Медея из Корнеля:

Я — и этого довольно.

Действительно, природа не объясняет человека, и к этому выводу сводится всё, что я сказал вам сегодня.

† † †

Краткий обзор четвертой лекции вернуться к содержанию >>>

Автор рассматривает природу — как видимую вселенную, как объект науки, как духовный вопрос — и спрашивает:

— Что говорит нам природа о Боге?
— Может ли она заменить религию?
— Является ли она безмолвной или говорит о Творце?

Лекция строится как философско-богословское размышление о роли природы в формировании или разрушении веры.

1. Очарование природы
   - Природа — величественна, прекрасна, гармонична.
   - Она вызывает восхищение, вдохновляет поэзию, искусство, науку.
   - Многим людям кажется, что в природе уже есть всё, что нужно для духовной жизни.
   - «Они говорят: зачем мне религия, если я созерцаю лес, небо, звёзды и чувствую нечто великое?»
2. Можно ли найти Бога в природе?
   - Да, можно почувствовать присутствие Божественного — в величии мироздания, в его порядке, в его законах.
   - Но это лишь интуиция, намёк, символ, а не откровение.
   - Природа не говорит ясно и с любовью, она не открывает Личности, не даёт ответа на страдания, смерть, совесть.
3. Природа — не Бог
   - Он категорически отвергает пантеизм (отождествление природы и Бога).
   - Природа — творение, а не Творец.
   - Она равнодушна: даёт жизнь, но и убивает; вдохновляет, но и разрушает.
   - Бог в христианстве — не безличный закон, а личность, любовь, отец.
4. Недостаточность природы
   - Природа не говорит нам, что есть добро и зло. Она не знает прощения, долга, сострадания.
   - Она может тронуть чувства, но не пробуждает совесть.
   - Её порядок — это не мораль, а механизм.
   - «Природа может внушить трепет, но не научит любить ближнего».
5. Наука и природа
   - Наука изучает природу, но в её рамках нет места для духовного: всё — причина и следствие, закон и механизм.
   - Однако само существование законов, порядка, логики предполагает Разум.
   - В этом — путь от природы к Богу: не через науку как таковую, а через удивление, трепет, поиск Личности за явлением.
6. Религия и природа — не враги
   - Христианство не отвергает природу, а воспринимает её как творение Отца.
   - Природа — врата, но не дом. Она может пробудить стремление к Богу, но не заменить откровения и молитвы.
7. Природа и страдание
   - Самый сильный аргумент против обожествления природы — страдание.
   - Природа не утешает умирающего, не прощает преступившего, не слушает молящегося.
   - Лишь вера в Бога-Отца даёт ответ там, где природа молчит.

Природа — это зеркало красоты, порядка, силы, но она не говорит с душой напрямую, не открывает любви и не утешает. Природа может быть путём к Богу, но никогда — Его заменой. Бог — не механизм, а Отец, и только в Нём человек находит смысл, которого не даёт мир, каков бы прекрасным он ни был.

ЛЕКЦИЯ V — ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

вернуться к содержанию >>>

(Женева, 1 декабря 1863 г.)

Господа, Человеку необходим Бог. Если только он не опустился до самой низкой степени деградации, ему не удаётся полностью заглушить в себе тот инстинкт, который побуждает его искать своего Творца. Ложная мудрость пытается утолить эту жажду, которую только истина способна удовлетворить; но ложная мудрость бессильна и постоянно разоблачает саму себя какими-нибудь вопиющими противоречиями. Вот вам любопытный пример этого:

В книге, которая была знаменита в прошлом столетии и которую называли евангелием атеизма, барон Гольбах объясняет происхождение вселенной следующим образом: «Вселённая, это огромное собрание всего существующего, всюду являет нам лишь материю и движение. Природа есть великое целое, возникающее в результате соединения различных материальных субстанций, их разных комбинаций и различных движений, которые мы наблюдаем во вселенной». Вот вам ясная доктрина: всё, что существует, включая душу, есть не что иное, как материя в движении. Я открываю книгу в начале, читаю это, затем дохожу до конца, и вот итог: «О природа! владычица всех существ! и вы, её обожаемые дочери — добродетель, разум, истина! — да будете вы навеки нашими единственными божествами; вам должны возноситься фимиам и хвала всей земли».

Если попробовать перевести этот род гимна на язык, согласованный с определениями самого автора, мы получим вот что: «О материя в движении! владычица всех движущихся материальных субстанций! и вы, добродетель, разум, истина, которые суть лишь различные названия движущейся материи, да будете вы единственными божествами той движущейся материи, которой являемся мы сами».

И между тем этот автор вовсе не был глупцом. Что же происходило в его уме? Он выдвигал тезис материализма: тела в движении — единственная реальность. Но ведь он был человеком. Жажда поклонения не была уничтожена в его душе, и он обманывал самого себя. Он определил природу как состоящую исключительно из материи, но, приступая к её обожествлению, забывал своё собственное определение. Это было с его стороны не сознательное жонглирование понятиями, а естественное проявление состояния человеческой природы, которая всегда разоблачает ложность ошибочных систем, так или иначе, с одной или с другой стороны. Человеку не дано держаться в заблуждении до конца. Тот, кто отрицает Бога, всегда неизбежно будет что-то обожествлять; и всякое поклонение, которое не обращено к Вечному и Бесконечному Разуму, неминуемо оказывается погружённым в вопиющие противоречия.

Вот вам современный пример. Мы были немало удивлены, когда недавно увидели, как Эрнест Ренан вполне определённо отрицает бессмертие личности, а в предисловии к той же самой книге, где содержится это отрицание, мы нашли, как он взывает к душе своей сестры, покоящейся с Богом. В другом месте этот же автор заявляет, что Бытие бесконечного не существует, что абсолютный разум и абсолютная справедливость существуют только в человечестве, и завершает изложение своих воззрений молитвой к Небесному Отцу. Барон Гольбах расположил 839 страниц между своим материалистическим определением вселенной и воззванием к природе. Сегодня всё делается быстрее; господин Ренан помещает между своим отрицанием Бога и молитвой к Отцу Небесному всего несколько страниц в Revue des Deux Mondes.

За исключением этого различия, которое, пожалуй, играет в пользу автора XVIII века, суть одна и та же. Философ провозглашает Бога вымыслом, будущую жизнь — иллюзией; но человек протестует, и по трогательной иллюзии сердца человек, у которого, согласно его собственному учению, нет ни Бога, ни надежды, всё же обретает сестру в вечных обителях и Отца на небесах. Нельзя не признать, что особенно в литературных произведениях,

рассчитывающих на модную популярность, немалую роль играют искусная подача, осторожность, уступки общественному мнению. Но даже этим объяснить невероятные противоречия Гольбахов и Ренанов невозможно, если не признать за этим действие той потребности в Боге, которая проявляется даже в самых далёких заблуждениях человеческой мысли внезапными и резкими возвращениями к истине.

Иллюзия, которая обожествляет материю в движении, достаточно груба. Она принадлежит только тем умам, которых Цицерон с аристократическим высокомерием римского патриция называл «плебеями философии». На самом деле не нужно большого размышления, чтобы понять, что истина, красота и добро — это не атомы и не движение атомов. Попытка, которой мы собираемся посвятить сегодняшнее занятие, — обожествить самого человека, — гораздо более тонкая. Давайте, прежде всего, разберёмся, откуда происходит это странное поклонение, которое человечество воздаёт само себе.

Природа, рассматриваемая отдельно от существ, которые воспринимают её чувствами, не имеет ни тепла, ни света. В мире, населенном одними слепыми, света бы не существовало даже как понятия. Если бы все люди были лишены способности ощущать, идея тепла не имела бы никакого смысла. Свет и тепло, рассматриваемые как существующие в материи сами по себе, без связи с чувствующими существами, являются, по мнению наших естествоиспытателей, лишь определёнными движениями. Точно так же, если бы природа была лишена всякого зрителя, красота бы не существовала; если бы не было нигде никакого разума, то и истины не существовало бы. И вновь, если бы не существовало воль, добро, которое есть не что иное, как закон для воли, было бы словом, лишённым всякого смысла.

Красота выражает объект восприятия души. Истина обозначает качество суждений разумных существ. Добро (я говорю о нравственном добре) выражает определённое направление свободной воли. Нет никакой возможности вывести из природы или из материи свойства духовного существа. Это достигается только при помощи воображаемых превращений, сплошного философского жонглирования. Пламя не чувствует собственного жара, свет не видит самого себя, планеты не знают законов Кеплера.

Материализм — результат совершенно неуместной скромности, которая заставляет человека забывать о самом себе, чтобы приписать природе, без всякого основания, те реальности, которые существуют только в духовных существах, связанных с природой чудесной гармонией. Чтобы объяснить вселенную, нужно подняться выше движущихся атомов и войти в более высокий мир, где истина, красота, добро становятся предметами размышления. Истина, красота, добро ведут ум к Богу, своему вечному источнику. Но есть философия, которая пытается остановиться на полпути восхождения по Божественной лестнице и думает удовлетвориться созерцанием истины, красоты и добра, не связывая их с их причиной.

Эта философия рассматривает истину, красоту, добро как идеи, существующие сами по себе, без Верховного Разума, Которому они принадлежат как проявления. Поэтому её и называют идеализмом. Но представлять себе идеи без разума, идеи, существующие сами по себе, — это невозможно; такие представления — лишь пустые слова. Мы уже выдвигали этот тезис; давайте подтвердим его примером.

Один французский литератор, г-н Тэн, пытается объяснить, каким образом вселенную можно объяснить без ссылки на Бога и лишь посредством чистой идеи. Послушайте внимательно — не чтобы понять, а чтобы удостовериться, что понять это невозможно: «Вселённая составляет одно единственное, неделимое существо, все существа — его члены. На высочайшей вершине всего сущего, на крайней высоте светлого и недосягаемого эфира произносится вечная аксиома; и продолжительное звучание этой творческой формулы, распространяющееся бесконечными волнами, составляет необъятность

вселенной. Всякая форма, всякое изменение, всякое движение, всякая идея — это лишь один из её актов». Les philosophes français du XIXe siècle, глава XIV.

Г-н Тэн человек остроумный, и элементы комизма порой проскакивают в его философских сочинениях; но в приведённых словах он, по-видимому, вполне серьёзно пытается изложить систему, которая заменяет Бога идеей. Попробуйте теперь сформировать себе ясное представление о вселенной, состоящей из волн аксиомы. Понимаете ли вы, как аксиома может волноваться и как небо и земля — это лишь волны аксиомы? Даже делая скидку на риторику и образы, можете ли вы понять, что такое акты аксиомы и как аксиома произносит саму себя, будучи непроизнесённой? Вы не понимаете, как не понимаю этого и я.

Подобные доктрины, как мы уже говорили, могут быть уделом лишь немногих мыслителей, которые настолько увлеклись абстракциями, что утратили чувство реальности. Для подавляющего большинства людей истины, красота, добро существуют только в человеческом разуме, где мы их осознаём; и тогда идеал или Бог становится не чем иным, как образом самого человека, созерцающего себя самого в некоем миражном отражении. Так постепенно из высоких теорий идеализма рождается поклонение человеком самому себе. Давайте теперь перейдём к рассмотрению этого культа, который сейчас восхваляют в различных уголках интеллектуального мира.

Открываю Revue des Deux Mondes за 15 февраля 1861 года. Так как автор статьи, на которую я ссылаюсь, по-видимому, допускает, что одно утверждение не более истинно, чем другое, ему противоположное, мы не будем настолько наивны, чтобы спрашивать, принимает ли он мнения, которые излагает. Он представляет нам в виде краткого очерка главные тенденции современного ума. Современный ум здесь характеризован одним из его явных сторонников; поэтому вы не будете считать карикатурой ту картину, которую он рисует. Вот мысли современного ума: «Существует только одна бесконечность — бесконечность наших желаний и стремлений, наших потребностей и усилий. Истина, красота, справедливость непрестанно возникают; они вечно находятся в процессе самоформирования, потому что они — не что иное, как человеческий разум, который, раскрываясь, находит и узнаёт самого себя».

Это лишь французский перевод той фразы, которая сделалась знаменитой в Германии: «Gott ist nicht, er wird» (Бог не есть; Он становится). То, что мы называем Богом, — это человеческий разум. Что было в начале всего? — человеческий разум, который ещё не знал себя. Что будет в конце? — человеческий разум, который, раскрываясь, узнает себя и будет поклоняться себе как верховному Богу. Если это и есть конечная цель вселенной, то, по мнению этих философов, конец всего уже недалёк. Как только человечество, верное этой доктрине, произнесёт возвышенное изречение «Я — Бог, и нет иного», миру больше незачем будет существовать. Такова та система, последствия которой нам предстоит проследить. В качестве точки сравнения возьмём старые идеи, которые нас призывают оставить.

Обычно мы объясняем судьбы человека совпадением двух причин, бесконечно различных между собой, поскольку одна из них — творческая, а другая — сотворённая, но обе мы признаём реальными: человека и Бога. Человечество получило от своего Творца ту свободную силу, которую мы называем волей, и закон этой воли, который мы называем совестью. Закон исходит от Бога, свобода исходит от Бога; но акты сотворённой воли, когда она нарушает свой закон и восстаёт против своего Творца, являются делом самого творения. Бог есть вечный источник добра, а свобода — добро; но Бог не является источником зла, которое является именно восстанием против Него, злоупотреблением первым из Его даров.

Наряду с волей человек получил разум и отдался поиску истины. Истина — предмет разума, его Божественный закон. Ошибка — отклонение от закона разума, как зло есть отклонение

от закона воли. Наконец, наряду с волей и разумом человек получил способность чувствовать. Эта способность направлена к миру тел, от которых мы получаем боль или удовольствие. Но наша способность чувствовать этим не ограничивается. Над животной жизнью разум имеет наслаждения, которые принадлежат только ему, и объектом которых является красота. Красота находится не только в природе и в произведениях искусства — она повсюду, во всём, что привлекает нашу любовь. Науки прекрасны, и гармония истин, открывающихся нам в их порядке и взаимной связи, вызывает в нас чувство, похожее на то, которое рождает самая восхитительная музыка.

Добродетель — прекрасна; она сияет перед взором совести чистейшим светом, и, как сказал один из древних, если бы она могла предстать перед нашими глазами в зримом облике, она возбудила бы в наших душах чувства неизъяснимой любви. Порок — безобразен, если его лишить обманчивого очарования страстей; низменные излишества телесной природы отвратительны и мерзки, как только проходит опьянение. Ошибка тоже безобразна; красивыми кажутся лишь те ошибки, которые содержат в себе больше истины, чем прозаические истины, которые на деле оказываются не чем иным, как ложью, представленною в привлекательной форме.

Таким образом, красота — это закон наших чувств, как истина — закон наших мыслей, а добро — закон нашей воли. Мы не будем сейчас спрашивать, какие тайные связи соединяют однажды в неделимом единстве света добро, истину и красоту, а в единстве тьмы — зло, уродство и ложь. Достаточно указать на то, что тройное стремление ведёт человека к Богу под водительством совести, разума и чувств; и что тройное восстание удаляет его от Бога, погружая его в тёмные области безобразия, ошибки и зла. Человечество, следовательно, имеет закон; оно наделено свободой, но свободой, законная цель которой определена. Оно либо движется к этой цели, либо уклоняется от неё. Существует правило, стоящее выше его поступков. То, что есть, может не быть тем, что должно быть; бунт не есть послушание, а добро не есть зло.

Все эти выводы заключены в идее творения. Борьба между двумя противоположными началами — борьба, в которой и заключается судьба человека, — это факт, в котором каждый из нас может легко удостовериться на собственном опыте. А что происходит, когда человек, осознающий закон своей природы и чувствующий эту борьбу, сталкивается с человечеством? Каждый из нас носит в себе человечество. Но человечество — общее для нас свойство человека, составляющее духовное единство нашего рода — обнаруживается изменённым под влиянием мест, времен и обстоятельств. Наш разум обременён предрассудками рождения и воспитания, а также теми, которые мы сами создали в своём уме, используя нашу волю.

Наше чувство красоты испорчено и ограничено местными влияниями и привычками. Наша совесть также подвергается влияниям, мешающим её свободному проявлению. Каждому нужно расширить свой кругозор. Ища возможности общения с ближними, мы научимся различать истинную и вечную красоту в многообразии её проявлений. Мы будем отличать истину от личных предвзятых мнений нашего ума; добро и зло, очищенные от узости привычек, предстанут перед нами в их подлинной и непреходящей сущности. Наш вкус сформируется, совесть очистится, ум расширится; мы всё более будем становиться людьми — в высоком и полном смысле этого слова. Чтобы встреча отдельной личности с человечеством принесла такие плоды, Бог должен непрестанно пребывать во святилище совести. Внутренний свет загорается в общении души со своим Творцом; впоследствии он усиливается и поддерживается общением души с отпечатками Бога, которые открываются через человечество. Но этот свет обличает внутри нас и вокруг нас великую тьму.

Мы не имеем права предаваться любому зрелищу, которое открывается нашему взгляду. Если, взирая на происходящее в мире, нас одолевает искушение смотреть на процветание

нечестивых с трусливой завистью, если мы хотим для удовлетворения своих дурных желаний заполнить бездну, разделяющую святое и нечистое, — внутренний голос поднимается и взывает к нам: «Горе тем, которые зло называют добром, и добро злом» (Ис. 5:20). Бог — наш Владыка, как Он — наше благо и наша надежда. Факт восстания человечества не имеет силы против Его суверенной воли. Солдаты на службе Всевышнего, мы живём ради борьбы, и долг налагает на нас сражение.

Таково, господа, объяснение нашей судьбы — старое, если хотите, даже банальное. Теперь давайте обратим внимание на учение, которое обожествляет человечество, и проследим его последствия. Человечество носит в себе идею истины, любовь к красоте, чувство добра. Чего же ему ещё недостаёт? Эти возвышенные стремления указывают ему цель его усилий. Чего может не хватать в жизни, регулируемой долгом, озаряемой истиной, возвышаемой искусством? Чего ей будет недоставать? Ничего — или всего. Ничего, если поиск добра, истины и красоты ведёт к Богу. Всего — если пытаются осуществить его без связи с Богом, потому что с того момента, как человек пожелает быть для самого себя источником света, свет обратится во тьму, как мы говорили в начале этой лекции. Уберите Бога — и добро, красота и истина исчезнут; и вы увидите, как проявится упадок искусства, распад мысли в скептицизме, абсолютное отрицание морали. Рассмотрим с должным вниманием, на современных примерах, это печальное и любопытное зрелище.

Я открываю трактат господина Тэна. Английский историк Маколей говорит о литераторах, которые «потрудились лишить порок его отвратительности, выставить добродетель на посмешище, возвести прелюбодеяние в разряд изысканных мод и обязательных подвигов человека со вкусом». Честный англичанин осмеливается судить и осуждать людей, сделавших столь пагубное употребление своих дарований. Эта претензия позволить совести заговорить — в глазах французского литератора — готический предрассудок. Послушайте, как он высказывается на этот счёт: «Критика во Франции пользуется более свободными методами. Когда мы стараемся дать отчёт о жизни или описать характер человека, мы вполне готовы рассматривать его просто как объект изображения или науки. Мы не судим его, мы лишь хотим представить его взору и разумно объяснить. Мы — лишь любознательные исследователи, и ничего более. Был ли Пётр или Павел негодяем — это нас мало касается; этим пусть занимались его современники, страдавшие от его пороков. Теперь мы вне досягаемости этого человека, и вместе с опасностью исчезла и ненависть — я не испытываю ни отвращения, ни омерзения; эти чувства я оставил у входа в храм истории и наслаждаюсь самым глубоким и чистым удовольствием — видеть, как душа действует согласно определённому закону».

Вы понимаете, господа: различение добра и зла, как и различение истины и лжи, — это старые сандалии, которые нужно снять у порога храма истории. Человек девятнадцатого века, если он обладает вкусом и образованием, всего лишь историк, и ничего более. Святое волнение, которое пробуждают в нас великодушные поступки, негодование, которое вызывает в нас низость и жестокость, — это детские чувства, которые должны исчезнуть, чтобы мы могли свободно созерцать порок и добродетель с равным, всегда глубоким и всегда чистым наслаждением. Перед нами не заблуждение какого-то юного и неустроенного ума, а доктрина целой школы. Я снова открываю Revue des Deux Mondes и нахожу там теорию, которой господин Тэн только что дал практическое применение: «Мы больше не знаем ничего о морали, только о нравах; не о принципах, а о фактах. Мы всё объясняем, и, как было сказано, ум в итоге одобряет всё, что он объясняет. Современная добродетель заключается в терпимости».

Великая новизна! То, что есть, имеет право быть. В глазах современного учёного всё истинно, всё справедливо на своём месте. Место каждой вещи определяет её истину. Я прекращаю перечисление этих нелепостей. Исчезло всякое правило, уничтожена всякая мораль; больше нет различия между правом и фактом, между тем, что есть, и тем, что

должно быть. И каков реальный смысл всего этого? Вот он: человечество — высшая точка вселенной; над ним нет ничего; человечество — это Бог, если только мы согласимся придать этому святому имени новый смысл. Как же тогда судить о нём? На основании какого правила? Раз нет никакого правила. На основании какого закона? Раз нет никакого закона.

Всякое суждение — личный предрассудок, проявление узости ума. Бога мы не судим, мы только рассказываем о Его делах; мы принимаем все Его поступки и с одинаковым уважением фиксируем их. Вся наука — лишь история, и первая обязанность историка — заставить молчать свою совесть и разум, как жалкие и обманчивые проявления ничтожной личности, чтобы принять все поступки этого человечества-божества и установить их взаимосвязь. Обоготворение человеческого разума — это оправдание всех его поступков и, как прямое следствие, уничтожение всякой морали. Давайте подробнее рассмотрим происхождение и развитие этих идей.

Индивидуум, поставленный перед лицом человечества, должен принимать всё: таково требование, предъявляемое к нам именем современного духа. Добро и зло — это узкие меры, которые умы, отставшие от времени, по нелепому упорству всё ещё хотят применять к вещам. «Мы больше не пытаемся преобразовать мир по своему образцу, подводя его под наши мерки; напротив, мы позволяем миру формировать и лепить нас».

Итак, человек приближается к человечеству без всякого внутреннего правила: он отдаётся, предаётся зрелищу фактов. Но мир велик, а история долга. Даже те, кто проводит всю свою жизнь, удовлетворяя лишь своё любопытство, не могут всё увидеть и всё познать. К чему же будет устремлён этот рассеянный взор, одинаково притягиваемый ко всему из-за отсутствия всякого ориентира? На чём он остановится? Он остановится на том, что сияет наиболее ярко, подобно мотыльку, летящему на свет. А ничто не сияет так ярко, как успех; ничто не привлекает внимания так сильно. Прославление успеха — это первый и самый верный результат морального безразличия.

Если мы позволяем себе быть формируемыми миром, вместо того чтобы формировать мир по своему закону, мы начнём с того, что будем воздавать почести победе. Эта философия пришла к нам из Германии. Однажды она была изложена во Франции с большим блеском, благодаря блестящему красноречию человека, который оказал значительные услуги философии и чьи труды в целом не следует оценивать по одному лишь примеру, который я приведу. В 1829 году господин Казен развивал в Сорбонне смысл следующих стихов Лафонтена, которыми начинается басня о Волке и Ягнёнке:

«У сильного всегда бессильный виноват:
История об этом нам расскажет».

Он написал как тему одной из своих лекций: «Мораль победы». А теперь послушайте, как он оправдывает этот удивительный заголовок: «Я оправдал победу как необходимую и полезную; теперь я возьмусь оправдать её как справедливую в строгом смысле этого слова. Люди обычно видят в успехе лишь торжество силы, и благородное чувство заставляет нас становиться на сторону побеждённых; я надеюсь, показал, что, поскольку всегда должна быть побеждённая сторона и поскольку побеждённой всегда оказывается та, которая должна быть побеждённой, — обвинять победителя значит вставать против человечества и роптать на прогресс цивилизации. Надо идти дальше; нужно доказать, что побеждённые заслужили свою участь, что победитель служит не только интересам цивилизации, но что он лучше, нравственнее побеждённых, и именно поэтому он побеждает…. Пришло время, чтобы философия истории поставила к своим ногам все эти жалобные разглагольствования филантропии».

Эти слова заслуживают размышления. Когда Бренн, предводитель галлов, взвешивал золото, требуемое им от побеждённых римлян, он бросил в чашу весов свой тяжёлый меч, воскликнув: Væ victis! — Горе побеждённым! Он всего лишь хотел сказать, что он сильнее, и

не предвидел, что галл XIX века, воспользовавшись трудами учёной Германии, докажет, что, будучи сильнее, он именно поэтому более справедлив. Но нам не следует слишком далеко отклоняться от темы.

Когда мы предаёмся созерцанию мира, не применяя к нему меру совести, первое, что бросается в глаза, — это успех. Следовательно, нужно начать с того, чтобы воздать славу успеху, провозгласив победу добром. И вот тут начинается конфликт старых понятий с так называемым современным умом. С точки зрения старых идей, победа, в конечном счете, принадлежит добру, потому что, хотя человек мечется в борьбе и смятении, Бог ведёт его вперёд; но успех добра достигается через борьбу, и победа нередко приходит лишь после долгой череды поражений. Бывают дурные триумфы и нечестивые успехи. Нам же предлагают отбросить меру собственных суждений и объявить победу добром само по себе.

Старое воззрение, воззрение совести, не сдаётся без энергичного сопротивления; и это сопротивление проявляется в самом слове, которое употребляет господин Казен. Его тезис: всякая победа справедлива. Следовательно, его намерение — оправдать победу. Почему же он говорит оправдать (absolvere)? Это именно то слово, которым он пользуется. Раз речь идёт об оправдании победы, значит, она поставлена на суд. Её обвиняют в том, что она, подобно фортуне и славе, бывает то на стороне добра и справедливости, то на стороне несправедливости и зла. Кто же тогда подсудимый? Победа. Кто защитник? Красноречивый профессор. А кто обвинитель? Разве вы не видите? Это человеческая совесть; совесть, которая протестует в душе оратора против теории, которой он увлечён, и которая заставляет его говорить оправдать, когда следовало бы сказать прославить. И действительно, нужно сделать выбор: либо прославлять победу, попирая ту узкую совесть, которая иной раз склоняется, как Катон, на сторону побеждённых; либо прославлять совесть, обличая те победы, которые её возмущают.

Но одного только принесения совести в жертву недостаточно, чтобы избавить философию успеха от затруднений. Она разбивается и о другие рифы. Одни и те же причины то побеждают, то терпят поражение, и трудно убедить людей, чтобы они, даже в делах, касающихся их самых дорогих чувств, всегда и заранее становились на сторону сильнейшего. Напрасно будет философ доказывать, что швейцарцы при Моргартене были правы, потому что они победили австрийцев, но что герои Ротентурма сильно ошибались, потому что, сокрушённые, но не побеждённые, они были вынуждены уступить численному превосходству врагов и оставить свою родную землю на попрание чужеземцам, — дети старой Швейцарии с трудом смогут принять такую доктрину. Даже во Франции, в этом народе, столь привычном возлагать лавры на чела своих солдат, это затруднение встало на пути господину Казену. Беранже, которого однажды попросили посвятить стихотворение Ватерлоо, ответил, опустив взор и с глазами, полными слёз: «Никогда это имя не омрачит моих стихов».

Но философия стоила бы немного, если бы у неё не было в распоряжении средств побольше, чем у одного песенника. Господин Казен поэтому взглянул трудности прямо в лицо. Победа всегда хороша. Но как же убедить молодых французов согласиться с этим по поводу столь знаменательного поражения французских армий? Слушайте: «На полях сражений появляются не народы, а идеи и причины. Так, при Лейпциге и Ватерлоо встретились две причины: причина монархии отцов и причина военной демократии. Кто же одержал победу, господа? Ни одна, ни другая. Кто был победителем и кто побеждённым при Ватерлоо? Господа, там не было побеждённых. (Аплодисменты.) Нет, я утверждаю, что их не было: единственными победителями были европейская цивилизация и карта Европы». (Единодушные и продолжительные аплодисменты.)

Заставить молодёжь Парижа аплодировать при воспоминании о Ватерлоо — это, возможно, один из самых блестящих триумфов красноречия, о каких повествуют анналы истории. Но

этот риторический успех — не триумф истины. При Ватерлоо были побеждённые; и, судя по тому, что уже некоторое время происходит в Европе, кажется, что те, кто был побеждён, полны решимости отомстить. Можно заключить из этих фактов, что не всякий триумф есть добро, раз истина может быть на мгновение повержена ложной философией, разряженной в обманчивое убранство красноречия.

Но пусть будет так, какими бы ни были наши личные взгляды на этот счёт: допустим, что подводный камень Ватерлоо успешно обойдён; мы ещё не указали на главную трудность, встающую на пути этой системы. Если победа есть добро, то на первый взгляд поражение есть зло. Но поражение — необходимое условие победы; и, будучи условием добра, оно, следовательно, тоже есть добро. И ум логически приходит к следующему заключению: «Победа — это хорошо; поражение — это хорошо, поскольку оно — условие победы; всё — хорошо». Мы начали с прославления победы, а пришли к прославлению факта. Всё, что есть, имеет право быть; в глазах современного учёного всё, что есть, справедливо.

Господин Казен изложил этот принцип; он изложил его в общем виде в своём философском эклектизме, которым нетрудно было воспользоваться, как это и произошло, в смысле, противоположном его подлинным намерениям. Наши молодые критики, растрачивающие наследство, происхождение которого они не всегда, кажется, осознают, очень часто делают не что иное, как ловят отзвуки тех последних вибраций великого красноречия. В глазах современного учёного всё правильно и хорошо: таков тот аксиом, к которому подготовили нас труды не одного современного историка. Мы должны искать взаимосвязь фактов между собой, то есть объяснять; и всё, что мы объясняем, мы должны одобрять. Давайте проследим эту мысль на нескольких примерах.

Необходимо было, чтобы Людовик XVI был обезглавлен, а гильотина навсегда установилась, чтобы проявился результат беспорядков при Людовике XIV, позорных распутств Людовика XV и развратной аморальности французского общества. Необходимо было, чтобы Людовик XIV был прелюбодеем, Людовик XV — развратником, чтобы духовенство было коррумпировано, а знать развращена, чтобы произошли потрясения революции. Факты соответствуют друг другу; я объясняю — и одобряю. В глазах современного учёного всё правильно. Необходимо было, чтобы Бонапарт выбросил Законодательный корпус вон, чтобы он обрушил свои армии на Европу и оставил тысячи мёртвых тел в снегах России, чтобы завершить революцию и погасить беспокойное пылание французов. Были необходимы сентябрьские резни, мрачные дни террора, анархия Директории, чтобы испуганная Франция бросилась в объятия увенчанного солдата, который должен был вознести её славу и влияние до небывалой высоты. Факты согласуются; я объясняю — и одобряю. В глазах современного учёного всё правильно.

Я рассматриваю характер Нерона. Я беру его в начале его царствования, когда, будучи вынужденным подписать смертный приговор преступнику, он воскликнул: «О, если бы я не умел писать!» А потом я вижу его вновь после того, как он совершил такие злодеяния, что применение его имени впредь к самым жестоким тиранам покажется несправедливой обидой. Что произошло за это время? Развитие его природного характера, влияние Агриппины, Наркисса… Я понимаю ход всех механизмов, создавших чудовище. Так как я вне досягаемости его когтей, моё отвращение исчезает вместе с опасностью. «Я испытываю глубокое и чистое удовольствие — видеть, как ум действует согласно определённому закону». Я понимаю, я объясняю, я одобряю. В глазах современного учёного всё правильно.

Невозможно, господа, довести это рассуждение до его крайних пределов, не нарушив элементарнейших приличий. Нам пришлось бы опуститься в кровь и грязь, продолжая при этом утверждать, что всё правильно. Я поэтому останавливаюсь и оставляю остальное вашему воображению. Откройте самые мрачные страницы истории. Выберите те поступки, которые вызывают наиболее живой ужас и отвращение, самые чёрные примеры

неблагодарности, низменнейшие проявления трусости, случаи самой изощрённой жестокости, самых отвратительных развратов; а затем обратитесь к фактам, вызывающим слезу нежнейшего умиления, к случаям героического самопожертвования, к самым скромным и в то же время величественным подвигам; и попробуйте применить к ним правило современного учёного, попробуйте сказать, что всё это одинаково правильно и хорошо, что всё, что существует, имеет право быть.

Откройте книгу собственного сердца. Вспомните одно из тех низких искушений, которые одолевают лучших из нас, одну из тех мыслей, от которых мы краснеем даже в одиночестве; а затем вспомните о лучших, чистейших, самых бескорыстных чувствах, которые когда-либо даровались вашей душе; и снова попробуйте применить правило современного учёного и утвердить, что всё это одинаково хорошо, и что всё, что есть, имеет право быть. Я хорошо знаю, что, в общем, такие доктрины применяют лишь к вещам в совокупности, к далёкому прошлому истории; но это жалкая отговорка для защитников этих чудовищных положений. Вещи, рассматриваемые в совокупности, — это лишь собрание вещей, рассматриваемых в отдельности.

Если различие добра и зла не существует для общих фактов, как оно может существовать для частных? И как мы можем применять к прошлому правило, которое отказываемся применять к настоящему, ведь настоящее — это всего лишь прошлое будущего, а события нашего времени будут историей для наших потомков? Это, повторяю, лишь пустые уловки. Если человечество всегда достойно поклонения, значит, оно достойно его и в проступках самого ничтожного человека, как и в блистательных преступлениях могущественных мира сего; оно достойно его сегодня так же, как и тридцать веков назад; божество, старея, остаётся прежним.

Когда разум пускается в эти гибельные пути, источник нравственной жизни оказывается иссушённым, и практические последствия не заставляют себя ждать. Философы успеха, став философами свершившегося факта (fait accompli), принимают всё и терпят всё; но в совсем ином смысле, чем то смирение, с каким любовь всё принимает ради того, чтобы всё преобразить силой своей любви. Это мораль Филинта:

«Я принимаю людей тихо, такими, каковы они есть;
Привыкаю душу свою учить терпеть то, что они делают».

Эти наставления не слишком-то нужны. Всегда найдутся достаточно охотников, чтобы аплодировать победе и склоняться перед свершившимся фактом. Но разве не печально видеть людей ума, а может быть, и сердца, становящихся теоретиками низости и философами малодушия? Есть ещё многое, что нужно сказать. Из прославления успеха ум неизбежно переходит, как мы уже видели, к прославлению всего сущего. На первый взгляд, кажется, что адепт этой доктрины оказывается в положении безразличия к тому, что предвзятые люди всё ещё называют добром и злом. Однако это безразличие только кажущееся. Когда признаётся, что ничего нет злого, то, в конце концов, исчезает и понятие добра.

В древнем Риме, под видом религии, существовало тайное общество, которое основывало свою веру на афоризме: „ничто не есть зло“. Члены этого общества, как кажется, не практиковали добро и зло с равным безразличием, ибо магистраты республики забеспокоились и, используя смерть и заключение, подавили очаг убийств, насилий, лжесвидетельств и подлогов. Этот факт ясно свидетельствует о том, что уже тогда существовало движение мыслей, природу которого легко предположить. Когда человек бросает расплывчатый взгляд на мир, гасит внутренний свет совести и без всяких мерок покорно созерцает происходящее, его взгляд сначала привлекает успех. А что потом? Скандал.

В большом городе тысячи молодых людей честно трудятся и заботятся о семьях — никто о них не говорит. Развратник теряет чужие деньги в азартных играх и кончает жизнь самоубийством — весь город об этом знает. Честные женщины ведут скромную жизнь — а любовницы короля становятся темой всеобщих разговоров. Преступления и подлость скрыты; но до пределов того, что мир называет бесчестьем, зло любит выставлять себя напоказ, потому что блеск и шум притупляют совесть. Между тем, как сказано, „невидимые акты самоотверженности — самые великолепные“. Бедные и несчастные тайно проливают слёзы благодарности, а глупость любит демонстрировать свои блестящие украшения и звенеть колокольчиками на площадях. В каждом из нас больше зла, чем мы думаем; но в мире больше добра, чем обычно знают. Есть скрытые добродетели, которые проявляются лишь верующему взгляду и вниманию, умеющему их разглядеть.

Особенно помните: законы морали, казавшиеся нарушенными, вновь торжествуют в печали раскаяния; этот час обычно тих и незаметен. Поэт-гений может осквернить свои произведения следами развратной жизни, но его чело озарено двойным блеском — успеха и скандала. Однако если он, страдая на смертном одре, искренне признаёт закон, который нарушал, и истину, которую игнорировал, его голос зачастую звучит лишь в больничной палате; товарищи по пороку охраняют, чтобы общественность не узнала об этом. Бал и театр шумят и привлекают внимание, но больницы — места, где в тишине болезни и среди глухих стонов боли прорастают семена бессмертия — остаются в тени.

Да, господа, зло более заметно, чем добро. Нарушения божественного закона ярче, чем покаяния. Как следствие, человек, погружённый в созерцание мира без мерила совести, увидит мир в ложном свете и посчитает зло более могущественным, чем оно есть на самом деле. Оно станет для него господствующим, и он возьмёт его за правило. Из прославления успеха мы перешли к прославлению факта; из прославления факта — к прославлению зла. Мы видели, как проявляется мораль победы. В том же потоке мыслей книга, ныне весьма известная и наполненная оскорблениями совести, даёт примеры морали лжи. М. Эрнест Ренан в своём объяснении христианства применил, пункт за пунктом, изложенную мной теорию. Чтобы оценить великие движения человеческого духа, он освобождается от обыденных предрассудков морали и отдаётся впечатлениям от созерцаемого им зрелища.

Иисус имел небывалый успех. Этот успех основывался на мошенничестве; так обычно и бывает. Вести народы обманом — урок истории и правило, которому следует следовать. Мы видим удачливую ложь как факт, объясняем её, одобряем. Куда же ведёт нас современная наука? Непреодолимый поток уносит нас, оставляя позади мораль Филинта. Мы приближаемся к той морали, что Ракин увековечил в образе Мата. Когда совесть отодвинута в сторону, все средства хороши, чтобы добиться успеха; и опыт мира учит нас, что для успеха часто лучшие — самые худшие средства.

Уроки такой философии дают не только в театре; они нередко черпаются из повседневной жизни. Поставьте молодого человека лицом к миру, каким он предстает, и скажите ему поддаться тому, что он видит, позволить жизни формировать себя. Он скоро узнает, что строжайшая честность — добродетель из старых времен, целомудрие — фантастическое превосходство, а совестливые угрызения — почтенная простота. Зло станет для него обычным правилом жизни.

Когда социалист Прудон сказал знаменитую фразу „Собственность — это грабеж“, поднялся громкий протест. Но разве не должен подняться ещё более громкий протест против теории, которая по неизбежному следствию приводит к выводу: „Зло — это добро“? Влияют ли эти доктрины на искривление общественной морали? Очень сильно; их влияние разрушительно. Верят ли их последователи в них по-настоящему, в глубоком смысле слова „верить“? Нет; часто они творят зло, не желая его и не осознавая. Они опьянены дурной философией, а опьянение ослепляет.

Легко доказать, что эти оптимисты, находящие в теории всё правильным, постоянно противоречат себе на практике. Обратитесь к одному из них и скажите: „Твоя доктрина порочна. Ты сам в неё не веришь; и когда утверждаешь, что веришь — лжёшь“. Тот, кто всё терпит, не потерпит твоей свободы слова, разозлится и, согласно старым учениям, будет иметь на это право, ведь оскорбление — зло. Тогда скажи ему: „Вот ты, кажется, противоречишь своей системе. Всё — правильно; значит, моя резкость — добро. Всё, что есть, имеет право быть; следовательно, моё возмущение — легитимный факт, и твой — нет, если только ты не признаешь (чего твоя система не допускает), что моё возмущение неправильно“. Если это разумный человек — он рассмеётся. Если глупец — разозлится ещё больше. Эта противоречивость проявляется на каждой странице и в более серьёзном виде — в трудах наших оптимистов. Читаешь их внимательно — и постоянно слышишь протест их моральной природы против деспотизма ложного рассуждения. Человек с сердцем, совестью и разумом противоречит философу, часто не осознавая этого. Это противоречие честно для автора, но опасно для читателя, ибо оно прикрывает яркими красками доктрины, в своей сути отвратительные.

Нет, господа, невозможно поклоняться человечеству и при этом сохранить хотя бы минимальную логическую последовательность. Напрасно люди желают принимать и терпеть всё; напрасно пытаются заставить замолчать внутренний голос — тот восстаёт против оскорбления, и его бунт проявляется в самых явных противоречиях. Человек-Бог человечества разделён, и утверждение: „Всё правильно“ будет ложным, пока на земле существует хотя бы одна неумолкшая совесть, пока в хотя бы одном сердце живёт та могущественная ненависть, которую порождает в чистых душах порок — эта ненависть есть косвенное проявление священной любви к добру.

Учение о том, что всё в развитии человечества одинаково хорошо и божественно, ничего не объясняет, потому что человечество, раздираемое глубокими противостояниями, осуждает свои поступки и протестует против своих упадков. Оно громко взывает к себе, что есть принципы выше фактов, моральный закон выше воли; и все мелкие вопли лживой и заблуждающейся философии не могут заглушить этот ясный голос.

Эти учения не только ничего не объясняют, они даже не могут выразить себя — язык их подводит. „Всё правильно и хорошо“. Что значат эти слова, если больше нет никакого мерила правильного? Как можно одобрять, не имея права осуждать? Идея добра предполагает идею зла; противопоставление добра и зла предполагает меру и закон, превосходящий факт. Кто одобряет всё, может с таким же успехом презирать всё. Но даже презрение теряет смысл, если уважение пусто от значения. Нужно просто сказать, что всё есть как есть, и отказаться от слов, которые совесть сама отметила своим клеймом. Нужно очистить словарь и отправить в историю устаревшие выражения — добро, зло, уважение, презрение, порок, добродетель, честь, бесчестье и подобные.

Доктрина, которая для собственной последовательности должна свести нас к тупому безразличию, наносит такой удар человеческой природе, что её сторонники не могут высказать её, не противореча сами себе уже в словах, которыми пользуются. Все эти крайности — неизбежное следствие обожествления человечества. Человек-Бог не имеет над собой никакого высшего закона. Всё, что он делает, должно лишь быть записано, но не осуждено; это — жертвоприношение совести. Но на каком же алтаре мы возложим эту великую жертву? Принесём ли её в жертву чистому разуму, разуму, освобождённому от всяких предубеждений? Позвольте ещё немного вашего внимания.

Человек-Бог во всех своих действиях ускользает от суждения совести. Какую меру мы сможем применить к его мыслям? Никакой. Бог, который не может делать зла, не может и ошибаться. Для современного учёного всё истинно, потому что всё правильно. Человеческий разум развивается во всех направлениях; все эти проявления легитимны; все

они должны быть одинаково приняты истинно свободным разумом. Вооружённый этим правилом, я продвигаюсь в истории философии.

Грек Демокрит утверждает, что вселенная — это бесконечное множество атомов, движущихся случайным образом в бескрайних пространствах: я с почтением фиксирую это проявление человеческого разума. Грек Платон утверждает, что истина, красота и добро — как три вечных луча, пронизывают вселенную и составляют единственную подлинную реальность: я с равным почтением фиксирую это другое проявление человеческого разума. Перехожу к современности. Декарт говорит, что мышление — сущность человека, и только разум — орган истины. Гельвеций утверждает, что человек — это масса организованной материи, получающей идеи лишь через органы чувств. Эти две тезы одинаково легитимны, и я признаю обе.

Теперь обращаюсь к журналистам, которые раздают философию мелкими порциями для газет и журналов. Там я нахожу все мысли, перемешанные в самом удивительном хаосе: „Негодяй имеет своего защитника; добрый человек — своего клеветника… Брак — почётен так, как и прелюбодеяние. Порядок превозносится, как и мятеж и даже убийство, если оно политически оправдано“. Я смотрю на эти различные проявления человеческого разума с спокойным удовлетворением, с очень глубоким и чистым удовольствием; я помещаю их всех с одинаковым чувством преданности в пантеон разума. Я не могу поступить иначе, поскольку нет никакого высшего критерия истины, кроме человеческих мыслей, а человеческий разум — высшая, вселенская и непогрешимая интеллигенция.

Но сможет ли наш разум одновременно удержать два прямо противоположных утверждений? Противоречие перестанет быть признаком ошибки? Мы должны к этому прийти; должны признать, что современный ум, порвавший с устаревшими традициями, провозгласил принцип: «Одна истина не более истинна, чем истина, ей противоположная». Мы должны провозгласить, что мыслитель не должен беспокоиться о реальных противоречиях, в которые он может впасть; что истинный философ вовсе не обязан быть последовательным. Страх перед самопротиворечием можно простить Аристотелю и Платону, Ансельму и Фоме Аквинскому, Декарту и Лейбницу; эти писатели всё ещё были завернуты в пеленки старых ошибок, и свет XIX века ещё не осветил их колыбели. Но эпоха освобождения наступила. Эти вещи, господа, теперь печатают, и печатают в Париже — одном из центров мысли!

Отметьте хорошо, где мы находимся. Мы должны признать — что? — что всё истинно. Но если всё истинно, то нет ничего истинного, так же как если всё добро, то нет ничего доброго. В головах людей есть мысли; делать из них историю — приятное занятие; но истины нет. Мы не должны говорить, что два противоречащих друг другу утверждения одинаково истинны; это было бы использовать старое понятие истины; мы должны сказать, что они есть, и только на этом всё заканчивается. Ночь приближается, солнце разума садится к горизонту, и густые туманы закрывают его закат. Но подождите!

Если Бог-Человечество всегда прав, то должно быть так, что два противоречащих друг другу утверждения могут быть истинными одновременно, поскольку противоречия повсеместно встречаются в истории человеческих мыслей. Если два противоречащих утверждения могут быть истинными, то истины больше нет. Что же тогда такое наш разум, целью которого является истина? Нас охватывает головокружение. Не может ли всё в мире быть иллюзией? И я сам? Послушайте голос, который достигает нас через века из стран, увенчанных Гималаями: «Ничего не существует... Через изучение первых начал приобретается это знание — абсолютное, неоспоримое, постижимое лишь разумом: меня нет, нет ничего моего, и я сам не существую».

Что скрывается под этими странными строками? Чувство головокружения, которое пытается устояться с помощью языка. Вот теперь современное эхо этих древних слов. Один из тех

писателей, кто принимает всё в надежде всё понять, описывает себя, говоря, что, наконец, осознал, что он «всего лишь одна из самых мимолётных иллюзий в недрах бесконечной иллюзии». Один из его коллег выражается по этому поводу так: «Это последнее слово из всех? — Почему бы и нет? — Иллюзия, осознающая себя, разве она в действительности иллюзия? Разве она в каком-то смысле не торжествует над собой? Разве она не достигает верховной реальности — той мысли, которая мыслит себя, того сна, который знает, что он сон, той пустоты, которая перестаёт быть таковой, чтобы признать и утвердить себя?».

Мы возвращаемся в древнюю Индию. Вы заметите здесь три стадии мысли. Мимолётная иллюзия — это человек. Бесконечная иллюзия — это вселенная. Универсальный принцип видимых явлений, составляющих вселенную — это пустота. Вот объяснение вселенной! Пустота оживает; пустота оживает, чтобы познать себя как пустоту; и пустота, которая говорит себе: «Я — пустота», является причиной существования всего сущего. Я только что сказал, что солнце садится к горизонту. Теперь последний отблеск сумерек исчез; наступила ночь — тёмная и беззвёздная ночь. Да, господа, но на земле никогда не бывает такой тьмы, чтобы мы могли отчаяться в возвращении рассвета. Если современный разум таков, как нам описывают, он утратил все лучи света; но солнце не умерло.

Доктрина не существования и иллюзии совершенно непостижима, в том смысле, что понимать — значит иметь чёткое представление, способное к прямому постижению. Но если следовать цепочке идей, логически развернутой, так же как математик следует преобразованиям алгебраической формулы, не вдаваясь в её реальное содержание, то легко объяснить происхождение этой теории. Если человеческий разум не имеет критерия выше себя, если он — абсолютный разум, Бог, — все его мысли одинаково истинны, так как мы не можем указать на ошибку без обращения к правилу истины. Если все доктрины одинаково истинны, то напрямую и абсолютно противоречивые утверждения также одинаково истинны. Если всё истинно, истины нет; ибо истина не может быть понята иначе, как в противопоставлении хотя бы возможной ошибке.

Если нет истины, человеческий разум, который по своей природе стремится к истине, подобно магнитной стрелке, ищущей полюс, — разум, скажу я, — иллюзия. Истина, к которой стремится разум, — это точное соотношение человеческой мысли с реальностью мира. Если поиск этого соотношения — иллюзия, то и разум, и мир могут быть иллюзиями. Мимолётная иллюзия перед лицом бесконечной иллюзии — вот и всё. Видите, эти мысли связаны с точной логикой. Темнота становится ясной для нас, другими словами, мы приобретаем полное понимание истоков и развития абсурда. Отриньте Бога, закон нашей воли, гарантию нашей мысли; обожествите человеческую природу — и судьбоносное течение приведёт вас к двум крушениям: на берегах морального абсурда и на берегах интеллектуального абсурда. Эти печальные крушения предстают перед нашими глазами в наглядных примерах; их причину было легко указать.

Рассмотрение прекрасного дало бы повод к аналогичным наблюдениям. Если человеческий разум становится объектом нашего поклонения, мы должны отказаться от суждений о нём в каждом частном случае и упразднить нормы идеала в искусстве, так же как нормы морали в поведении и истины в разуме. Нужно создать систему эстетики, которая принимала бы всё и находила бы равноправным всё, что доставляет удовольствие Богу-Человечеству в его многообразии вкусов. Тогда высокие устремления угасают, прекрасное уступает место приятному; а так как безобразное и уродливое радует порочный вкус, то для безобразного находится место и в пантеоне красоты. Искусство, лишённое своей короны, становится печальным и часто постыдным рабом вкусов и капризов публики.

Я не настаиваю далее. Претензия поклонников человечества — расширить свою совесть настолько, чтобы принять всё, и расширить свой разум настолько, чтобы понять всё. Они объясняют всё, кроме трёх малых частностей — совести, сердца и разума. Добро и истина,

в конце концов, мстят за долгое презрение; и первое наказание тех, кто принимает всё в надежде понять всё, — перестать понимать то, что составляет жизнь человечества.

Не ставьте же, господа, алтарей человеческому разуму; ибо прелюбодейное благоухание оглушает его и в конце концов уничтожает. Человек велик, он возвышен, с бессмертной надеждой в сердце и божественным венцом на лбу; но чтобы сохранить своё величие, оставим его на должном месте. Оставим ему борьбу, которая делает его славу, осуждение собственных страданий, которое ему честь, слёзы, проливаемые над его ошибками, — самые несомненные свидетельства его достоинства. Оставим ему слёзы, покаяние, борьбу и надежду; но не обожествляйте его, ибо как только он скажет: «Я — Бог», — в этот же миг, лишённый всех своих благ, он окажется обнажён и разорён.

До того, как обожествить человека, язычники, по крайней мере, преображали его, возводя на Олимп. Сегодня же нам предлагают поклоняться человечеству таким, какое оно есть на земле, со всеми его глубочайшими страданиями и ужасными загрязнениями. Они пытаются покрыть завесу безумной дерзости этого замысла рассказами о прогрессе, который мало-помалу приведёт к осуществлению нашей божественности. Но, увы! наша история уже долга, и никакая разумная индукция не оправдывает смутных надежд горячих фантазий. Большой прогресс совершается, но никакой, который обещал бы удовлетворение глубоких потребностей нашей природы в этой жизни. На земле явилось милосердие, но среди нас всё ещё есть бедные, и, по-видимому, всегда будут.

Дуновение справедливости и человечности проникло в общественные институты; однако политика не стала царством совершенной истины и абсолютной справедливости, и вряд ли это когда-нибудь произойдёт. Промышленность породила чудеса; мы пожираем пространство нынче, но никогда не будем двигаться так быстро, чтобы страдания и смерть не успевали настигать нас. Великие источники скорби не иссякли; песня наших поэтов всё ещё заставляет звучать струны печали, как и в прежние времена. Прогресс осуществляется, являясь верным свидетельством благодетельной Руки, которая ведёт человечество по его судьбам; но всё говорит нам о том, что почва нашей планеты всегда будет пропитана слезами, что атмосфера, окружающая нас, всегда будет звучать вибрациями скорби. Насколько простирается наш взгляд, мы предвидим страдающее человечество, которое не сможет найти покоя, радости и надежды иначе, как в ожидании новых небес и новой земли, где обитает праведность.

Если нет Бога над человечеством, нет вечности над временем, нет божественного мира выше нашего нынешнего места пребывания; если наши глубочайшие желания будут вечно обмануты; если крики, вознесённые нами к небу, никогда не будут услышаны; если вся наша надежда — будущее, в котором нас уже не будет; если человечество, каким мы его знаем, — это совершенство вселенной; если всё это так, — тогда действительно ответ на универсальную загадку — иллюзия и ложь.

Тогда перед монстром судьбы, который приносит нас в бытие лишь для того, чтобы уничтожить, который создаёт в нашей груди желание счастья лишь для того, чтобы издеваться над нашими страданиями; пред лицом того звёздного свода, который говорит нам о бесконечности, хотя бесконечности нет; перед той лживой природой, которая украшает себя тысячей символов бессмертия, хотя бессмертия нет; перед всеми этими обманами человеку можно позволить проклинать день своего рождения или предаваться опьянению беспечной забавы. Но тайный инстинкт подсказывает нам, что нищета — это расстройство, а беспечное наслаждение — унижение. Давайте доверимся этому глубокому отклику нашей природы. Добро, истина, красота спускаются как лучи света в тени нашего существования; давайте следовать за ними с верой к божественному источнику, откуда они исходят.

Всё мимолётно, всё постоянно исчезает у нас под ногами; но наша душа не поколеблена этим быстрым бегом всего, потому что носит в себе залог неизменной вечности. "Эфемерный зритель вечного спектакля, человек на мгновение поднимает глаза к небу, а затем навсегда их закрывает; но в тот мимолётный миг, дарованный ему, со всех сторон неба и из пределов вселенной исходят утешительные лучи, которые достигают его взгляда, возвещая ему, что между необъятным пространством и ним существует тесная связь, и что он сроднен с вечностью".

И разве эти возвышенные предчувствия — всего лишь мечты? Мечты! Разве вы не знаете, что наши мечты ничего не создают и что они никогда не бывают чем иным, как смутными воспоминаниями и фантастическими сочетаниями реальностей нашего бодрствующего сознания? Что же тогда это таинственное пробуждение, во время которого мы видели вечное, бесконечное, совершенство добра, полноту радости — все те возвышенные образы, что приходят преследовать наш дух во сне жизни? Воспоминания о нашем происхождении! Предвкушения наших судеб!

Пока всё земное преходяще и ускользает от нас в непрестанном бегстве, давайте без страха предадимся этим инстинктам души —

Как птица, если она сядет на веточку слишком тонкую,
Чтобы нести пернатый груз,
Но, сознавая крылья, смело взмывает и поёт,
Падая в воздух лёгкий и живой.
(Виктор Гюго)

† † †

Краткий обзор пятой лекции вернуться к содержанию >>>

Автор размышляет о человечестве как едином духовном организме, о его моральной судьбе и отношении к Богу. Он исследует, что говорит нам судьба человечества о человеке и о Боге:
— Может ли человечество само себя спасти?
— Является ли прогресс — моральным спасением?
— Почему вера в Бога необходима не только для индивида, но и для человечества в целом?

1. Созерцание человечества
   - Навиль смотрит на человечество в целом — не как на сумму индивидов, а как на единое моральное тело: человечество думает, творит, страдает, борется.
   - Он отмечает: оно прошло величественный путь — от дикости к цивилизации, от жестокости к гуманности.
2. Прогресс и его пределы
   - На первый взгляд, человечество идёт вперёд: наука, техника, культура.
   - Но если заглянуть вглубь — моральный прогресс отстаёт. Человечество:
     — продолжает лгать, угнетать, воевать;
     — остаётся жертвой эгоизма, насилия, заблуждений;
     — не умеет устранить страдание и смерть.
   - «Прогресс знания — не есть прогресс сердца»
3. Моральный разлад
   - Человечество одновременно:
   - способно на величайшее самоотречение (святые, герои);
   - и на варварскую жестокость (войны, преступления).
   - Внутренне — оно разделено, раскаяно, уставшее от зла, но не способное вылечиться само.

4. Человечество без Бога
   - Как и человек, человечество может попытаться жить без Бога, надеясь на гуманизм, разум, культуру.
   - Но в итоге оно остаётся без окончательной цели, без критерия истины и добра, без надежды.
   - История — свидетельство того, что само человечество не может себя спасти.
5. Бунт и ожидание
   - В человечестве звучит двойной голос:
   - голос бунта против Бога (атеизм, самодовольство, гордыня);
   - голос ожидания Бога, тоска по свету, по справедливости, по миру.
   - Человечество мечется между отчаянием и надеждой, между гордостью и покаянием.
6. Христианский ответ
   - Навиль утверждает: спасение человечества — не изнутри, а свыше.
   - Только если человечество признает Бога своим Отцом, только если примет Его волю и любовь — оно обретёт единство, мир, смысл.
   - Христос — средоточие всей человеческой истории, Тот, Кто один может дать человечеству новую жизнь.
7. Церковь как знак
   - Церковь — это предварительное собрание нового человечества.
   - Она не идеальна, но она свидетельствует, что человек может жить с Богом — и человечество тоже может.

Пятая лекция — это размышление о человечестве как нравственно ищущем существе. Эрнест Навиль показывает, что без Бога человечество обречено повторять свои ошибки, терять ориентиры и истощать свою душу. Только Бог как Отец всего рода человеческого даёт ему надежду, смысл и цель. Спасение не в культуре, не в утопии, не в прогрессе, а в признании Отца и следовании за Христом.

† † †

ЛЕКЦИЯ VI — ТВОРЕЦ вернуться к содержанию >>>

(В Женеве — 4 декабря 1863 г.; в Лозанне — 27 января 1864 г.)

Господа, Человек — не простое порождение природы; напрасно он старается унизить себя, стремясь объяснить свою духовную сущность материей, постепенно доведённой до совершенства. Человек — не вершина и не принцип вселенной; напрасно он трудится обожествить самого себя. Он велик лишь постольку, поскольку божественные лучи озаряют его сердце, совесть и разум. С того самого момента, когда он начинает считать себя источником света, он погружается во мрак. Когда мысль поднимается от природы к человеку, она неизбежно падёт обратно, если её стремления не хватит для восхождения к Богу.

Эти утверждения лишь передают великие факты интеллектуальной истории человечества. «Нет такого варварского народа, — говорил Цицерон, — нет людей столь диких, чтобы у них не было хотя бы тени религии. Многие составляют ложные представления о богах… но все признают существование божественной силы и природы… А ведь согласие всех народов во всяком деле должно считаться законом природы». Ни одно открытие не умалило ценности этих слов римского оратора. Даже в самых деградированных слоях общества всегда сохраняется хоть какой-то след религиозного чувства. Знание о Творце приходит к нам из христианской традиции, но идея, пусть даже смутная, о божественном мире встречается везде, где есть люди.

Цицерон приводит это всеобщее согласие как очень сильное доказательство существования богов. Сторонники атеизма оспаривают ценность этого аргумента. Они говорят: «Общее

мнение ничего не доказывает. Сколько вымышленных легенд было возведено всеобщей верой в ранг исторических истин! Всё человечество долго верило, что солнце вращается вокруг Земли. Истина прокладывает себе путь в мире именно через опровержение общепринятых мнений. Вера большинства скорее является признаком заблуждения, нежели знаком истины». Это возражение основывается на смешении понятий. Человечество не может свидетельствовать о научных вопросах, решение которых оставлено терпеливому исследованию; но о своей собственной природе человечество даёт свидетельство. Всеобщность религии доказывает, что стремление к Божественному, как говорил римский оратор, — это закон природы. Следовательно, когда мы восходим от материи к человеку, а от человека к Богу, мы идём не произвольным путём, но следуем закону природы, установленному свидетельством человечества. Нужно обладать умом одновременно очень смелым и очень легкомысленным, чтобы не почувствовать важности этого соображения.

В наши дни атеизм возрождается. Если вы в памяти восстановите признаки этого возрождения, о которых мы вам говорили, то увидите, что прямое и первоначальное отрицание Бога встречается сравнительно редко; но что часто пытаются, если можно так выразиться, произвести вычитание Бога. Любая религиозная теория отвергается как недопустимая, сопровождаемая примерно такими замечаниями: «Как создаются настоящие науки? С одной стороны — посредством наблюдения, с другой — посредством рассуждения. Путём наблюдения и рассуждения, приложенного к наблюдению, мы получаем науку о природе и науку о человеке. Но стоит захотеть подняться выше природы и человека — и мы теряем всякую опору в наблюдении; разум работает в пустоте.

Следовательно, не существует никакого возможного пути достижения Бога. Является ли Бог объектом опыта? — Нет. Можно ли доказать Бога априори силлогизмами? — Нет. Следовательно, идея Бога не может быть установлена как соответствующая реальности ни путём опыта, ни путём рассуждения; это всего лишь гипотеза. Однако, добавляют они, мы, со своей стороны, (упаси Бог!) не претендуем на то, чтобы изгнать из души чувство Божественного или слово “Бог” из прекрасной поэзии. Мы принимаем религиозные мысли как сны, полные очарования. Но когда речь идёт о реальности, тогда Бог — это гипотеза, а гипотезам нет места в науке о реальности».

Такие взгляды ставят тех, кто их принимает, в положение, которое имеет определённые преимущества. Когда практичный человек с улыбкой спросит: «Вы, случайно, верите в Бога?» — можно также улыбнуться в ответ и сказать: «Разве я утверждал, что Бог — это реальное Существо?» А если религиозный человек спросит: «Вы, значит, скатываетесь к атеизму?» — можно принять возмущённый тон и ответить: «Мы никогда не отрицали Бога! Кто говорит обратное — клевещет!» Таким образом, Бог остаётся для нужд поэзии и искусства. Но так как мы не можем знать ни Кто Он, ни существует ли Он, реальная жизнь продолжается в полной и совершенной независимости от Него. Занимать такую позицию по отношению к религии — иногда литературный приём. В других случаях это делается всерьёз.

Есть натуры чрезвычайно утончённые, которые, затронутые дыханием современного скептицизма, потеряли всякую положительную веру; но их лучшие стремления и врождённая любовь к чистоте оберегают их и направляют, несмотря на отсутствие веры, и они не отрицают того, во что уже больше не верят. Такой ум находится в исключительном положении. Это ваше положение? И вы хотите его сохранить? Тогда держитесь уединённого пути и не стремитесь передавать свои идеи другим. Контакт с публикой и даже простое развитие собственных мыслей, необходимое при ведении какой-либо просветительской работы, поставит вас под власть тех законов, которые управляют человеческим умом в подобных вопросах. А каковы эти законы? На это уже ответил за нас поэт:

> Перед лицом Неба нужно либо верить, либо отрицать.

Известный писатель развивает ту же мысль следующим образом: «Сомнение в вещах, знание которых крайне важно для нас, — это состояние, причиняющее слишком сильное насилие человеческому разуму; и он недолго может его выносить, но вопреки себе приходит к решению в ту или иную сторону, предпочитая ошибаться, чем ничему не верить», — говорит Жан-Жак Руссо. Таков закон. Мы встретились с претензией удерживать ум в независимости от Бога, не отрицая и не утверждая Его существования, и мы увидели, как полностью эта претензия рушится перед лицом фактов. Скептик делает напрасные усилия удержаться в состоянии сомнения, но почва уходит у него из-под ног, и он скатывается к отрицанию: он утверждает, что человечество ошибалось, и что Бога нет. Но и это отрицание также не способно удержаться; оно слишком резко противоречит всем инстинктам нашей природы.

Человеческий разум находится под властной необходимостью чему-то поклоняться; если ему не достаёт Бога, он обращается к поклонению природе или человечеству; атеизм превращается в идолопоклонство. Вспомните судьбу критической школы и позитивной философии! Теперь давайте внимательно рассмотрим ту попытку устранить Бога, которая является исходной точкой этого пути, по которому разум так фатально увлекается вперёд.

Бог, я признаю, действительно не является объектом опыта. Признаю это, по крайней мере, в том смысле, что Бог не является объектом чувственного опыта. Опытом Бога (если позволено будет воспользоваться этим выражением), ощущением Его действия на душу, нельзя обладать без определённых духовных условий, и это явление не открыто для наблюдения всех. Чтобы почувствовать действие Бога, нужно приблизиться к Нему. А чтобы приблизиться к Нему, нужно, если уж не верить твёрдой верой в Его существование, то хотя бы не отрицать Его. Узники платоновской пещеры не могут иметь опыта света, пока они осыпают насмешками тех, кто говорит им о солнце. Я также признаю, что Бог никоим образом не может быть объектом доказательства такого рода, какого требует геометрическая наука; я это признаю полностью — я уже это говорил. Каждый человек, размышляющий о вещах, в каком-то смысле утверждает бытие Бога; но основание всякого размышления не может быть результатом демонстрации. Следовательно, Бог, в понимании науки, сформированной по нашим обычным методам, — это, я признаю, гипотеза. И здесь, господа, позвольте мне небольшое пояснение.

Когда я говорю, что Бог — это гипотеза, я рискую вызвать у многих из вас чувство удивления, смешанного с огорчением. Но я прошу вас вспомнить характер этих лекций. Мы находимся здесь далеко от спокойного уединения святилища и от тех торжественных увещаний, которые исходят из уст религиозного учителя. Я ввёл вас в самую гущу жарких сражений современной мысли, в самую средину споров и криков школ. Душа, стремящаяся к общению с Богом и черпающая силу и радость из этого источника, имеет для себя занятие несравненно более достойное, чем слушать подобные речи. Уединение, молитва, спокойная деятельность под водительством совести — вот лучшие пути для такой души, и обсуждения, которыми мы сейчас заняты, возможно, вовсе не безопасны для того, кто до сих пор пребывал в простой, искренней вере.

Но мы не хозяева своих путей, и обстоятельства нынешнего времени возлагают на нас особые обязанности. Барьеры, разделяющие школу и мир, разрушены повсюду. Повсюду клочья философии, и зачастую дурной философии, рассыпанные осколки богословской науки, и часто весьма печальной богословской науки, — всё это проникает в текущую литературу. Нет ни одного литературного журнала, едва ли найдётся хоть одна политическая газета, которые бы время от времени, а то и без всякого повода, не касались проблем, связанных с нашими вечными интересами. Самые священные верования подвергаются нападкам ежедневно в органах общественного мнения.

В такой обстановке могут ли люди, сохраняющие веру в своей душе, оставаться немыми псами или затворяться в тесных пределах учебных заведений? Конечно же, нет. Мы должны спуститься на общий уровень и сражаться равными оружиями в великих битвах мысли. Для этого необходимо употреблять выражения, которые могут встревожить некоторые совести, и формулировать вопросы, которые могут испугать искренне религиозных людей. Но ничего не поделаешь: только так, пусть даже мы встревожим немногих, мы сможем доказать всем, что поток отрицаний — это лишь временный прилив воды, которая, как бы ни бурлила в своём русле, в конечном счёте не оставит и следа на Скале Веков.

Теперь, господа, я продолжу ход рассуждений. Бог — ни объект опыта, ни объект доказательства в собственном смысле слова. В понимании науки, как она обычно понимается, науки, которая следует цепочке своих выводов, не задумываясь о самом основании всякой работы разума, — Бог, величайшая из всех реальностей для верующего сердца, постоянный опыт каждой минуты, очевидность, превосходящая всякое доказательство, — Бог оказывается лишь гипотезой. Я признаю это. И отсюда делают вывод, что Богу нет места в науке, ибо гипотезам нет места в науке, достойной этого названия. Но это я отрицаю. И в подтверждение своего отрицания я сейчас покажу, что гипотеза, которую хотят устранить, является порождающим принципом всякого человеческого знания.

Откуда происходит наука? Является ли она результатом одного только опыта? Нет. Чему учит нас опыт сам по себе? Ничему. Опытом, отделённым от всякого элемента разума, нам открываются лишь собственные ощущения. Это в своё время блестяще доказал шотландский философ Юм — доказательство, которое и составило его славу. Легко понять, даже не имея философских познаний, что наука формируется мыслью. Но если бы у нас не было способности мыслить, опыт бы нам её не дал. Мысль не входит ни через глаз, ни через ухо. Представьте себе живое существо, не обладающее разумом: его глаз будет отражать предметы, словно зеркало, его барабанная перепонка будет вибрировать от волн воздуха, но мыслей у него не будет, и оно ничего не будет знать.

Образует ли наука разум один сам по себе? Нет. Никто не может толком сказать, что такое «чистый разум», ибо деятельность нашего мышления неразрывно связана с опытом. Но, не останавливаясь на этом соображении, давайте спросим: что способен сделать чистый разум, если лишить его всяких объектов опыта? Одно только: созерцать самого себя. Но разум, созерцая самого себя, создаёт лишь логику, то есть теорию законов познания. Некоторые философы, правда, пытались доказать, что разум, исключительно благодаря самонаблюдению, способен дойти до знания всех вещей. Они утверждали, что все тайны вселенной заключены в нашей мысли, и что, благодаря одному лишь правильному рассуждению, можно составить науку астрономии, не глядя на звёзды, и написать историю человечества, не утруждая себя изучением летописей прошлого. Но эти попытки строить факты вместо того, чтобы их наблюдать, закончились столь жалко, что не заслуживают серьёзного внимания.

Следовательно, наука не происходит ни из чистого опыта, ни из чистого разума; откуда же она на самом деле берёт начало? Из встречи опыта и разума. Человек наблюдает и убеждается, что факты управляются согласно разумному замыслу. Он создаёт математику и обнаруживает, что явления небес и земли подчинены законам вычислений. Его мысль встречает в фактах следы мысли, подобной его собственной. Если кто-либо из вас сомневается в этом, я снова обращаюсь… к календарю. Таким образом, наука рождается только из встречи опыта с разумом. Но как совершается эта встреча? В этом и заключается весь вопрос о происхождении науки. Эта встреча не является необходимостью; она не является просто результатом настойчивости в наблюдении. Встреча разума с фактами — это открытие.

Мысль, управлявшая природой, может долгое время оставаться скрытой от нашего ума. И вдруг, быть может, завеса поднимается, и мысль человека встречается и узнаёт саму себя в явлениях, которые она созерцает. Здесь мы сталкиваемся с действием особой способности, которая не является ни способностью наблюдать, ни способностью рассуждать, а способностью открывать. Когда человек обладает ею в определённой степени, мы называем его гением. Гений, или способность открывать, — это порождающий принцип науки. Однако, что удивительно, этот принцип почти совсем не упоминается у большинства логиков. Они подробно разрабатывают правила наблюдения и правила рассуждения, и кажется, что, по их мнению, соединение разума и опыта происходит само собой и неизбежно. Сам я двадцать лет преподавал логику именно таким образом, пока однажды, подумав об этом лучше, не был вынужден сказать себе (простите мне эту простую цитату): Ты забыл лишь одно: зажечь свой фонарь.

Встреча ума с фактами — это открытие; и открытие зависит от способности, воспетой поэтами, восхищавшей человечество и слишком мало замеченной логиками, — от гения. Отличительная черта гения — внезапное озарение ума, дар, который нельзя ни купить, ни заслужить. Но поспешим внести необходимое пояснение. Гений — это исходный факт, дар, но труд — непременное его условие. Труд не заменяет гения, но и гений не освобождает от труда: природа выдаёт свои тайны только тем, кто наблюдает её с длительным терпением. Однажды у Ньютона спросили, как он открыл систему мира. Он ответил с возвышенной наивностью: «Я постоянно об этом думал». Этой фразой он указал на условие всякого великого открытия, но он забыл причину — особую природу собственного ума. Нужно было действительно постоянно размышлять о движениях звёзд, но также нужно было быть Исааком Ньютоном. Многие размышляли над этим вопросом, возможно, так же долго, как и он, и, тем не менее, открытия не сделали.

Труд, как условие открытий, должен иметь своей целью распознавание методов, действительно соответствующих природе исследований, и сохранение ума осведомлённым в существующей науке. На деле каждое научное открытие предполагает целую серию предыдущих открытий, которые подготовили ум к тому, чтобы он мог увидеть нечто новое. Поэтому часто бывает так, что открытие совершается одновременно несколькими умами, когда в одну эпоху встречаются два или три человека, обладающие одинаковой способностью. Они видят одновременно, потому что развитие науки привело их на одну и ту же вершину: это условие; и потому что у них одинаковая острота зрения: это причина.

Существует, таким образом, метод, позволяющий поставить себя на путь к открытию, но не существует метода, который бы обеспечивал само открытие. Человек гениальный видит там, где другие ничего не видят; и когда он увидел, все начинают видеть после него. Если бы вы, обладая кольцом Гигеса, могли тайно подглядеть за трудами учёных в тот момент, когда совершается великое открытие, вы увидели бы, как один из них ударяет себя по лбу и восклицает: «Глупец! Как я мог этого не видеть? Ведь это так просто!» Истина кажется простой, когда она открыта.

Открытие, следовательно, для которого труд является условием, — это принцип прогресса науки. В какой форме открытие предстает перед умом того, кто его совершает? В форме предположения, или, что то же самое, гипотезы. Гипотеза — единственный путь, которым совершается прогресс науки. Если бы мы ничего не предполагали, мы бы ничего не знали. Напрасно бы мы смотрели на небо и на землю целую вечность — наш глаз никогда бы не прочитал законы астрономии в звёздах небесных, ни законов жизни на коре деревьев или во внутренностях животных. Это справедливо даже для математики. Сколько бы мы ни созерцали числа или фигуры пространства, это никогда не породило бы ни арифметики, ни геометрии, если бы человеческий ум предварительно не предположил отношения между числами и линиями, которые он сможет доказать лишь после того, как их предположит. Очень легко различить условия, которые подготовили и сделали возможным плодотворное

предположение, но сама гипотеза не возникает по необходимости. Она появляется, как вспышка света, внезапно пронизывающая ум.

Пила плотника разрезает доску от одного конца до другого при единственном условии — наличии труда и времени; но открытие истины всегда сохраняет внезапный и непредсказуемый характер. Архимед выскакивает из ванны и бежит по улицам Сиракуз, крича: «Эврика!» Почему? Молния гения озарила его неожиданно. Пифагор открывает геометрическую теорему и, как рассказывают, приносит жертву богам, чтобы выразить свою благодарность. Он думал, следовательно, согласно прекрасному замечанию Малбранша, что труд и внимание — это безмолвная молитва, обращённая к Владыке истины: труд — это молитва, а открытие — ответ на неё.

Когда не признают этого совершенно спонтанного характера открытия и когда полагают, что наблюдение фактов естественным образом производит их объяснение, неизбежно приходят к выводу, что само по себе открытие подтверждает свою истинность. Но это совсем не так. Гипотеза вовсе не носит на своём челе при рождении знака её истины. Молния проносится в уме учёного, но ему предстоит вступить на путь, зачастую очень долгий, исследования, чтобы узнать, был ли это настоящий свет или лишь кратковременное сияние. Всякое предположение, вызванное наблюдением, должно быть подтверждено своим соответствием данным опыта. Послушаем великого первооткрывателя — Кеплера.

Он рассказывает об открытии одного из тех законов, которые увековечили его имя: «Когда я нашёл настоящие размеры орбит, благодаря наблюдениям Тихо Браге и упорному труду, продолжавшемуся долгое время, я, наконец, открыл соотношение между временами обращения планет и размерами их орбит. И если хотите знать точную дату этого открытия, то это было восьмого марта этого года, 1618-го, когда оно впервые возникло в моём уме, затем было неуклюже проверено расчётами и отклонено как ложное, затем вновь возродилось пятнадцатого мая с новой силой и, наконец, восстало из мрака моего ума, настолько утверждённое моим семнадцатилетним трудом над наблюдениями Браге и моими собственными размышлениями, которые полностью с ними согласовывались, что я сперва подумал, будто мне всё это снится, или что я допустил какое-то прошение принципа (petitio principii); но нет больше сомнений: это очень точное и надёжное положение».

В этих строках изложена вся логика научных открытий, и они являются свидетельством одного из самых компетентных очевидцев. Вы видите в них условия хорошей гипотезы: Кеплер долго изучал явления, закон которых он хотел открыть; изучал их сам, изучал с помощью открытий своего предшественника Браге. Закон возник в его уме в определённый момент, восьмого марта 1618 года. Но он ещё не знал, был ли это настоящий свет или обманчивая вспышка. Он искал подтверждения своей гипотезы, не находил его, потому что ошибался, и отверг свою идею как бесполезную. Идея вернулась; новый этап труда её подтвердил; и так гипотеза превратилась в закон, в достоверное утверждение.

Таков нормальный путь мысли. Гипотеза не имеет права предъявлять себя, пока не перейдёт в состояние закона, будучи должным образом подтверждённой. Однако есть умы, одарённые своего рода инстинктивным чутьём, которые чувствуют истину открытия ещё до того, как оно будет подтверждено. Рассказывают о Копернике, что, открыв (или, точнее, вновь открыв) истинную систему движения планет, он встретил оппонента, который сказал ему: «Если бы ваша система была верна, у Венеры были бы фазы, как у Луны; но у неё их нет, и, следовательно, ваша система ложна. Что вы на это скажете?» — «Мне нечего ответить», — сказал Коперник (и это возражение, действительно, было весьма серьёзным), — «но Бог дарует, что ответ будет найден». И вот появился Галилей, и с помощью телескопа было установлено, что у Венеры действительно есть фазы, подобно Луне, — уверенность Коперника оправдалась.

Научная карьера Ампера, выдающегося физика, даёт нам аналогичный случай. Доверяя, подобно Копернику, какому-то внутреннему предчувствию истины, он однажды зачитал в Академии наук полное описание опыта, которого ещё никогда не проводил. Впоследствии он выполнил этот опыт, и результат полностью совпал с его ожиданиями. Гений здесь возведён в квадрат, поскольку соединяет в себе как дар открытия, так и верное предчувствие его подтверждения; но это исключительные случаи, и в общем нужно повторить вслед за Митридатом:

Чтобы быть признанным истинным,
Проект должен быть доказан и завершён.

Мы не побуждаем никого к столь опасным приключениям, но напоминаем на великом примере, каков нормальный путь науки. Ньютон, после того как открыл закон, управляющий движением небесных тел, искал его подтверждения в огромном ряде вычислений. Истинный аскет науки, он наложил на себя режим столь же строгий, как у монаха-трапписта, чтобы вся его жизнь могла быть сосредоточена исключительно на умственных занятиях; и лишь после пятнадцати месяцев упорного труда он воскликнул: «Я нашёл! Мои расчёты действительно совпали с движением звёзд. Слава Богу, Который позволил нам хотя бы мельком увидеть край Его путей!» И астрономия, поставленная на более широкую и прочную основу, продолжила своё движение с новой энергией.

Именно так человеческий разум приобретает знание. Как же тогда получилось, что гипотеза стала подвергаться пренебрежению? Как можно всерьёз утверждать, будто мы исключили гипотезу из сферы науки, тогда как, если бы способность предполагать прекратила своё действие, движение науки было бы остановлено? Ибо, за исключением небольшого числа принципов, очевидность которых непосредственна, все истины, которыми мы обладаем, — это лишь предположения, подтверждённые опытом. В чём же причина подобного отношения? В том, что наш ум формирует тысячи различных предположений по собственному произволу и прихоти, но при этом избегает той учёной работы, которая одна лишь способна поставить его в положение, позволяющее делать плодотворные предположения.

Нас постоянно искушает догадка, вместо того чтобы посредством терпеливых наблюдений встать на путь настоящих открытий. Поэтому вполне справедливо, что поспешные теории были осуждены, и лорд-канцлер Бэкон был прав, считая, что человеческому уму нужно привязать груз, а не прикреплять к нему крылья. Отсюда был сделан вывод, что самый простой способ — вовсе обрезать крылья мысли, забывая при этом, что в таком случае она останется неподвижной. Поскольку одни злоупотребляли гипотезами, другие пришли к заключению, что мы можем и вовсе обойтись без них.

Итак, именно банальные и преждевременные предположения опозорили саму идею гипотезы, переполнив науку множеством пустых фантазий; но это затруднение не имело бы большого значения, если бы не упорство, с каким ложные теории слишком часто защищались вопреки свидетельству фактов. Если бы Ампер провёл свой опыт и не добился бы ожидаемого результата, но всё же продолжал бы отстаивать свои утверждения, он не проявил бы счастливой дерзости, но лишь смешного упрямства. Сам гений может ошибаться, и только опыт способен отличить подлинные законы от капризов нашего воображения. Мы отстояли права разума в спонтанном действии способности к открытию, но будем также остерегаться пренебрегать правами опыта. Только опыт подготавливает открытия, и только он может их подтверждать. Любая, даже самая стройная система будет опровергнута малейшим фактом, который действительно противоречит ей.

Один греческий философ доказывал с помощью изящных рассуждений, что движение невозможно. Диоген присутствовал на этом занятии, встал и начал ходить: ответ был решающим. Вы, наверное, помните, если читали Вальтера Скотта, учёное доказательство

антиквара, который определял дату постройки какой-то руины — римской или кельтской, уже не помню, — и вмешательство нищего, у которого не было никакой археологической системы, но который собственными глазами видел, как это здание строили и как оно разрушалось. Рассуждайте сколько угодно, но если ваши умозаключения не совпадают с фактами, вы лишь сплетёте паутину, возможно, удивительной тонкости, но лишённую прочности.

Пора подытожить эти длинные рассуждения. Наука не возникает исключительно из опыта и не движется исключительно разумом; она возникает из встречи опыта с разумом. Опыт готовит открытие, гений его совершает, опыт подтверждает его. То, что различает науки между собой, — это не процесс изобретения, который всюду одинаков, а процесс проверки предполагаемых истин. Математическое открытие подтверждается чистым рассуждением. Физическое открытие подтверждается чувственным наблюдением в сочетании с вычислениями. Открытие в области нравственности подтверждается наблюдением над фактами сознания. Поэтому между физическими и нравственными науками существует глубокая граница.

Моральные факты не имеют меньшей достоверности, чем физические явления; но поскольку моральные факты находятся под влиянием свободы, все люди не могут воспринимать их одинаково при всех условиях. Оптический опыт представлен глазам, и все зрители видят его одинаково, по крайней мере, если у них одинаковая зрительная организация; но случай нравственного опыта имеет личный характер и может быть сообщён другому только при условии, что тот поверит свидетельству своего ближнего. В этой области человек может наблюдать непосредственно лишь то, в производстве чего он сам принимает участие. С этими оговорками можно сказать, что проверка нравственных истин осуществляется опытом так же, как проверка физических истин. Во всех областях знания мысль можно считать истинной, когда она объясняет факты.

Итак, господа, мы приходим к выводу, что всякая научная истина по своему происхождению есть предположение разума, результатом которого становится соединение опыта и разума, что позволяет рационально восстанавливать факты. Всякая система опровергается фактами, если факты противоречат ей. Когда система объясняет факты, мы считаем её доказанной ровно в той мере, в какой она их объясняет. Это согласие нашей мысли с природой вещей и есть знак того, что мы называем истиной. Если вы соглашаетесь с этими посылками, моя демонстрация завершена, и остаётся только вывести из неё заключения.

Говорят, что идея Бога не может иметь места в серьёзной науке, потому что эта идея не проистекает ни из опыта, ни из разума; что это всего лишь гипотеза, а гипотезам нет места в науке. Я отвечаю, опираясь на предшествующие рассуждения: ни одна наука не формируется иначе, как посредством гипотезы. Для решения всеобщей загадки существует в мире гипотеза, предложенная всем традицией и носящая в особенности имена Моисея и Иисуса Христа. Эта гипотеза имеет право быть рассмотренной. Если она объясняет факты, её следует признать истинной. Идея Бога, таким образом, входит в нормальные пределы науки; попытка исключить её — лишь софизм.

Отделим идею Бога от всего корпуса христианского учения, частью которого она является, чтобы рассмотреть её особо. Что это за гипотеза, носящая имена Моисея и Иисуса Христа? Это утверждение о том, что началом вселенной является Вечный и Бесконечный Сущий. Его сила — причина всего существующего; сознание Его бесконечной силы составляет Его бесконечный разум. В Себе Самом Он — Тот, Кто Сущий; по отношению к миру Он — абсолютная причина, Творец. Это объяснение вселенной не является привилегией лишь немногих учёных; оно преподаётся и предлагается всем. И это никоим образом не повод для презрения. Если мы, кроме того, заметим, что эта мысль обновила мир, что она поддерживает всю нашу цивилизацию, что тысячи наших собратьев поднимают голос, чтобы

сказать нам, что именно из этого источника они черпали мир, свет и счастье, — мы, быть может, поймём, что презрение было бы глупостью и что, напротив, всё побуждает нас рассмотреть с наибольшей серьёзностью гипотезу, которая предлагается нам при столь исключительных условиях.

Гипотеза изложена. Теперь следует подвергнуть её проверке фактами. Где мы найдём элементы для её подтверждения? Везде, поскольку речь идёт о первой причине всех вещей: мы найдём их в природе и в человечестве, в движении звёзд, проносящихся через глубины пространства, и в подъёме сока, питающего травинку; в революциях империй и в простейших проявлениях жизни отдельного человека. Не существует «науки о Боге», но каждая наука, каждое исследование должно завершаться этим священным Именем.

Поэтому я не возьмусь перечислять все подтверждения той мысли, которая делает Творца началом вселенной: чтобы пересказать все доказательства бесконечного Сущего, понадобилась бы бесконечная речь. Мы лишь неумело пробормотали несколько слов этой бесконечной речи, показав, что без Бога разум, совесть и сердце теряют опору и рушатся: это составляло содержание нашей второй лекции. Мы далее увидели, что разум делает бесплодные попытки найти всеобщее начало в объектах нашего опыта — в природе и в человечестве. Давайте продолжим, хотя и не сможем завершить, изучение этой неисчерпаемой темы, показав, что только идея Творца отвечает требованиям философского разума.

Философия в высшем значении этого слова — это поиск решения всеобщей проблемы, суть которой можно выразить так: опыт показывает нам, что мир состоит из множества и разнообразия бытия; и, переходя сразу к главному различию, — в мире есть тела, которые мы вынуждены считать инертными, и умы, которые мы ощущаем разумными и свободными. Вселенная состоит из множества существ, это совершенно очевидно и подтверждается опытом. Разум, с другой стороны, заставляет нас искать единство. Понимать — значит приводить явления к их законам, связывать следствия с их причинами, выводы с их основаниями; значит постоянно вводить единство в многообразие.

Всё развитие науки было бы остановлено, если бы разум удовлетворился простым учётом фактов в том разрозненном состоянии, в котором они представлены опытом. Каждая отдельная наука собирает множество фактов в небольшое число формул; и выше всех частных наук разум ищет связи всех вещей с одной-единственной причиной. Определить отношение всех частных существ к одному существу, которое является их общей причиной, — вот в чём состоит всеобщая проблема. Эта проблема была очень хорошо выражена Пифагором в знаменитой формуле о Едином и Множественном. Чтобы понять вселенную, нужно восходить к единству, которое могло бы объяснить многообразие вещей и их гармонию, которая сама есть единство, сохраняемое в многообразии.

Если вы хорошо поймёте эту мысль, вам будет нетрудно понять источник тех великих ошибок, которые происходят от слишком сильной склонности к систематизации. Люди такого склада ума цепляются за недостаточные понятия и ищут единство там, где его нет. Преградой против этого духа систематизации является тщательное перечисление тех фактов, которые он склонен упускать из виду. Материализм ищет единство в инертной и неразумной материи; достаточно противопоставить ему один факт — реальность духа. Фатализм ищет единство в необходимости; достаточно указать ему, что его «бог судьбы» не объясняет, например, факта раскаяния, который подразумевает свободу, — и этого достаточно.

Культ человечества вынуждает вас воскликнуть вместе с Паскалем: «Странный бог!» В горечи этой улыбки — достаточно осуждения для этого учения. Искать единство — основа всякой философии. Искать единство слишком поспешно и слишком низко — источник заблуждений абсолютных умов. Абсолютные умы, какими бы великими они ни были в иных

отношениях, слабы умом именно в том, что не умеют сохранить ясного видения разнообразия фактов, требующих объяснения. Возьмите проблему Пифагора; держитесь за оба конца цепи; никогда не позволяйте себе отрицать разнообразие вещей, ибо это разнообразие совершенно очевидно человеческим опытом; берегитесь также отрицать их единство, потому что оно — основание разума; тогда ищите и просматривайте всю историю философии: вы найдёте одну гипотезу, и только одну, которая соответствует требованиям этой задачи. Она восходит, как я полагаю, к истокам мира; её предвидели Сократ, Аристотель и Платон; но в полном свете она принадлежит лишь людям, принявшим Бога Моисея и учившимся в школе Иисуса Христа. Если эта гипотеза объясняет факты, значит, она истинна, ибо свойство истины — объяснять, как свойство света — освещать.

Учение о Творце одно только может дать нам объяснение вселенной, возвращая нас к её первой причине. Первая причина единства не может быть материей, которая никогда не могла бы породить разум; первая причина единства не может быть человеческим разумом, который, едва пытаясь, возвести себя в абсолютное бытие, распадается и уничтожается. Единство, которое одно только может иметь в себе источник многообразия, — это не материя и не идея, а сила; сила, как существенное свойство духа, и бесконечная сила, то есть творческая сила. Только Творец мог произвести множество существ, потому что Он Всемогущий, и только Он мог сохранить гармонию между этими существами, потому что Он Един. Так обнаруживается внутреннее согласие между требованиями философии и религиозным чувством, ибо религия, как мы говорили в начале этих лекций, основывается на идее Божественной силы. Разум и вера встречаются на высотах истины. Но не будем углубляться слишком далеко в трудности философии. Остановимся на соображениях менее абстрактного характера.

Творец — это Бог природы. Вся видимая вселенная есть не что иное, как дело Его силы, проявление Его мудрости. Поэт евреев приглашает воздавать хвалу Всевышнему не только людей всех возрастов и народов, но и зверей полевых, птиц небесных, кедры ливанские, дождь и ветер, град и бурю (Псалом 148). И как сказал один современный поэт:

«Весь мир Тебя прославляет,
Птица поёт Тебе на гнезде;
И за одну каплю дождя
Тысячами созданий
Тебя благословляют».

И эти мысли — не пустая игра воображения. Человек, как сознательный представитель природы, как первосвященник вселенной, чувствует в своём сердце побуждение перевести смутный ропот творения в гимн хвалы Бесконечному Существу, абсолютному Истоку жизни, Тому, Кто Есть, Единому, Вечному — первой и абсолютной Причине всякого бытия.

Творец — это Бог духов. Он не только Бог рода человеческого: «в великом граде Божием, несомненно, есть существа благороднее человека, столь слабого в разуме и столь бедного в чувствах». Но обратимся к тому, что нам известно: Он есть Бог человечества. Все народы однажды воздадут Ему славу. Могучие слова разнеслись по миру: «Отныне нет уже ни эллина, ни варвара, ни иудея, но один и тот же Бог для всех». Кумиры начали падать; боги народов низвергнуты с пьедесталов; они пали, они падают, и будут падать до тех пор, пока познание единственного и верховного Творца не покроет землю, как воды покрывают море. Однажды Творец будет известен всем Своим созданиям, и в каждом из них Он станет центром и предметом всей их души; все функции духовной жизни ведут к Нему. Что такое истина, красота, добро? Мы уже отвечали на этот вопрос, но повторим наш ответ.

Обладать истиной — значит познавать Бога; познавать Его в делах Его рук и познавать Его в Его абсолютной силе, как вечный источник всего сущего, всего, что когда-либо может быть, всей действительной или возможной истины в уме Его созданий. Истина связывает

нас с Ним, и «всякая наука есть гимн Его славе». Он есть вечный источник красоты. Это Он дал птице её песню, а ручью — его журчание. Это Он установил между природой и человеком те таинственные связи, которые рождают благородные радости. Это Он открывает над природой и сверх природы неисчерпаемые источники искусства; идеал — это далёкое отражение Его великолепия. И добро, опять-таки, есть ничто иное, как Он Сам; это Его замысел, это Его воля по отношению к духам; это слово, обращённое к свободному существу, которое говорит ему: вот твоё место в гармонии вселенной.

Так от Несозданного Света нисходит тройной луч, и перед этим невыносимым сиянием я ослеплён и смущён. Для меня больше нет различия между профанным и священным; я больше не понимаю разницы между этими словами. Где бы я ни встретил добро, истину, красоту, кто бы их мне ни принёс, кем бы он ни был, откуда бы он ни пришёл, я чувствую, что презреть этот отблеск — значит быть неверным не только человечеству, но и моей вере. Если мои предрассудки или привычки стремятся замкнуть моё сердце или сузить мой разум, я слышу голос, взывающий ко мне: «Распространи шатёр твой, протяни вервии твои, распространи шатёр твой без меры. Поднимитесь, вечные врата, врата совести и сердца! Впустите Царя славы!» Всякая истина, всякая красота, всякое добро — это Он. Где мой Бог, там для меня нет ничего профанного. Пренебречь хоть одним из этих лучей — значит украсть часть Его славы.

О, счастливая свобода сердца, когда оно покоится на Авторе всякого добра и всякой истины! Но если сердце свободно, как хорошо оно при этом и охраняемо! Какое самое прекрасное украшение (если можно так выразиться) в бессмертной короне этого Царя славы? Всемогущий, Он создал силу; свободный, Он создал свободу. И свободному существу в час его создания Он сказал: «Вот! Ты создан по образу Моему! Моя воля написана в твоей совести; будь сотрудником Моим и осуществляй планы Моей любви». И этот голос — я слышу его внутри себя. Ах, я знаю этот голос, я знаю это таинственное влечение, которое, несмотря на все мои беды, тянет меня к тому, что прекрасно, чисто, свято, и говорит мне: это воля твоего Отца. Но я знаю и другие голоса, которые звучат во мне слишком громко: голос бунта и малодушия, голос низости и позора.

В моей душе идёт война. Просветлённый этим внутренним зрелищем, я вновь бросаю взгляд на тот мир, в котором я повсюду видел сияние божественных лучей; и вижу, что через тройные ворота, высокие и широкие, зло вошло туда, сопровождаемое ложью и безобразием. Тогда я понимаю, что всё может стать ненаучным; я понимаю, что существует наука заблуждающаяся, искусство развращающее, моральная система, полная безнравственности. Но эти слова принимают для меня новый смысл. Нет святого зла, нет ненаучного добра; нет святых заблуждений и ненаучных истин. Где Бог — там всё свято; где восстание против Бога — там всё зло. Итак, Бог, Который есть мой свет, является также и моей крепостью; моё сердце укрепляется, пока оно свободно, и я могу присоединиться к древней песне Израиля: «Господь — сила моя и твердыня моя!»

Да, Господа, Бог во всём, потому что Он — всеобщий принцип бытия; но Он не во всём одинаково. Бог в чистом сердце — через радость, которую Он ему дарует; Бог в пустом и легкомысленном сердце — через пустоту и беспокойство, которые подталкивают его искать лучшей судьбы; Бог в развращённом сердце — через то милосердное угрызение совести, которое не позволяет ему блуждать без предостережения вдали от источников жизни. Бог пользуется всем ради блага Своих созданий. Он везде через прямое проявление Своей воли, кроме поступков мятежной свободы и в тени страдания, которая следует за этим ложным светом, уводящим от Него. Сказав, что идея Бога-Творца одна только удовлетворяет разум и восстанавливает на основании разума совесть и сердце человека, я хотел бы в заключение показать вам, что эта идея объясняет и великие системы заблуждений, которые разделяют между собой человеческий разум. Истина имеет это

высокое свойство, что она никогда не разрушает учение, не принимая в своё лоно ту долю истины, которая могла в нём содержаться.

Каковы же, помимо открытого атеизма, дуализма (который почти исчез) и веры в Бога-Творца, великие системы, которые делят между собой человеческий ум? Их две: деизм и пантеизм.

Что такое деизм? Это учение, которое признаёт, что есть Бог, причина вселенной; но Бог, который как бы удалился от Своего собственного творения и оставил его развиваться самому по себе. Бог устроил всё в общем, но не заботится о частностях, или, говоря словами Жан-Жака Руссо (который впоследствии пришёл к лучшим убеждениям): «Бог — это как король, который правит своим королевством, но не утруждает себя выяснять, хорошие ли у него трактиры». Идея о всеобщем управлении Бога, которое не простирается на детали, — вот сущность деизма.

Что такое пантеизм в обычном значении этого слова? Мы уже сказали: это учение, которое поглощает Бога вселенной, отождествляет Его с природой и делает Его лишь бессознательной субстанцией, бездушным началом вселенной. Вот две великие концепции, которые борются в истории человеческой мысли против идеи Творца.

Эти две системы легко одерживают победу одна над другой, потому что каждая из них содержит долю истины, которая отсутствует у её противника. Но они не могут устоять сами по себе, потому что каждая из них также содержит и долю заблуждения. Это нужно хорошо понять.

В деизме есть доля истины, потому что он утверждает существование Творца, сущностно отличного от творения. Или, выражаясь словами одного древнего индийского поэта, которые я перевожу: «Одним только Своим действием Он сотворил вселенную, и Сам остался целым и невредимым». Эта мысль истинна. В чём же ошибка деизма? В том, что он делает Бога похожим на человека, который работает с материей, существовавшей до его действия, и который приводит в движение силы, независимые от него самого, и которыми он только пользуется. Так часовщик делает часы, которые потом идут сами по себе, потому что часовщик лишь использует силы, обладающие независимым существованием и продолжающие действовать, когда он закончил свою работу. Мы работаем с материей, чуждой нам. Мастер не создаёт вещество, а лишь распоряжается им, и он никогда не может сделать больше, чем изменить действие сил, которые не исходят из его воли и не были установлены его разумом. Но Существо, которое является причиной всего, не может распоряжаться чуждыми силами, которые потом действуют сами по себе, потому что в Его творении нет никакого другого начала действия, кроме тех, которые Сам Он туда поместил.

Таким образом, деизм происходит из смешения труда создания, присущего существу, поставленному в уже существующий мир, с трудом Верховной Воли, которая сама в себе есть единственная и абсолютная причина всего. В деизме есть элемент дуализма: его Бог не творит, а лишь организует мир, бытие которого от Него не зависит. Возьмите из деизма то, что в нём истинно, — существование единого Бога; вспомните, что Творец есть абсолютная причина вселенной, — и различие между целым и частностями исчезнет, и вы поймёте, что Бог слишком велик, чтобы для Него могло быть что-то малым:

> Бог не мерит наши судьбы мерой длины. Капля росы, висящая на травинке, отражает такое же огромное и чистое небо, как и безбрежный океан в своих лазурных просторах. (Ламартин)

Иначе говоря: возьмите из деизма то, что в нём истинно, примите все его последствия — и вы придёте к полному учению о творении.

Пантеизм признаёт всеприсутствие Бога во вселенной, или, если хотите выражаться словами школ, имманентность Бога; вот его доля истины. Когда я открываю гимны индусов, полные поклонения, и нахожу там бесконечное перечисление проявлений Бога в природе — я не нахожу в этом ничего предосудительного. Но когда в этих же гимнах я вижу, что отрицается свобода, что происхождение зла приписывается Святому, что человек склоняется перед судьбой, вместо того чтобы свободно возводить очи к Небесному Отцу, тогда я лишь выпрямляюсь ещё более и говорю: вы забываете, что если ваш Бог есть причина всего, то Он есть и причина свободы. Если свобода существует, то зло, как бунт свободы, не является делом Творца. Ваша система противоречит сама себе. Вы делаете Бога всеобщим Началом — и вы правы; так сделайте же Его и Автором свободных воль, чтобы Он более не был источником зла, и тогда мы будем согласны.

Таким образом, деизм и пантеизм, доведённые до своих логических последствий, преобразуются и соединяются в истине. И вы ясно видите, что я, со своей стороны, не произвожу произвольного выбора среди этих систем. Я иду лишь за одним светом, светом, который дан нам и который повсюду служит мне путеводной нитью: Господь есть Бог, и нет другого Бога, кроме Него.

Вот, господа, та основополагающая истина, на которой покоится всякая религия и всякая философия, способная дать объяснение фактам. Вот великое дело, которому следовало бы быть предметом всех усилий, которые мы слишком часто растрачиваем в бесплодных спорах, — дело Бога. Но говорю ли я истину? Разве это — дело Бога? Когда хирург успешной операцией возвращает зрение слепому, мы ведь не говорим, что он оказал услугу солнцу. Это дело принадлежит нам самим; это дело всего общества, дело семей, дело каждого человека; это — дело, касающееся нашего достоинства, нашего счастья; это — общее дело, даже тех, кто нападает на него словами, смысла которых они не осознают, и если бы действительно им удалось изгнать Бога из общественного сознания, содрогнулись бы вместе с нами от ужаса перед бездной, в которую мы все вместе рухнули бы.

Пришло время подытожить эти размышления.

— Бессознательная и инертная материя не является причиной жизни и разума.

— Совести людей были бы погружены в неизлечимое отчаяние, если бы их удалось убедить, что над человеком нет ничего.

— Вселенная — это дело Мудрости и Силы; это творение Бесконечного Разума.

Что ещё нужно нашим сердцам? Мы жаждем мысли о том, что Бог желает нам добра, что Он любит нас. Если это так, тогда мы сможем понять, что наше дело — это Его дело, что Он — не безразличное солнце, чьи лучи падают на нас равнодушно, но Отец, Который сострадает нашим страданиям и хочет, чтобы мы нашли радость и мир в Нем.

Этому будет посвящена наша следующая и заключительная лекция.

† † †

Краткий обзор шестой лекции вернуться к содержанию >>>

Автор переходит к центральному вопросу: кто такой Бог? Какова Его связь с миром? Эта лекция — размышление о Боге-Творце, как Его понимает философия, религия и особенно христианство. Он показывает, что истина о Боге как Творце — не только догмат, но и экзистенциальная необходимость для разума, совести и сердца человека.

1. Вселенная не объясняет сама себя
   - Мир — это загадка, и сама природа указывает за пределы себя.
   - Вселенная разумна, упорядочена, целесообразна — но не может быть объяснена только самой собой.
   - Возникает главный философский вопрос: почему существует нечто, а не ничто?
2. Против случайности и необходимости
   - Автор отвергает две основные безбожные гипотезы:
     - Случайность: всё возникло хаотически — это интеллектуально неубедительно.
     - Необходимость: мир как результат неизбежных законов — но кто установил эти законы?
   - И случай, и необходимость не объясняют упорядоченность, целеустремлённость и духовность мира.
   - «То, что разумно и свободно, не может быть порождением слепой силы».
3. Творец как разум и свобода
   - Бог-Творец — это:
     - Разум: источник порядка, гармонии, красоты.
     - Свобода: Он творит по воле, а не по необходимости.
     - Личность: Он не абстрактный принцип, а живой, действующий, направляющий.
4. Творение не есть Бог
   - Автор отвергает пантеизм: Бог — не тождественен миру.
   - Мир — ограничен, изменчив, временный.
   - Бог — вне мира, Он создал его из ничего, а не из себя.
5. Отличие Бога-Творца от языческих представлений
   - Бог не просто великая сила или дух космоса, как в язычестве или восточных религиях.
   - Он — Личность, способная к любви, к воле, к правде.
   - Он — не только сила, но и правда, долг, совесть.
6. От Творца к Отцу
   - Бог как Творец — это начало религии, но недостаточно знать только Творца.
   - Бог — не просто Могущество, Он — Отец.
   - Именно христианство открывает, что Тот, Кто создал мир, также любит его, входит в историю, приближается к человеку.
7. Бог и человек
   - Человек создан не как часть механизма, а как образ Бога, с разумом, волей, совестью.
   - Потому отношение к Богу-Творцу — не как к механизму, а как к личности.
   - Человек призван к диалогу, к послушанию, к любви.

Бог как Творец — не философская гипотеза, а живая реальность, к которой ведут разум, совесть и сердце. Эрнест Навиль показывает, что только в вере в Бога Творца человек обретает прочное основание для жизни, мысли и нравственности. Но ещё больше: этот Творец — Отец, и в этом — глубочайшее откровение христианства.

† † †

ЛЕКЦИЯ VII — ОТЕЦ

вернуться к содержанию >>>

(Женева, 8 декабря 1863 г.; Лозанна, 1 февраля 1864 г.)

Господа, Мы поставили для решения проблему, которая включает в себя все остальные — проблему вселенной. Каковы законы, управляющие вселенной? Это те законы, которые изучает наука в самом широком и общем смысле этого слова. Какова причина вселенной? Вечная сила Бесконечного Разума. Это два ответа, которые мы получили до сих пор, но, как мы объяснили, изучение не будет полным, если ограничиться только ими. Зная закон и причину изучаемого объекта, мы стремимся узнать и его назначение. Это не прихоть нашего воображения, а прямое следствие устройства нашего разума.

Вселенная — творение Бога. Какова цель творения? Отвечаю: цель творения — счастье духовных существ. Природа создана для духовных существ, которым она предоставляет условия для жизни и развития; духовные существа созданы для счастья. Движущей силой бесконечной мощи является доброта: это моя основная мысль. Если я сумею её доказать, то мы сможем представить, что из высшего единства Бесконечного Существа исходят три луча: сила, создающая бытие вещей; разум, упорядочивающий их; и любовь, ведущая их к назначению. Также это докажет оправданность названия этих лекций: сила и мудрость — атрибуты Творца; Отец открывается в доброте.

Каков будет наш метод? Можем ли мы заглянуть в замыслы Бога? Каким образом? Поставить наш разум в центр Божественного сознания, чтобы созерцать источник воли Бесконечного — задача, превосходящая наши силы настолько, что невозможно указать способ её решения. Это означало бы представить Бога в Его вечной сущности, независимо от Его отношения к вселенной, природе и нашему разуму. Я не просто утверждаю, что попытка будет бесплодна; я говорю, что у нас нет средств для такого метафизического предприятия.

Но можем ли мы, рассматривая дело Бога, распознать в нём свидетельства Его замысла? Это то, что мы часто делаем по отношению к нашим ближним. Хотим узнать цель труда человека — он может открыть её словами, или мы можем попытаться узнать её, наблюдая за его работой. Мы видим проявление разума, а сами обладаем разумом. Можем ли так же, глядя на вселенную — великое творение, — постичь её назначение?

Однако на этом пути возникают два возражения, исходящие от двух противоположных групп людей. Первое из них звучит так: «Вам не удастся доказать доброту Бога, потому что в мире есть зло». Это не выдумка, господа — я получил письмо с таким вызовом от одного из вас. Очевидно, что если мы хотим признать в делах Бога намерение Творца и если наша теза — что Первая Причина вселенной добра, — то зло во всех его формах — грех, страдание, несовершенство — является главным возражением.

Зло реально; это печальная и великая реальность, и я готов это признать. Любая система, доказывающая, что зла нет, или утверждающая, что зло необходимо, что добро и зло одного рода, — невозможна и, можно сказать, преступна. Великие умы устали от попыток доказать это безуспешно. Великий Лейбниц предпринял такую попытку: он старался свести зло к минимуму и признать необходимым лишь то зло, которое нельзя отрицать. Он потерпел неудачу. Острый ум одного из величайших гениев мира был пронзен меткими замечаниями Вольтера. Цитата из «Катастрофы в Лиссабоне»:

> «Грустные счётчики страданий людей,
> Не утешайте меня — вы лишь усугубляете боль;
> Я вижу в вас тщетные усилия
> Гордых несчастных, притворяющихся довольными.
> Какое счастье, о смертные, хрупкое и жалкое!

Вы восклицаете: „Всё хорошо!“ — голосом скорбным;
Вселенная противоречит вам, и ваше сердце
Сотни раз отвергало вашу ошибку.
Нужно признать — зло есть на земле».

Да, господа, мы не будем противоречить нашему старому соседу из Фернея. Да, зло есть на земле, и оно является самым большим и серьёзным из вопросов, которые мы рассматриваем. Послушаем современного поэта:

«Почему же, о Владыка, так велико зло,
Исходящее из Твоей творящей руки,
Что разум и добродетель в ужасе стоят
Перед этим отвратительным зрелищем?»
«Как могут столь ужасные деяния сиять
Под светом святого огня,
Что на устах страдальца умирает молитва
От ужаса пред лицом их?»
«Почему в Твоём великом творении
Столько элементов так мало согласных?»
(Альфред де Мюссе, «Надежда на Бога»)

Входит ли зло в предопределённый порядок Провидения? Нет, и оно не может ему приписываться. Творец не желает зла, которое человек совершает, злоупотребляя свободой, данной ему Богом. Он создал человека свободным, чтобы тот по выбору творил не зло, а добро. Жаловаться на то, что Бог не мешает человеку делать зло — значит жаловаться на то, что Он создал его прекрасным существом, наделил поступки моральной ценностью, возвышающей их, и дал право на добродетель. Что ж! Чтобы помешать человеку быть злым, нужно ли превратить его в простое животное, управляемое только инстинктами? Нет, Бог моей души, я никогда не упреку Тебя за то, что Ты создал меня по Своему образу, чтобы я был свободным, добрым и счастливым, как Ты Сам.

«Именно злоупотребление нашими способностями делает нас несчастными и злыми. Наши огорчения и заботы приходят к нам от нас самих». Таков ответ Руссо на возражение, вытекающее из существования зла. Он хороший, настолько хороший, что лучше не найти. Если мы не хотим оскорблять человеческую совесть отрицанием реальности зла; если Бог — высшее добро, и если нет иного начала вещей, кроме Него; то зло можно объяснить лишь мятежом творения.

Однако ответ Руссо, прекрасный в целом и абстрактно, становится глубоко недостаточным, когда он начинает развивать свою теорию как гражданин Женевы. Зло исходит от творения; но не каждый человек является исключительным источником всех зол, которые он творит и испытывает. Приписывать каждому индивиду не только ответственность за поступки, но и происхождение зла, заложенного в его душе, — это неприемлемое проявление безнадёжного индивидуализма. Очевидно, что зло — общее свойство человечества; Руссо это ясно видит, но тщетно ищет в устройстве общества и в условиях цивилизации причины боли и греха. Как только становится ясно, что источник зла — в творении, тесная взаимосвязь воль творений между собой и их отношения с природой открывают поле для долгого и сложного исследования; Руссо чуть лишь увидел путь к истине, как свернул на боковые тропы, и решение проблемы ускользает от него. Эту проблему, господа, я намерен и желаю однажды исследовать вместе с теми из вас, кто будет готов присоединиться.

Мы столкнёмся с ещё одним возражением или, точнее, трудностью, от которой сейчас нельзя отмахнуться, но она не должна мешать изложению нашей тезы. В каждом хорошо проведённом исследовании утверждения, которые предстоит отстоять, должны быть сформулированы и обоснованы до рассмотрения возражений. Если бы утверждалось, что

зло — основа вещей, сначала следовало бы обосновать этот тезис, а существование добра было бы возражением. Тогда нужно было бы ответить на вопрос: почему добро появилось в мире? Замечу мимоходом, что в наших библиотеках полно трактатов об истоке зла, но я не встречал ни одного об истоке добра. Следовательно, разум всегда, как бы инстинктивно, признавал тождество добра и начала бытия. Наша теза — что основа вселенной — добро. Мы попытаемся это доказать. Позже появится трудность — зло, — для объяснения которого потребуется искать решение. Это будет естественным продолжением и необходимым дополнением нашего цикла лекций.

Переходим к другому возражению, другому вызову, который тоже мне адресовали.

Вам, христиане, говорили, что вы хотите доказать, что начало и основание всех вещей — доброта. Но сделать это вы не сможете, не выйдя за рамки вашего плана и не вступив в область христианской веры в её истинном смысле. Рассматривая вселенную, не оставите ли вы в стороне Иисуса Христа и Его дело? Не знаете ли вы, что именно через Его дело была внедрена в мир идея любви Божией, и именно оттуда вы её почерпнули? Думаете ли вы взобраться на высочайшие вершины мысли и сделать это другим путём, нежели через гору Назарет и холм Голгофы?

Господа, я сразу же высказал всё, что думаю по этому поводу. Полное представление о Боге требует, чтобы его отстаивали на основе великих догматических основ нашей веры. Христианская по своему происхождению твердая вера в любовь Бога-Творца нуждается для защиты в доспехах Евангелия. Но прежде чем защищать эту веру, мы должны её установить; показать, что она имеет естественные корни в человеческой природе. Христианство очищает и укрепляет её, но не создаёт абсолютно. Признаком истины является то, что она не воспринимается как нечто абсолютно новое, а находит отклик в глубинах нашей души. Когда мы встречаем её, нам кажется, что вновь обретаем своё наследие. Крест Иисуса Христа — несомненно, величайшее доказательство милосердия Творца; но этот Крест скорее даёт христианину основание верить в Божью любовь, чем рождает эту идею. Нужно различать в Евангелии универсальную религию, которую оно восстановило, и сам акт этого восстановления, составляющий Евангелие в его специальном смысле.

То, что я сейчас утверждаю, — это факт существования в современном обществе элементов универсальной религии. Я далёк от иллюзий моего соотечественника Руссо, который утверждал, что даже если бы он жил на необитаемом острове и не знал других людей, он всё равно смог бы написать «Верую пастыря Савойского». Я прекрасно знаю, что если бы я был брахманом у подножия Гималаев или китайским мандарином, я не смог бы говорить то, что говорю о доброте Бога. Свет, который мы получили, — я знаю, откуда он исходит; но с помощью этого света я ищу родственные лучи повсюду и нахожу их в человечестве.

Попытаемся теперь, согласно нашему плану, распознать во вселенной признаки Божественной доброты. Для начала опросим человеческую душу — несомненно, один из важнейших элементов мира — и спросим её о великом факте религии.

Универсальная религия представляет два основных вида духовного опыта: ощущение необходимости умилостивить Божественную справедливость и ощущение необходимости получить помощь от Бога.

Ощущение необходимости умилостивить справедливость выражается через жертвы. Существуют жертвы, которые являются просто дарами благодарности и свободной любви. Но когда мы видим, как в храмах льётся кровь животных, а порой и человеческая кровь на алтарях, невозможно избежать убеждения, что человек, являясь перед Богом, чувствует себя обязанным умилостивить справедливость, которая ему угрожает. Потребность в

помощи проявляется в молитве; и именно это будет нашим особым предметом изучения, потому что именно в факте религиозного взывания к Богу мы встретим идею, возможно, смутную, но реальную, доброты Первопричины вселенной.

Молитва — факт универсальной религии. Откуда мы черпаем значительную часть знаний о древних цивилизациях Индии и Египта? Из развалин — главным образом развалин храмов, то есть молитвенных домов. Хотим ли мы заглянуть дальше этих каменных памятников? Я обращаюсь к тем пионерам науки, которые ищут следы древности в старых языках — к моему ученому соотечественнику, г-ну Адольфу Пикте: «Вы, кто с терпением исследовал первые истоки нашего рода, что вы обнаружили относительно религии?» Он отвечает: «Когда я дошёл до пределов исторических предположений, используя язык, мне кажется, что я уже не вижу храмов, построенных руками людей, а под открытым небом слышу, как наши самые ранние предки вместе поднимают песнь молитвы и пламя жертвоприношения».

От древнейших времен я спускаюсь до язычества, в котором началась современная цивилизация. Тертулиан учит нас, что язычники, казалось, забывая своих идолов и давая спонтанное свидетельство истине, часто восклицали: «Великий Бог! Добрый Бог!» Каково было соотношение этих двух мыслей — мысли о величии и мысли о доброте? На фронтоне храма в Риме была знаменитая надпись: Deo optimo maximo («Богу наивысшему и величайшему»). Цицерон объясняет, что Бог Капитолия у римлян именовался «очень добрым» из-за благ, которые Он даровал, и «очень великим» из-за Своей силы. Здесь идея доброты, кажется, первична. Но обратимся к корню вопроса: что мы извлекаем из повсеместности молитвы? Что такое молиться? Молиться — значит просить. Молитва может сопровождаться благодарностью и выражениями поклонения, но, по сути, молитва — это просьба. Просьба обращена к Богу, и когда она возникает? В беде, в страдании. Это нищета, слабость, поверженное сердце, ослабевающая воля объединяются, чтобы поднять с земли и вознестись к небу тот долгий зов, который звучит сквозь все страницы истории: «Помоги!»

Анализируя этот факт, я спрашиваю: что он означает? Просьба существует ради чего? Ради силы, спокойствия, мира, счастья во всех его формах. И у кого просят счастья? У доброты. Справедливость умилостивляется, власть вызывает страх, но призывают доброту. Так обстоят дела в человеческих отношениях. Человек, умоляющий самого свирепого тирана, делает это лишь потому, что предполагает, что в сердце дикаря ещё вибрирует хоть одно чувство доброты. Отнимите у него эту мысль, убедите, что последняя искра жалости в сердце, к которому он обращается, погасла, — и молитва умолкнет на устах молящегося. Ему останется лишь молчание отчаяния или героизм смирения.

Подытожим: религия — это универсальный факт. «Нет религии без молитвы», — сказал Вольтер, и не сказал лучше. Нет молитвы без смутного, возможно, но реального убеждения в доброте Первопричины вселенной. Если бы вы могли заглушить в сердце человека чувство, что Принцип всего есть добро, вы бы заставили замолчать на всей земле этот голос молитвы, что непрестанно возносится к Богу. Таким образом, человечество само свидетельствует в пользу истины, которую я отстаиваю: человечество молится, следовательно, оно верит в доброту Бога. Этот факт является аргументом. Сердце человека устроено так, чтобы верить, что Бог добр: это знак, поставленный Работником на Его творении.

Теперь обратимся к другому элементу вселенной. Мы услышали ответ человеческого сердца; спросим теперь ответ разума. Есть ли у разума что сказать о намерениях Творца? Поставим разум перед идеей Бога — Бесконечного Существа — и посмотрим, чему он сможет нас научить. Для достижения цели мне нужно более подробно объяснить слово, которое стало легкомысленным из-за поверхностности нашего сердца, осквернённым в результате беспорядков страстей и, что хуже всего, поэтами и романистами, но которое в

своей девственной чистоте всегда протестует против насилия, которому подверглось: это слово — любовь.

Это слово имеет два основных значения. В платоновском смысле это поиск прекрасного, великого, благородного, чистого, того, что, будучи сущностью души, привлекает, наполняет и радует её. Но есть и другой вид любви — та, что не стремится к величию и красоте, а отдаётся; любовь, которая ищет несчастного, чтобы обогатить его; бедного — чтобы сделать счастливым; падшего — чтобы поднять. Эти два вида любви, кажется, следуют разным и даже противоположным законам.

Вот, например, описание того, что часто происходит в большом городе. Человек вечером выходит из дома, чтобы посетить представления, в которых, я готов поверить, всё несёт печать благородства и величия или, по крайней мере, чистого и здорового вкуса. Он испытывает сильное наслаждение — возвышенное по своему характеру. Представление кончено, он возвращается домой и, позднее, наконец, уходит отдыхать. Возможно, он совсем недавно потушил свои роскошные свечи, когда другие люди, которые спали, пока одни искали развлечений, встают до рассвета, зажигают свои маленькие фонарики и выходят, чтобы помогать несчастным, тихо и без показухи. Я взял этот пример у Ксавье де Местр.

Позвольте привести другой, более знакомый нам по сценам из нашей повседневной жизни. Вы знаете те чистые летние утра, когда можно с полным правом сказать, что Альпы улыбаются, и гора приглашает? Молодой человек выходит из дома на рассвете, в руке — туристская палка, на лице сияет радость. Он отправляется в горный поход. Целый день он с наслаждением вдыхает чистый воздух, наслаждается свободой пастбищ, видом на высокие вершины и дальние горизонты. Он отдыхает в тени леса, пьёт из родника, вытекающего из скалы, а когда любуется Альпийским хребтом, сияющим в лучах заходящего солнца, задерживается, чтобы увидеть закат, который медлит с прощанием с горами.

Благородные наслаждения! Этот молодой человек наслаждается потому, что любит. Вид творения говорит его сердцу и возвышает его мысли. Он любит эту чарующую природу, которая удивительным образом соединяет впечатления, рождаемые в человеческих отношениях и величием сильного мужчины, и самой нежной улыбкой девушки. В тот же летний день другой человек встал ещё до солнца. Он посвятил себя облегчению человеческих страданий и был очень занят. Он поднимался по мрачным лестницам, входил в тёмные палаты, проводил время в больницах среди боли больных, приходил в тюрьмы, чтобы облегчить ещё более печальные страдания. День, вставший, озарял вершины Альп, но он не видел того чистого света утра. День, наступая, проникал в долины, но он не замечал этого. Солнце заходило во всей своей славе, но он не имел возможности любоваться ни ярким отражением вод, ни розовым оттенком гор. И всё же и он радостен, потому что любит. Он любит исполнение сурового долга, он любит утешённую бедность и облегчённые страдания.

Вот два вида любви. Ученик Платона возносится далеко от пошлости жизни в возвышенные области идеала и питается красотой. Винсент де Поль занимает место каторжника на галерах, чтобы вернуть отца детям. Эти два вида любви кажутся нам противоположными: одна ищет себя, другая отдаёт себя. Но обе они необходимы для жизни, ведь чтобы отдавать, нужно принимать. При исполнении дел добра душа обеднела бы и высохла бы в чисто механическом исполнении благодеяний, если бы не имела источника, из которого могла бы черпать живую воду. Человек должен сам находить радость, чтобы распространять её среди ближних.

Но вот непостижимое чудо духовного порядка вещей! Любовь, которая отдаёт себя, способна найти достойнейший объект и чистейшее удовлетворение в самом акте доброты. Есть радость в самопожертвовании; есть счастье в самоотдаче: источник снабжает себя

сам. Так гармонизируются два противоположных стремления человеческого сердца. «Блаженнее давать, нежели принимать» — это слова Иисуса Христа, забытые евангелистами, но записанные апостолом Павлом. И поскольку эта мысль красива, она украсила строки поэтов. Ламартин говорит:

Отказываешься ли ты от счастья
Чтобы отдать другому?
Оно становится твоим —
Чем больше отдаёшь, тем больше имеешь.

А Виктор Гюго, олицетворяя Милосердие, заставляет её говорить так:

Дорог каждому живущему,
Я приношу радость дающему,
И оставляю радость тому, кто принимает.

И потому что эта мысль глубока и прекрасна, её подхватили философы. «Любить, — сказал Лейбниц, — значит ставить своё счастье в счастье другого». Вот связь между платонической любовью и любовью, которая есть милосердие. Послушайте, как христианский оратор комментирует эти слова: «Это возвышенное определение не нуждается в объяснениях: его либо сразу понимают, либо не понимают вовсе. Тот, кто любил, понимает; тот, кто не любил, никогда не поймёт. Любивший знает, что тень в сердце любимого омрачила бы его собственное; он знает, что не посчитает средствами слишком дорогими — ни бдения, ни труд, ни лишения — чтобы вызвать улыбку на губах печального; он знает, что готов умереть, чтобы искупить потерянную жизнь; он знает, что был бы счастлив в благополучии другого, счастлив в его дарах, добродетелях, славе и счастье. Тот, кто любил, знает всё это; кто не любил — не знает ничего: — я жалею его!»

Но главная ошибка, свойственная нашей природе, состоит в том, что мы всегда связываем счастье с идеей получения и считаем, что отдавать — значит терять. Мы не понимаем, что эгоистично удерживать — значит обеднеть, а свободно отдавать — значит обогатиться. Вот великое открытие духовной жизни; и, сделав это открытие, чтобы духовная жизнь достигла цели, остаётся лишь найти силы воплотить его в жизнь. Эгоизм — ошибка, конечно, но не только ошибка, а невежество, потому что он ищет счастья там, где его нет; и он несчастен, потому что сбивается с пути мира.

Применим теперь эти рассуждения к Бесконечному Бытию и к вопросу о цели творения. Подчиняясь законам нашего разума, спросим себя: какова же цель, которую мы можем приписать Творцу в Его творении? Будет ли творение следствием необходимости? Нет, господа, потому что тогда всё в мире было бы вопросом судьбы, и свобода оставалась бы необъяснимой. Если бы слепая сила управляла Всемогущей Волью, мы вернулись бы к поклонению судьбе. Значит ли это, что творение — это осуществление замысла, мотивированного интересом? Но какой интерес может влиять на Того, Кто есть полнота бытия? Или творение — это долг? Но откуда может взяться обязанность для Существа, которое в Себе есть абсолютный закон? Творение можно представить лишь как дело любви. Но какой любви? Той, которая проявляет абсолютное бескорыстие, высшую свободу.

Позвольте привести в эту дискуссию слова, произнесённые в 1848 году в разгар революционных волнений в Париже. Тогда отец Лакордэр (Lacordaire) говорил об этом вопросе в присутствии взволнованной публики. Он приступает к вопросу: каков мог быть мотив творения? И он различает любовь в платоновском смысле, для которой он сохраняет название «любовь», и любовь, которая отдаёт себя, которую он называет «добротой». Он спрашивает: «Разве именно эта любовь побудила Божественную Волю и непрестанно говорила ей: Иди и твори? Разве любовь мы должны считать нашим первым Отцом? Но, увы, сама любовь имеет причину в красоте объекта; а какую красоту могла иметь эта мёртвая и холодная тень до Бога, что предшествовала Вселенной и которой мы не можем

дать имя, не исказив истину?... Остаётся, господа, нечто более великодушное, чем личная выгода, выше долга и сильнее любви. Поглядите в свои сердца; и если вам трудно понять меня, если вы не знаете своих дарований, послушайте Боссюэ, говорящего о вас: "Когда Бог создал сердце человека, первое, что Он посадил там — это доброта", — доброта, то есть добродетель, которая не думает о собственной выгоде, не ждёт приказа долга и не требует побуждения красотой, но которая склоняется к своему объекту всё более, чем он беднее, несчастнее, покинутее и достойнее презрения!»

И правда, господа, правда: человек обладает этой прелестной способностью. Это не гений, не слава и не любовь, которые измеряют возвышенность души, — это доброта. Именно она придаёт человеческому лицу его главный и самый сильный шарм; она сближает нас; она объединяет добро и зло и всюду, от неба до земли, является великим посредником. Взгляните в подножье Альп на того жалкого кретина, слепого, безулыбочного, без слёз, даже не сознающего своего собственного унижения, который выглядит как оскорбление природы самой себя — позорнейшее из её творений. Но остерегайтесь думать, что этот жалкий объект не нашёл пути к какому-либо сердцу или что его унижение лишило его любви всего мира. Нет, он любим; у него есть мать, братья и сёстры; у него есть место у домашнего очага, самое лучшее и святое из всех, именно потому, что, кажется, что он наименее достоин чего-либо. Грудь, что кормила его, всё ещё поддерживает; суеверие любви говорит о нём только как о даре, посланном Богом. Вот такой человек!

Но могу ли я сказать: «Вот такой человек», не добавив: «Вот такой и Бог!»? От кого бы человек получил доброту, если бы Бог не был первоисточником добра, если бы, формируя наше сердце, Он не влил в него каплю Своей доброты? Да, Бог — добр; да, доброта — это атрибут, который включает в себя всё остальное; и не без причины древние гравировали на фронтоне своих храмов знаменитую надпись, в которой доброта предшествовала величию.

Оставив в стороне красоту этой фразы, сосредоточимся на её главной мысли: Вечный и первичный Источник всего сущего, без Которого ничто не могло бы существовать, мог творить только из доброты — той, что отдаёт, а не из любви, которая ищет вознаграждения. Эта мысль логически ясна — так же, как геометрическая теорема. Но мы подошли к порогу бесконечности, и не касаешься порога бесконечности без некоторой растерянности. Хотя мысль ясна в абстракте, когда пытаешься проанализировать её в реальности, взгляд мутнеет. Вы хорошо понимаете, что доброта тем больше, чем меньше объект её адресата. Мы добрее, когда склоняемся к тому, кто беднее и несчастнее. Что же тогда есть бесконечная доброта? Чтобы её понять, нужно бесконечно уменьшать объект — и здесь возникает тайна. Бесконечно уменьшить объект — задача невозможная для нашего мышления.

Эта тайна встречается даже в математике. Мы берём величину, делим пополам, снова пополам, и так до бесконечности, но бесконечно малым она не становится, потому что любая величина, сколь угодно разделённая, остаётся делимой. Между остатком и ничем всегда простирается бездна бесконечности.

Итак, я ищу объект бесконечной доброты — этот объект должен быть бесконечно лишён. Я уменьшаю существование вселенной: гашу все её лучи красоты, забираю у неё порядок, жизнь, меру, цвет, свет; уменьшаю, пока не останется лишь бесформенная материя, что-то — не знаю что — что уже не имеет имени. Попытка тщетна! Это нечто без имени, если оно хоть что-то, не будет ничем. Между ним и ничем всегда будет бесконечность. Если доброта Бога обращена к любому объекту, который существовал независимо от Него, каким бы бедным и ничтожным этот объект ни был, тогда Бог уже не единственный, не абсолютный Творец.

Если воображение перепрыгнет эту бездну, мы неизбежно скажем: — что же? — что объект бесконечной любви должен был быть небытие. Именно к такому выводу пришёл уже

упомянутый оратор: «Всякое совершенство предполагает объект, к которому оно применимо. Следовательно, божественная доброта требует объекта столь же великого и глубокого, как сама. Бог его нашёл. Из Своего собственного изобилия Он увидел это существо без красоты, без формы, без жизни, без имени — это существо без бытия, которое мы называем небытие. Он услышал крик миров, которых не было, крик безмерной нищеты, призывающий к безмерной доброте. Вечность встревожилась и сказала Времени: Начинай!»

Это, господа, — красноречие. Мысль сама по себе не выдерживает строгого анализа, но не думайте, что блестящая красота языка — лишь яркая вуаль для абсурда. Мы подошли к тьме, но это — видимая тьма; облако освещается исходящим из него лучом. Наша доброта, будучи конечными созданиями, тем больше, чем меньше объект, которому она даруется. Бесконечная доброта должна иметь для себя объект. Она не любит небытие, а существо, которое само по себе ничто, существо просто возможное, которое, прежде чем обязано ему благами бытия, будет обязано ему самим бытием.

Единственное существо, которое мы можем представить себе в возвышенном образе как склоняющееся к небытию, — это Тот, чей взгляд даёт жизнь. Создание желанно само по себе, или, говоря словами профессора Секретана, обращёнными к вам в прошлом году, основание природы — это благодать. Мы спрашиваем: какова могла быть цель творения? Наш разум отвечает: Бесконечное Существо может действовать только из доброты, у Него не может быть иной цели, кроме счастья Его творений.

И теперь я подытожу. Мы спрашиваем, какова цель творения; и хотя мы не можем перенестись в недосягаемый свет Божественного сознания, мы обращаемся к творению Бога, чтобы постичь намерения Творца. Из того факта, что человечество молится, мы заключаем, что человек имеет спонтанную веру в доброту Первопричины вселенной. Мы ставим разум перед идеей Бесконечного Существа; разум заявляет нам, что Тот, кто есть полнота бытия, не мог создать иначе как из мотива любви. Мы понимаем, что Бог сотворил всё для Своей славы, и что Его слава состоит в проявлении Его доброты. Эти мысли в полном свете принадлежат откровению Евангелия, но они присутствуют, пусть и под завесой, в представлениях, лежащих в основе языческих религий. Не входя в храм идолов, мы можем преклонить колени перед фронтоном древнего святилища и, под открытым небом, поклоняться, вместе с римским народом, тому Богу, чья доброта превыше величия.

Прямым следствием изложенных принципов является то, что счастье — цель нашего бытия. Созданные добротой, мы не можем иметь иной цели, кроме блаженства.

Но остерегайтесь думать, что мы можем взять за путеводитель наше собственное желание счастья и самостоятельно вычислить его условия. Счастье — наша цель; это воля нашего Отца, но мы должны позволить себе быть ведомыми к нему. Если, закрыв уши голосу, возлагающему на нас обязанности и заповеди, мы возьмём свои судьбы в собственные руки; если сделаем поиски счастья своим правилом, понимая счастье по-своему, — мы станем следовать за иллюзорными бликами, которые поведут нас в бездны разрушения. Непокорные склонности нашего сердца приведут нас к тому, что мы сделаем себя центром мира. «Жить для себя» — девиз эгоизма и пароль несчастья. Жить для Бога — путь к счастью.

Жить для Бога, то есть — над руинами разрушенного эгоизма — войти в порядок, занять своё место в духовном сооружении любви и разделить радость, которую Бог даёт всем Своим детям, — вот цель нашего творения. Поднявшись до этой мысли, мы можем понять великий разрыв, который разрывал совесть древних, ибо во времена их жизни свет истины лишь изредка озарял тучи заблуждений, покрывающих мир.

В человеке звучат два голоса: один ведёт его к счастью, другой — к святости. Первый порыв природы — стремиться к простому наслаждению; но вскоре раздаётся второй голос — голос

совести, старающийся остановить его на этом пути. Если человек не послушается её призыва, совесть становится его мятежником. Возникает болезненная борьба противоречивых чувств, и разум подвергается искушению успокоиться, заглушив один из двух голосов. Такова история древности.

Сократ, мудрый Сократ, воскликнул громко: «Горе тому, кто отделяет справедливое от полезного» и предупреждал, что счастье может быть найдено отдельно от того, что справедливо и хорошо. Цицерон выразил в прекрасной латыни уроки греческого мудреца; но измученное сердце человека недолго хранило философский покров. Из полноты и завершённости мысли Сократа возникли две знаменитые школы, одна из которых хотела строить жизнь человека на обязанности без учёта счастья, другая — на счастье без учёта обязанности.

Стоики придерживались долга; но потребность в счастье заявила о себе вопреки им и искала удовлетворения в мрачном удовольствии уединения, и в дикой радости гордости. Мудрец из числа этих философов освобождается не только от всех земных забот, но и от всех уз сердца, от всякой естественной привязанности. Наконец, как печальное и странное следствие той же доктрины, высшая степень самообладания — доказать, что человек владеет собой, освободившись через самоубийство и в свободе смерти. Стоический философ объявляет себя нечувствительным к бедам жизни; он отрицает, что боль — это зло; и вместе с тем требует права покончить с собой, чтобы избежать страданий бытия! Так закончилась эта знаменитая школа. В то же время, толпа последователей Эпикура, предаваясь слабым и постыдным потаканиям, по сути (по мнению Монтескьё) усердно трудились над подготовкой той огромной порчи, под которой должны были пасть слава Рима и цивилизация древнего мира.

Эта борьба, раздиравшая древнюю совесть и которая до сих пор терзает современную, где бы ни оставалась завеса над добротой Божьей — этот великий конфликт утихает, когда мы приходим к пониманию, что доброта — первый принцип вещей, что счастье — наша цель, а строгий голос совести — дружеский голос, предостерегающий нас от путей заблуждения, ведущих к бедствиям. Совесть — голос Владыки; и та же власть, которая, говоря именем долга, повелевает: «Будь добр», добавляет в мягких интонациях надежды: «и будешь счастлив».

Счастье и долг — два аспекта Божественной Воли, решение универсальной загадки. Как бы удивительно ни звучала эта мысль, быть счастливым — наш долг. Наша вера, когда мы взираем вверх, должна быть: «Я верю в доброту», а когда мы обращаемся к себе — «Я верю в счастье». Но мы в это не верим. Неверие в счастье — корень наших бед; это первоначальная беда, включающая в себя все остальные. Будучи легкомысленными, мы предаёмся удовольствиям, потому что не верим в радость; будучи пустыми, гоняемся за мимолётными возбуждениями, потому что не верим в мир; с развращёнными сердцами, мы предаёмся пожирающему пламени страстей, потому что не верим в ясный свет истинного блаженства.

Но чем глубже в душе звучит мысль о Божьей любви, тем крепче вера в счастье выходит из нашей души, словно благословенный цветок. Счастье — цель нашего бытия, воля Отца. Эти слова обращены к каждому из нас: Бог любит тебя; будь счастлив! Если же (я обращаюсь особенно к молодым слушателям) в глубине души вы чувствуете внезапное стремление к истинному блаженству, ах, не позволяйте святому огню угаснуть, не говорите об иллюзиях; умоляю, не соглашайтесь на прозаичную жизнь, на унылое и мрачное довольство судьбой без идеала. Ваша природа не обманывает вас; это вы обманываете себя, если ищете собственного блага в мире глупых или виноватых фантазий.

Слушайте все голоса, говорящие вам о покое; внимайте всем словам мира. Ищите, трудитесь, молитесь, пока не сможете с уверенностью произнести слова Псалмопевца:

«В мире лягу и спать буду —
Ты, Господь, мой свет и путь.
Ты мне дашь покой в судьбе —
Ты со мною, Ты во мне.
Ты хранишь меня всегда,
Не смыкаешь Ты глаза.
Смотрит око Твоё живо —
И душа моя в покое»
Псалом 4:8

Бог в сердце — вот что придаёт вкус нашим наслаждениям, освящает наши привязанности, унимает наши скорби и среди борьбы, горестей и мучительных испытаний жизни даёт возгореться на лице возвышенной улыбке, которая может ярко сиять даже сквозь слёзы.

† † †

Краткий обзор седьмой лекции вернуться к содержанию >>>

Эта лекция — венец всей книги. Автор говорит о самом глубоком христианском откровении: Бог — Отец. Он показывает, что образ Отца — это не метафора, не абстракция, а ключ к пониманию Бога, человека и самой жизни. Здесь философия уступает место вере, любви и благоговейному доверию. Всё, что он развивал в предыдущих лекциях (о Боге, человеке, мире, человечестве), теперь соединяется в одной идее: отцовство Бога — это центр христианской веры.

1. Недостаточность всех прочих определений Бога
   - Бог как сила, как причина, как разум, как Творец — всё это истинно, но неполно.
   - Эти определения либо холодны, либо отвлечены, либо недоступны для любви.
   - Бог, чтобы быть действительно Богом для человека, должен быть живым Лицом, Личностью, способной к отношениям, к любви.
2. Почему «Отец»?
   - Из всех возможных имён Бога христианство сохраняет это как главное и единственное по существу: Отец.
   - Оно звучит в молитве, с которой Христос обратился к Богу: «Отче наш».
     - Это слово выражает:
     - Любовь (Он любит нас не как хозяин, а как родитель),
     - Близость (Отец — не далёкий, а присутствующий),
     - Прощение (Отец не отвергает, а ждёт возвращения),
     - Призвание (Отец хочет, чтобы дети были похожи на Него),
     - Требование (не абстрактное, а отцовское: любящее, но строгое).
3. Источники образа Отца
   - Отцовство — не проекция человека на небо, а образ, вложенный в сердце человека Богом Самим.
   - Отец земной — слабое отражение Отца Небесного.
   - Даже если человеческий опыт отцовства искажён (отсутствие, жестокость, слабость), это не повод отвергать идею Отца, а наоборот, искать её истинный источник в Боге.
4. Чем живёт душа перед Отцом?
   - Доверие: потому что знает, что Он заботится.
   - Покаяние: потому что знает, что Его можно просить о прощении.
   - Молитва: потому что знает, что Он слушает.
   - Свобода: потому что знает, что любовь освобождает, а не порабощает.
   - Сыновство: потому что знает, что принадлежит Богу по природе и благодати.

5. Христос — путь к Отцу
   - Человек не может сам дойти до Бога-Отца, если Бог Сам не откроется.
   - Христос — Сын Божий — открыл человечеству, что Бог есть Отец.
   - Через Него мы становимся сынами по благодати.
   - Он — не просто учитель, а путь, истина и жизнь: именно через Него и в Нём Бог становится Отцом для каждого.
6. Ответ души: вера и любовь
   - Познание Бога как Отца вызывает не страх, а любовь, признательность, преданность.
   - Душа отвечает на отцовскую любовь верой, надеждой, послушанием, но прежде всего — доверительным сыновним духом.

Лекция «Отец» — кульминация всей книги. Бог — это не идея, не закон, не энергия. Бог — это Отец. Это откровение — не выдумка, а ответ на глубочайшую потребность человека. Оно делает возможной веру без страха, послушание без рабства, любовь без заслуг. Только в Отце душа находит дом, свободу и свет.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top